

Сара Дж. Маас предлагает свое лучшее произведение — волшебное, чарующее, захватывающее. Мастерство создателя миров — на звездном уровне.

USA Today

САРА ДЖ. МААС

ДОМ
ЗЕМЛИ
И
КРОВИ

18+

ГОРОД
ПОЛУМЕСЯЦА

Сара Дж. Маас

Дом Земли и Крови

Серия «Город Полумесяца», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62136767

*Город Полумесяца. Дом Земли и Крови: Азбука, Азбука-Аттикус;
Санкт-Петербург; 2020
ISBN 978-5-389-18800-6*

Аннотация

Брайс Куинлан – внебрачная дочь смертной женщины и фэйского короля Осени. Но о происхождении Брайс и скрытых в ней магических силах не знает никто, кроме матери девушки и ее самой. Живет Брайс в городе Полумесяца, работает в антикварной галерее, которую содержит престарелая колдунья Джезиба, в прошлом ведьма, бежавшая из своего клана. Однажды случилось так, что Даника, подруга девушки, оборотеньволчица и предводительница Стаи Дьяволов, элитного отряда оборотней, патрулирующего городские районы, гибнет ужасной смертью – неведомый демон буквально разрывает ее на части. Кто он, убийца ее подруги? И почему такая страшная смерть? Коснется ли это самой Брайс? Пока только одни вопросы, ответы ее ждут впереди. Впервые на русском языке начало нового книжного сериала от автора знаменитого цикла о Селене Сардотин, непобедимой женщине-ассасине, и не менее известной серии книг о приключениях Фейры.

Содержание

Четыре дома Мидгарда	6
Часть I	8
1	8
2	23
3	46
4	76
5	98
6	117
7	152
Часть II	155
8	155
9	179
10	190
11	216
12	225
13	239
14	257
15	278
Конец ознакомительного фрагмента.	298

Сара Дж. Маас

Город Полумесяца.

Дом Земли и Крови

Посвящается Тарану – самой яркой звезде моего небосклона

HOUSE OF EARTH AND BLOOD

Copyright © Sarah J. Maas, 2020

Map by Virginia Allyn

Endpapers and interior art by Carlos Quevedo

This edition published by arrangement with Laura Dail
Literary Agency, Inc and Synopsis Literary Agency

All rights reserved

© И. Б. Иванов, перевод, 2020

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2020

Четыре дома Мидгарда

о которых было объявлено в 33 году в. э. Имперским сенатом в Вечном Городе

ДОМ ЗЕМЛИ И КРОВИ

Оборотни, люди, ведьмы, обычные животные и множество других, к которым взывает Ктона, а также некоторые, избранные Луной.

ДОМ НЕБА И ДЫХАНИЯ

Малакимы (ангелы), фэйцы, элементали, спрайты¹ и те, кто благословлен Соласом, наряду с теми, к кому благоволит Луна.

ДОМ МНОГОВОДИЯ

Речные духи, русалки, водяные звери, нимфы, келпи, никсы и другие, за которыми наблюдает Огенас.

¹ Вследствие участия впадении, спрайты были изгнаны из своего Дома и ныне считаются низшими существами, хотя многие из них отказываются это признавать.

ДОМ пламени И ТЕНИ

Демонаки, жнецы, призраки, вампиры, драки, драконы, некроманты и множество злонамеренных и безумных существ, которых сама Урда не в состоянии увидеть.

Часть I

Пустое пространство

1

У входа в галерею стояла волчица.

Ее появление позволяло сделать два вывода. Во-первых, сегодня четверг, а во-вторых – Брайс устала до таких чертиков, что день недели могла определить только по появлению (и исчезновению) Даники.

Тяжелая металлическая дверь антикварной галереи «Грифон» вздрагивала от ударов кулака. Пальцы волчицы, сложенные в кулак, оканчивались ногтями, покрытыми лаком оттенка «пурпурный металлик». Этим ногтям, в чем Брайс не сомневалась, отчаянно требовался маникюр. Еще через мгновение долетел женский голос, немного приглушенный стальным листом:

– Биби, Хел тебя подери, открывай! На улице дерьмовое пекло!

Брайс, сидевшая за письменным столом в огромном выставочном зале галереи, усмехнулась и вывела на монитор изображение с наружной видеокамеры. Потом откинула за остроконечное ухо прядку винно-красных волос и спросила

в переговорное устройство:

– Ты что, явилась с ног до головы в грязи? Такое ощущение, будто ты рылась на мусорной свалке.

– Откуда взялся этот идиотский глагол «рыться»? – спросила Даника.

Она переминалась с ноги на ногу. Лоб блестел от пота. Даника вытерла его рукой, забрызганной черной и тоже блестящей жидкостью.

– Если бы ты хоть раз заглянула в книгу, то знала бы и откуда взялся глагол, и его значение.

Брайс обрадовалась приходу Даники. Все утро она занималась галерейной рутинной и жаждала перерыва. Улыбнувшись, она встала из-за стола. Галерея не имела внешних окон, и видеть тех, кто приходил в «Грифон», позволяла лишь обширная сеть видеокамер. Даже Брайс с ее острым слухом полужуфэйки не слышала никаких звуков извне, не считая ударов кулака, как сейчас. Здание галереи, выстроенное из песчаника, выглядело неприметным. Но хитроумная техническая начинка и первоклассные заклинания, обеспечивающие работу этих чудес, надежно охраняли многочисленные книги и манускрипты, собранные в подвальной библиотеке.

Казалось, стоило Брайс подумать о нижнем этаже, как оттуда сквозь шестидюймовую дверь донесся негромкий голосок:

– Это Даника?

– Да, Лехаба, – ответила Брайс и взялась за дверную ручку.

ку.

Ладонь загудела от заклинаний. Они, словно дым, клубились вокруг ее золотистой веснушчатой кожи. Скрипнув зубами, Брайс временно сняла заклинания. Проработав в галерее год, она так и не привыкла к этому ощущению.

С другой стороны обманчиво простой металлической двери, скрывавшей вход в библиотеку, послышалось предостережение Лехабы:

– Джезиба не любит, когда она сюда приходит.

– Это ты не любишь, – поправила Брайс, сощутив янтарные глаза.

Маленькая огненная спрайта, конечно же, сейчас приклеилась к другой стороне двери и подслушивала. Этим Лехаба занималась постоянно, подслушивая за каждым, кто посещал галерею.

– Возвращайся к работе, – распорядилась Брайс.

Лехаба не ответила. Наверное, спустилась вниз. Брайс открыла входную дверь и невольно вытаращила глаза. В лицо ударил знойный ветер, угрожая иссушить ее изнутри. А ведь лето едва началось.

Даника не только выглядела как явившаяся с раскопок на свалке. Она и пахла соответствующим образом. Ее волосы (в чистом виде прямые и шелковистые) выбивались из длинной тугой косы. Опять-таки в чистом виде, они красиво отливали аметистовыми, сапфировыми и розовыми оттенками. Сейчас волосы Даники покрывало нечто темное и маслянистое,

пахнущее металлом и аммиаком.

– Долго же ты тащишься до двери, – проворчала Даника и взрвалочку вошла в помещение выставочного зала.

Меч, висящий сбоку, покачивался на ходу. Конец косы наматался на эфес, обтянутый старой, истертой кожей. Едва Даника остановилась возле стола, Брайс решила освободить эфес от волос.

Сама Даника поспешила освободиться от меча и стала развязывать тесемки, которыми ножны крепились поверх ее обтрепанной мотоциклетной куртки.

– Мне нужно на несколько часов пристроить это хозяйство, – заявила Даника.

Она сняла меч и направилась к деревянной стенной панели, за которой скрывался чулан.

Брайс привалилась к кромке стола и скрестила руки, ощущая под пальцами эластичную ткань своего черного облегающего платья.

– Твоя гимнастическая сумка и так провоняла на весь чулан. Если ты ее не убережешь, Джезиба вышвырнет ее в мусорный контейнер, как только вернется. А вернется она уже скоро.

Такой способ расправы был, пожалуй, самым гуманным в адском наборе Джезибы Роги.

Колдунье Джезибе стукнуло четыреста. Она родилась ведьмой, но дезертировала из своего клана. В дальнейшем Джезиба примкнула к Дому Пламени и Тени и нынче под-

чинялась только Королю Подземья. Этот Дом прекрасно отвечал ее способностям и склонностям. Арсенал ее заклинаний позволял составить конкуренцию любому колдуну и некроманту, какие принадлежали к этому самому мрачному и опасному из четырех Домов. Поговаривали, что Дезиба, если ее всерьез разозлить, превращала людей в животных. У Брайс не хватало смелости спросить, всегда ли мелкое зверье, населявшее клетки и террариумы галереи, было зверьем.

И потому Брайс старалась не злить Дезибу. Если задеть ванира, безопасных мест, куда можно шмыгнуть, не будет. Ванирами называли обширную расу, населявшую Мидгард. К этой расе принадлежало большинство населения планеты, за исключением людей и обычных животных. Для таких, как Брайс, даже наименее могущественные из ваниров таили смертельную опасность.

– Потом заберу, – пообещала Даника, нажимая потайную пружину, которая отодвигала панель.

Брайс трижды предупреждала подругу, что чулан выставочного зала является местом хранения хозяйственного инвентаря, но никак не ее персональным шкафчиком. На это Даника всякий раз отвечала, что галерея, расположенная в самом сердце Старой Площади, находится куда ближе Логова волков в Лунном Лесу. Так оно и было.

Панель отъехала. Даника поморщилась и помахала рукой перед носом:

– Ты считаешь, что чулан провонял от моей гимнастической сумки?

Носок ее черного сапога уткнулся в другую, более объемистую полотняную сумку, втиснутую между шваброй и ведром. В той сумке лежали балетные принадлежности Брайс.

– Ты когда в последний раз стирала свои шмотки?

Брайс тоже поморщилась. Ее старые балетные туфли пахли весьма выразительно. К их «аромату» примешивался запах потного балетного костюма. Пару дней назад, в обеденный перерыв, она ходила на занятие, после чего оставила здесь сумку с трико, колготками и прочим балетным хозяйством. Вообще-то, виновата в этом была Даника. Она прислала Брайс заводное видео: на кухонном столе – «корень радости», из стареньких колонок возле окон гремит музыка. И приказ: немедленно идти домой. Брайс повиновалась. Они тогда так накурились, что кайф сохранялся и на следующее утро, когда неизвестно, как она доплелась до галереи.

Только этим можно объяснить, почему вчера она целых десять минут составляла коротенькое электронное письмо из двух фраз, выдавливая его из себя букву за буквой.

– Угомонись, – сказала Брайс. – Я тоже имею на тебя зуб.

Даника раздвинула хлам в чулане, освобождая место для меча.

– Кажется, я уже извинилась за съеденные остатки лапши. Сегодня куплю тебе большую порцию.

– Я не о лапше, дурища, хотя за нее тебе тоже надо бы вломить. Это был мой перекус на сегодня.

Даника усмехнулась.

– Татуировка жжет, как Хел, – пожаловалась Брайс. – Мне даже к спинке не прислониться.

– Помнится, татуировщик предупреждал тебя: болезненные ощущения сохранятся несколько дней, – монотонным голосом возразила Даника.

– Я была настолько пьяна, что в отказе от претензий собственное имя написала с ошибкой. В таком состоянии не очень-то понимаешь про болезненные ощущения и как долго они сохраняются.

Татуировка представляла собой текст, спускающийся по спине Брайс. Даника, сделавшая аналогичную татуировку, уже избавилась от всех болезненных ощущений. Это было одно из преимуществ чистокровного ванира: они выздоравливали куда быстрее людей или полукровок вроде Брайс.

Данике удалось пристроить меч в чулане.

– Обещаю вечером приложить лед к твоей больной спинке. А сейчас пусти меня в душ, и через десять минут я отсюда уберусь.

Подруга Брайс частенько заявлялась в галерею, особенно по четвергам, когда ее утреннее патрулирование оканчивалось в трех кварталах от «Грифона». Но Даника еще ни разу не просилась в душ. Как и библиотека, душевая находилась в подвале галереи.

– Что это на тебе? – спросила Брайс, косясь на жирные темные пятна.

Даника нахмурилась. На ее вытянутом лице появилась гримаса.

– Сатир с ночным сталкером подрались. Пришлось разнимать. – Увидев на руках запекшуюся черную корку, она оскалила белые зубы. – Даже не знаю, кто из них оросил меня своей гадостью.

Брайс фыркнула и указала на дверь библиотеки:

– Душ в твоём распоряжении. В нижнем ящике шкафа есть кое-что из одежды. Выберешь.

Грязные пальцы Даники обхватили дверную ручку. Она плотно сжала челюсти и почему-то сильно напрягла шею. Вытатуированный там улыбающийся рогатый волк – эмблема Стаи Дьяволов – даже завибрировал.

Дверь на лестницу, ведущую вниз, открывалась без усилий. Причина была в другом. Брайс это поняла, увидев одеревеневшую спину Даники. Брайс оглянулась на чулан, который подруга забыла закрыть. Меч, известный не только в этом городе, но и далеко за его пределами, привалился к отжимной швабре, упираясь нижним концом в ведро. Его старинные кожаные ножны почти скрывались за полным баком бензина для аварийного электрогенератора, установленного в подвале.

Брайс всегда удивляло, зачем Джезиба бережет старомодный генератор... пока на прошлой неделе в городе не про-

изошло полное отключение общих линий первосвета. Только генератор и смог обеспечить работу механических замков и спасти галерею от мародеров. Желających поживиться чужим добром в ту ночь хватало. Из Мясного Рынка сюда понабежала и понаползла всякая шушера, пытаясь своими контрзаклинаниями сбить заклинания галереи.

Мысли Брайс вновь вернулись к Данике. К тому, как небрежно запихнула она меч в чулан. К необходимости принять душ. К одревеневшей спине.

– Тебя вызвали на встречу с правителями города? – спросила Брайс.

Они с Даникой подружились пять лет назад, встретившись на первом курсе университета Города Полумесяца. С тех пор Брайс могла по пальцам одной руки пересчитать случаи, когда встреча Даники с высшей городской администрацией была настолько серьезной, что требовала душа и переодевания. Даже когда Данику ожидало выступление с отчетом перед ее дедом – предводителем вальбаранских волков – или встреча с ее матерью Сабиной, она ограничивалась кожаной курткой, джинсами и относительно чистой футболкой с портретами какой-нибудь музыкальной группы, популярной в прошлые эпохи.

Конечно, такой наряд дочери до жути бесил Сабину. Впрочем, Сабину бесило все, что касалось Даники, а с какого-то времени и Брайс. Однако Сабина была не просто недовольная мамаша. Эта женщина являлась предводительницей

Стаи Разящей Луны – отряда, занимавшего главенствующее положение среди отрядов оборотней, которые входили во Вспомогательные силы города.

Не имело значения, что Сабина уже не первый век была вероятной кандидаткой на звание предводительницы вальбаранских волков, поскольку ее отец (и дед Даники) неуклонно старел. Даника официально занимала второе место в очереди. Но потом поползли слухи (и ползали не один год), что Даника может обойти мать в этой гонке. Вскоре слухи подтвердились. Старый волк передал внучке фамильный меч, тогда как к дочери наследие предков должно было перейти только после его смерти. (И Сабина за несколько веков привыкла к этой мысли.) Однако в восемнадцатый день рождения Даники меч воззвал к ней, и зов был столь же ясным, как волчий вой в лунную ночь. Так предводитель объяснил свое неожиданное решение.

Сабина постоянно помнила о пережитом унижении. Даника носила меч почти везде – особенно в дни встреч с матерью.

Даника остановилась во внушительном арочном проеме, на верхней ступеньке устланной зеленым ковром лестницы, что вела в подвал галереи. Именно там и находились настоящие сокровища, денно и нощно оберегаемые Лехабой. Именно поэтому Даника, имевшая в университете высшие баллы по истории, любила спускаться в библиотеку галереи. Само разглядывание древних предметов искусства и листа-

ние таких же древних книг доставляло ей огромное удовольствие (как бы Брайс ни проходилась насчет ее образованности).

Даника повернулась. Ее глаза цвета карамели были полужакрыты.

– Сегодня освобождают Филипа Бриггса.

– Что? – подпрыгнула Брайс.

– Его выпускают из-за какой-то идиотской процессуальной ошибки. Кто-то что-то напортачил в документации. Полный отчет мы получим на собрании.

Даника сжала зубы, выпятив изящный подбородок. Стекло-чаные чаши светильников, установленных вдоль стен лестницы, бросали отсветы на ее грязные волосы.

– Поганее не придумаешь, – добавила она.

У Брайс свело в животе. До сих пор мятежи среди людей не выходили за пределы северных областей Пангеры – обширного континента по другую сторону Хальдренского моря. Однако Филип Бриггс приложил все усилия, чтобы эта зараза проникла и на Вальбару.

– Но ведь ваша стая взяла Бриггса тепленьким. Прямо в его паршивой маленькой лаборатории, где он делал бомбы.

Даника ударила сапогом по зеленому ковру:

– Бюрократия вмешалась. Законники долбаные!

– Он же готовил взрыв в клубе. В «Белом вороне». Вы нашли кучу улик. Прежде всего – планы устройства взрыва. «Белый ворон» был едва ли не самым популярным ноч-

ным клубом в городе. Посетителей там всегда хватало с избытком. В случае взрыва жертвы исчислялись бы десятками, если не сотнями. Прежние взрывы, осуществленные Бриггсом, были не столь масштабными, но и они уносили жизни. Все это делалось, чтобы спровоцировать войну между людьми и ванирами, сопоставимую с той, что бушевала на холодных землях Пангеры. Бриггс не делал секрета из своей цели: развязать глобальный конфликт, который бы унес миллионы жизней с обеих сторон. Чужие жизни для него ничего не значили. Главное – угнетателей. Угнетателями люди считали ваниров, которые жили значительно дольше людей и вдобавок имели магические способности. Особую ненависть у мятежников вызывала элита ваниров – астерии, управлявшие планетой Мидгард из Вечного Города на континенте Пангера.

Но Даника и Стая Дьяволов не дали свершиться задуманному. Они захватили Бриггса и его главных сообщников – кересских мятежников. Трудно сказать, сколько невинных жизней спасли волки от безумия оголтелых фанатиков.

Будучи одним из элитных отрядов оборотней, входящих во Вспомогательные силы города, Стая Дьяволов патрулировала городской район, именуемый Старой Площадью. Они следили за тем, чтобы подвыпившие, фривольно ведущие себя туристы не расстались с жизнью, поддавшись на обман сомнительных личностей. Они же следили за порядком вокруг баров, кафе, музыкальных салонов и магазинов, преграждая

доступ разной шушере, которая за день ухитрялась проникнуть в центр города. И конечно же, делали все, чтобы люди, подобные Бригтсу, содержались в тюрьме.

Ту же службу нес и 33-й имперский легион, но ангелы, входившие в легендарные ряды персональной армии губернатора, лишь гневно сверкали глазами и грозили жуткими карами, если их посмеют задеть.

– Можешь мне верить, – сказала Даника, спускаясь вниз. – На встрече я всем с предельной ясностью растолкую, что освобождение Бриггса недопустимо.

Она это сделает. Даже если ей придется рычать в лицо Микаю Домитусу, она доведет до него свою точку зрения. Немногие осмеливались злить архангела Города Полумесяца, но Даника не дрогнет. Учитывая, что на встрече будут присутствовать все семеро правителей, накал страстей ожидался нешуточный. Город Полумесяца входил в метрополию, официально называвшуюся Лунатион. Домитус являлся старшим правителем, остальные шестеро – младшими. Отношения между ними всегда были достаточно напряженными. Каждый правитель контролировал определенную часть города: правитель волков – Лунный Лес, фэйский Король Осени – Пять Роз, Король Подземья – Костяной Квартал, Королева Змей – Мясной Рынок, а Оракул – Старую Площадь. Речная Королева, очень редко появлявшаяся на встречах, представляла Дом Многоводия и ее Голубой Двор, находящийся глубоко под бирюзовыми водами реки Истрос.

Только чрезвычайные обстоятельства могли заставить королеву подняться на поверхность.

Люди, жившие на Лугах Асфоделя, не имели правителя и не принимали никакого участия в управлении городом. Неудивительно, что это обстоятельство добавило Филипу Бриггсу немало сторонников.

Но Микай – правитель Центрального делового района (сокращенно ЦДР) – был выше всех. Помимо городских титулов, он являлся архангелом Вальбары. Правителем всей этой чертовой территории. Он подчинялся только шести астериям в Вечном Городе – столице и бьющемся сердце Пангеры и столице всей планеты Мидгард. Если кто и мог удержать Бриггса в тюрьме, так только он.

Даника спустилась вниз. Изгиб потолка скрывал ее от глаз Брайса. Подойдя к арке, та услышала:

– Привет, Сиринкс.

Ответом был довольный визг тридцатифунтового химера.

Брайс очень нравился Сиринкс. Джелиба приобрела это низшее существо пару месяцев назад, предупредив Брайса: «Это тебе не кот какой-нибудь. Существо редкое и дорогое. Я купила его исключительно в помощь Лехабе. Вместе им будет легче охранять библиотеку. Не мешай ему работать».

Брайс не торопилась огорчать Джелибу, но Сиринкс повадками очень напоминал кота. Еда и сон интересовали его больше всего прочего. Он любил, когда ему чесали брюхо. А вот охрана драгоценных книг занимала его куда меньше.

Пусть хозяйка сама убедится в этом, если у нее дойдут руки до проверки десятков видеокамер, которыми была напичкана библиотека.

– Чего такая грустная, Лехаба? – растягивая слова и не скрывая усмешки, спросила Даника. – Того и гляди трусики от тоски сваятся.

– Я не ношу трусиков. И вообще никакой одежды не ношу, – проворчала Лехаба. – Когда вся состоишь из пламени, одежда мешает. Вот так-то, Даника.

Даника хохотнула. Похоже, между огненной спрайтой и волчицей назревал поединок. Брайс решала, предложить ли себя в качестве арбитра, но в этот момент на столе зазвонил телефон. Она догадывалась, кто звонит.

Утопая каблуками в плюшевом ковре, Брайс поспешила к телефону, чтобы успеть снять трубку раньше, чем тот переключится в режим автоответчика. Тогда бы ее ждала пятиминутная лекция.

– Привет, Джезиба.

Ей ответил красивый, переливчатый женский голос:

– Пожалуйста, передай Данике Фендир, что, если она и дальше будет пользоваться нашим чуланом как своим личным шкафчиком, я превращу ее в ящерицу.

2

К тому времени как Даника вернулась из душа, Брайс успела послушаться упреков Джезибы, касавшихся ее нерасторопности (фоном звучала легкая угроза), и получить электронное письмо от рассерженной клиентки. Та требовала ускорить оформление документов на покупку древней вазы, чтобы на ближайшей вечеринке, намеченной на понедельник, она смогла продемонстрировать новинку своим подругам. Естественно, они тоже были возмущены проволочками галереи. Пришло два сообщения от членов стаи Даники, интересовавшихся, не намерена ли их предводительница, взбешенная освобождением Бриггса, кого-нибудь убить.

Натали, второй заместитель Даники, спрашивала по существу: «Она еще не спятила из-за Бриггса?»

Коннор Холстром, первый заместитель, несколько осторожнее относился к тому, что отправлял в электронное пространство. (Риск утечки существовал всегда.) Он ограничился вопросом: «Ты уже говорила с Даникой?»

«Да. Мы всё обсудили», – успела ответить Брайс. В этот момент архивная дверь распахнулась и оттуда появилась волчица ростом с пони. Ее когти скрежетнули по металлу двери.

– Тебе настолько противна моя одежда? – спросила Брайс, вставая из-за стола.

У волчицы были те же глаза цвета карамели. Только они и смягчали угрожающую грациозность, с какой Даника в волчьем облике двигалась к столу.

– Не волнуйся, я надела твои тряпки, – ответила волчица, сверкая длинными острыми клыками.

Даника шевельнула пушистыми ушами, покосившись на выключенный компьютер и сумочку Брайс:

– Никак, ты пойдешь со мной?

– Да. Поработаю ищейкой Джелибы. – Брайс подхватила кольцо с полудюжиной ключей. – Она опять приставала ко мне с поисками Рога Луны. Можно подумать, что я не искала его всю минувшую неделю.

Даника уставилась в одну из видеокамер, смонтированную за обезглавленной статуей танцующего фавна. (Утверждали, что этой статуе десять тысяч лет.) Потом махнула пушистым хвостом.

– А чего она так залипла на этом Роге?

– Мне смелости не хватает спросить, – пожала плечами Брайс.

Стараясь не зацепить когтями ни одной нити в ковре, Даника подошла к входной двери.

– Сомневаюсь, что она намерена вернуть Рог храму исключительно по доброте душевной.

– Я тоже. Чую, Джелиба старается его раздобыть ради своих интересов.

Здание галереи находилось неподалеку от реки Истрос.

Они вышли на тихую улицу. Полуденное солнце прожарило каменные плиты тротуара. Даника шла по левую руку: крепкая стена из шерсти и мышц, отделявшая Брайс от проезжей части.

Кража священного Рога была самым громким происшествием, вызванным отключением городской энергосистемы. Под покровом темноты грабители проникли в Храм Луны и похитили фэйскую реликвию, забрав Рог с коленей статуи Луны, восседающей на троне.

Архангел Микай лично объявил о внушительной награде за возвращение Рога Луны и пообещал, что святотатец, посмевшийся украсть реликвию, ответит по закону.

Это означало публичную казнь через распятие.

Брайс всегда старалась обходить стороной площадь в Центральном деловом районе, где обычно совершались такие казни. В иные дни (это зависело от температуры воздуха и направления ветра) запах крови и зловоние гниющего тела распространялись на целый десяток окрестных кварталов.

Брайс приноровилась к походке Даники. Рослая волчица зорко оглядывала улицу, вынюхивая малейший признак опасности. Благодаря фэйскому наследию обоняние Брайс было намного острее, чем у обычных людей. В детстве она часами развлекала родителей, описывая запахи всех жителей Нидароса – городка в горах, где жила ее семья. Люди не обладали такими способностями, однако способности Брайс значительно уступали дарованиям подруги.

Пока они шли, Даника вильнула хвостом всего один раз, и явно не от радости.

– Остынь, – посоветовала ей Брайс. – Изложишь свою точку зрения правителям. Они что-нибудь накумекают.

Даника опустила уши.

– Все кончится дерьмом, Биби. Полнейшим дерьмом.

– Ты всерьез считаешь, что кого-то из правителей устраивает Бриггс, разгуливающий на свободе? Они найдут зацепку в законе и водворят его обратно в тюрьму.

Даника так и не повернула морду в ее сторону, и потому Брайс поспешила добавить:

– Тридцать третий легион наверняка следит за каждым шагом Бриггса. Одно подозрительное движение – и ангелы обрушат на этого мерзавца всю свою мощь. Клянусь Хелом, губернатор даже может послать Умбру Мортиса на его ликвидацию.

Умбра Мортис было прозвищем персонального ассасина Микая. Он обладал редким даром метать молнии и мог устранить любую угрозу.

– Я и сама справлюсь с Бриггсом! – сверкнув зубами, прычала Даника.

– Знаю, Даника. И все это знают.

Даника обшарила глазами улицу, мельком взглянула на прикрепленный к стене плакат и негромко выдохнула. Плакат изображал шестерых астериев, восседающих на тронах. Седьмой трон пустовал, напоминая об их погибшей сестре.

Груз ответственности и ожиданий, лежавший на плечах Даники, попросту сокрушил бы Брайс. Брайс благодарила Хел за то, что лишена подобных привилегий. Когда она допускала какой-то ляп, Джезиба на несколько минут выходила из себя, и этим все кончалось. Ляпы Даники сразу занимали центральное место в новостях и накаляли электронную паутину. Не в последнюю очередь – стараниями Сабины.

Брайс и Сабина возненавидели друг друга со дня первой встречи. Это случилось в тот день, когда Брайс впервые после поступления явилась в университет Города Полумесяца. Сабина издевательски усмехнулась, узнав, кто достался в соседки по комнате ее единственной дочери. Никчемная полукровка! Данику Брайс полюбила с первого дня, едва та протянула руку и улыбнулась. Затем сказала, что Сабина просто злится из-за собственного тщеславия. Мамочка-то надеялась, что соседкой ее чада окажется мускулистая вампирша, о которой можно рассказывать всем подряд.

Даника редко позволяла чужим мнениям (в особенности мнению Сабины) портить ей настроение и выбивать из обычного состояния нагловатой веселости. Но бывали черные дни вроде этого... Брайс погладила волчицу по мускулистому боку, пытаясь хоть так утешить.

– Думаешь, Бриггс посмеет отомстить тебе или стае? – спросила Брайс; у нее самой от этой мысли свело живот.

Задержание Бриггса Даника производила не в одиночку, и потому его врагами стала вся Стая Дьяволов.

– Не знаю, – ответила Даника и поморщилась.

Эти слова несколько раз прозвучали в ушах Брайс, отразившись от невидимых стен. В честном поединке мятежнику было бы не выстоять против Даники. Но маленькая паршивая бомбочка могла изменить расклад сил. Если бы Даника совершила Нырок в бессмертие, она бы еще выжила. А поскольку она так и не удосужилась это сделать (единственная из Стаи Дьяволов)... У Брайс пересохло во рту.

– Будь осторожна, – тихо сказала она.

– Постараюсь, – ответила Даника, чьи глаза по-прежнему были полны теней.

Затем она резко мотнула головой, словно отряхиваясь после купания. Движение это было чисто собачьим. Брайс видела его не впервые и часто удивлялась, как Данике удается отбрасывать страхи или хотя бы запихивать их подальше, чтобы не мешали жить.

– На сегодняшней встрече будет и твой брат, – сообщила Даника, меняя тему.

«Сводный брат, – мысленно поправила ее Брайс. – Сводный брат и чистокровный напыщенный фэйский придурок».

– И что?

– Да ничего. Решила тебя предупредить. – Настороженность на волчьей морде чуть уменьшилась. – Наверняка спросит о тебе.

– Передай Рунну, что я занята важной дерьмовщиной, а он может оправляться прямо в Хел.

Даника усмехнулась:

– Кстати, а где ты собираешься разыскивать Рог?

– В храме, – вздохнула Брайс. – Честно говоря, я без конца думаю о его поисках, но так ничего и не придумала. Никаких подозреваемых, никаких слухов с Мясного Рынка о подпольной продаже Рога. Я даже не понимаю, кому вообще понадобилось его красть. Рог настолько знаменит, что любой, кто его украл, влип по полной.

Она хмуро посмотрела на безоблачное небо.

– У меня и такая мысль мелькала. Кто-то мог нарочно устроить сбой в сети первосвета, чтобы возник хаос и было легче спереть Рог. В городе наберется два десятка личностей, которые могли отважиться на такое. Половина из них обладает достаточными возможностями, чтобы провернуть этот номер.

Хвост Даники дернулся.

– Если существуют такие, как ты говоришь, личности, я бы советовала не усердствовать с поисками. Поводи Джезибу за нос, покажи, что ты усердно ищешь Рог, а потом тихо спусти на тормозах. К тому времени либо Рог где-нибудь всплывет, либо она заикнется на новой ерунде.

– Понимаешь... Если я найду Рог, это сильно поможет мне продвинуться, – призналась Брайс.

Какую карьеру она собиралась делать в галерее? Брайс сама этого толком не знала. Проработав в «Грифоне» год, она не испытывала ничего, кроме отвращения, видя, какие до

неприличия большие деньги выкладывают богачи за антикварные безделушки.

– Знаю, – ответила Даника, и ее глаза сверкнули.

На шею Брайс висел кулон в виде трех переплетенных колец. Ее пальцы скользнули по тонкой цепочке и дотронулись до них.

Даника ходила на дежурства, вооруженная когтями, мечом и пистолетами. Доспехи Брайс состояли из архезианского амулета размером с ноготь ее большого пальца. Кулон был подарком Джезибы, врученным Брайс в первый день работы.

Помнится, Даника тогда назвала подарок «хазматскими доспехами, упрятанными в кулон». Ее восхитило, насколько эффективно амулет защищал от разностороннего магического воздействия. Архезианские амулеты стоили недешево, и потому Брайс не тешила себя иллюзиями насчет истинных мотивов Джезибы. Случись с Брайс какая-нибудь неприятность, страховые выплаты обошлись бы хозяйке еще дороже.

– Ни в коем случае не снимай его, – сказала Даника. – Особенно когда суешься в дерьмо вроде поисков Рога.

Пусть Рог давно утратил свои магические свойства, а укравший его обладал значительной силой, для Брайс никакая защита не будет лишней.

– Конечно, конечно, – пробормотала Брайс, сознавая правоту Даники.

Надев кулон, она никогда его не снимала. Даже если Джезиба с треском выпрет ее из галереи, она постарается, что-

бы подарок хозяйки остался при ней. Даника неоднократно втолковывала ей это, повторяя, что предводительнице волков свойственно любой ценой защищать своих. Потому-то Брайс и любила подругу, и в такие моменты у нее от любви и благодарности сжимало грудь.

В сумочке Брайс зазвенел телефон. Она достала аппарат. Даника увидела номер, наострила уши и завиляла хвостом.

– О Бриггсе ни слова, – предупредила Брайс и нажала кнопку. – Привет, мама.

– Здравствуй, дорогая, – зазвенел в динамике голос Эмбер Куинлан, находящейся в трехстах милях отсюда. Брайс улыбнулась. – Я хотела еще раз уточнить насчет нашего приезда в следующие выходные.

– Привет, мамочка! – рявкнула в телефон Даника.

Эмбер засмеялась. «Мамочкой» для Даники она стала с первого дня их знакомства. Брайс была ее единственным ребенком, и Эмбер очень обрадовалась, неожиданно приобретя вторую дочку – такую же своевольную и бедовую.

– Даника с тобой? – спросила Эмбер.

Брайс расширила глаза, не зная, как подруга будет разговаривать в ее волчьем обличье. Но Даника уже вернула себе привычный вид. Вместо волчицы рядом с Брайс стояла худенькая девушка. Забрав телефон, Даника зажала аппарат плечом, одновременно расправляя белую шелковую блузку, которую ей одолжила Брайс. Оставалось заправить блузку в потертые джинсы. Данике удалось счистить с брюк и куртки

большую часть грязи, оставленной ночным сталкером. А вот футболку придется выбросить.

– Мы с Брайс вышли прогуляться.

Заостренные уши Брайс позволяли слышать разговор.

– Куда? – спросила Эмбер.

Сверхопека превратилась у Эмбер Куинлан в разновидность спорта.

Переезд Брайс в Лунатион был испытанием характера. Эмбер уступила, лишь увидев, с кем ее дочь-первокурсница будет жить в одной комнате. Но и тогда она прочла Данике целую лекцию о том, что необходимо для безопасности Брайс. К счастью, Рэндалл – отчим Брайс – через полчаса остановил словесный поток жены. «Брайс умеет за себя постоять, – напомнил Рэндалл. – Мы это видели. В университете Брайс продолжит тренироваться».

Брайс не забывала о тренировках и сейчас. Несколько дней назад она упражнялась в стрельбе по мишеням, добросовестно повторяя все, чему еще в детстве научил ее Рэндалл, которого она привыкла считать отцом. Она умела разбирать и собирать пистолет, прицеливаться и управлять дыханием.

Брайс умела стрелять, но считала огнестрельное оружие страшными машинами убийства и радовалась, что в Республике оно не имеет свободного хождения. Но ее шансы на самозащиту, не считая скорости и нескольких умело примененных приемов, были невелики. А для людей, как и для по-

лукуровок, наличие пистолета означало разницу между жизнью и смертью.

– Мы идем к уличным торговцам. Хотим полакомиться деликатесами из баранины, – на ходу сочинила Даника и, раньше чем Эмбер успела ответить, продолжила: – Должно быть, Биби тебе не сказала, что на следующие выходные мы едем в Калаксос. Команда Итана играет там в солнечный мяч. Мы отправимся всей стаей его поддержать.

Сказанное было полуправдой. Игра действительно состоится, но о том, чтобы поехать и поддержать младшего брата Коннора – звезду университетской команды, – не было и речи. Это сегодня Стая Дьяволов собиралась отправиться на университетский стадион и поддержать Итана. Но на игры в других городах Брайс и Даника перестали ездить со второго курса. Тогда Даника спала с одним защитником.

– Печальная новость, – вздохнула Эмбер. Брайс буквально видела нахмуренное лицо матери. – А мы дни считали до этой поездки.

Огненный Солас, эта женщина мастерски умела давить на чувство вины. Брайс поморщилась и забрала у подруги телефон:

– Мы тоже дни считали, но... давайте перенесем встречу на следующий месяц.

– Это еще столько ждать.

– Хел побери, клиентка идет навстречу, – соврала Брайс. – Она меня в галерею доставала. Надо смотреться, пока не уви-

дела.

– Брайс Аделаида Куинлан...

– Пока, мамочка.

– Пока, мамочка! – повторила за нею Даника.

Брайс отключилась и со вздохом подняла глаза к небу.

Мимо проносились ангелы. Следом по залитым солнцем улицам мчались их тени.

– Входящее сообщение через три, две...

Телефон мелодично звякнул, приняв сообщение Эмбер.

«Если бы не моя проницательность, я бы подумала, что ты избегаешь нас. Нехорошо, Брайс. Твоего отца это очень расстроит».

– Эх она на тебя давит, – присвистнула Даника.

– Если Бриггса оставят на свободе, я не позволю им приехать в город, – простонала Брайс.

– Знаю. – Даника перестала улыбаться. – Пока ситуация не прояснится, будем изобретать новые уловки.

Спасибо Ктоне за Данику. У нее всегда есть план на каждый случай.

Брайс убрала телефон в сумочку, оставив материнское сообщение без ответа.

* * *

Кварцевая арка ворот в сердце Старой Площади была прозрачной, как замерзший пруд. Когда Брайс и Даника ту-

да добрались, солнце освещало лишь верхнюю кромку, отбрасывая маленькие радуги на стены окрестных зданий. В день летнего солнцестояния солнце и ворота образовывали одну линию, и тогда радуги покрывали всю площадь. Их было великое множество, отчего казалось, словно ты движешься внутри бриллианта.

По площади бродили туристы. К воротам змеилась очередь из желающих сфотографироваться на фоне двадцатифутовой достопримечательности. Как и остальные шесть городских ворот, они были вырезаны из громадных кварцевых глыб. Кварц добывали в Лаконианских горах, к северу от города. Эти ворота часто называли Воротами Сердца благодаря их точному местонахождению в центре Лунатиона. Остальные шесть были равноудалены от них и стояли на дорогах, ведущих за пределы городской стены.

– Пора бы устроить специальный проход для жителей, – проворчала Брайс, работая локтями и проталкиваясь сквозь туристов и уличных торговцев.

– И брать с туристов штраф за то, что едва переставляют ноги, – добавила Даника.

Это не помешало ей одарить волчьей улыбкой молодую человеческую пару. Узнав ее, они разинули рот и принялись делать снимки.

– Интересно, о чем бы они подумали, если бы знали, что ты сплошь покрыта ароматами ночного сталкера, – усмехнулась Брайс.

– Дура! – пихнула ее локтем Даника.

Дружески помахав туристам, она пошла дальше.

С другой стороны ворот теснились лотки торговцев, предлагавших еду и всякую сувенирную всячину. За ними началась вторая очередь – к золотой площадке, выступавшей из земли.

– Придется двигаться наперерез, – сказала Брайс, хмуро поглядывая на разморенных жарой туристов.

Но Даника остановилась, повернув худощавое лицо к воротам и площадке:

– Давай произнесем желание.

– Я не стану торчать в очереди.

Поздними вечерами, возвращаясь домой из «Белого ворона», они просто выкрикивали свои желания. И площадь в такое время всегда бывала пуста.

Брайс достала телефон и проверила время:

– Разве ты не торопишься в Комитиум?

Отсюда до комплекса из пяти высотных башен, в одной из которых помещалась резиденция губернатора, было не менее пятнадцати минут ходу.

– Успею.

Схватив Брайс за руку, Даника потащила подругу сквозь толпу к главной точке туристского притяжения. Среди кварцевых плит, которыми была замощена площадь, выступала золотая площадка высотой в четыре фута. Ее украшал круг из семи драгоценных камней, обозначавших семь разных ча-

стей города. Их эмблемы были выгравированы на золоте, рядом с самоцветами.

Пять Роз символизировали изумруд и гравированная роза. Опал и пара крыльев указывали на Центральный деловой район, рубин и сердце – на Старую Площадь, сапфир и дуб – на Лунный Лес, аметист и человеческая рука – на Луга Асфоделя, тигровый глаз и змея – на Мясной Рынок, а оникс, настолько черный, что поглощал свет, и череп со скрещенными костями – на Костяной Квартал.

Внутри круга из камней и эмблем находился небольшой, слегка выступающий диск. Его металл был сильно истерт руками, лапами и прочими конечностями. Рядом поблескивала табличка с напоминанием: «К диску вы прикасаетесь на свой страх и риск. Не дотрагиваться в промежутке между закатом и восходом. Нарушители будут оштрафованы».

Судя по длинной очереди желающих прикоснуться к диску, они не боялись и были готовы рискнуть.

Возле диска оказались двое хихикающих подростков-оборотней. Судя по запаху, кошачьей породы. Мальчишки подбадривали и подзадоривали друг друга, однако притронуться к диску не решались.

– Жалкое зрелище, – бросила Даника.

Она двинулась мимо очереди, ограждения и скучающей фэйки-охранницы прямо к площадке. Достав из кармана куртки жетон, Даника помахала перед носом охранницы. Узнав ее, фэйка застыла, даже не взглянув на золотую эм-

блему – лук в виде полумесяца и вставленную в него стрелу. Охранница молча отошла.

– По заданию Вспомогательных сил, – объявила Даника, сделав раздражающе невозмутимое лицо. – Пару минут, не больше.

Брайс подавляла смех, спиной прекрасно улавливая взгляды стоящих в очереди.

– Если кишка тонка желание высказывать, освободите место, – лениво процедила мальчишкам Даника.

Они поспешили было к ней, но тут же остановились. Физиономии обоих стали смертельно бледными.

Даника улыбнулась, показав почти все зубы. Зрелище было не из приятных. Один из них шепотом выругался.

Брайс тоже спрятала улыбку. Она не переставала испытывать благоговейное восхищение Даникой, прекрасно сознавая, что подруга честно зарабатывает его своей ежедневной службой. То же восхищение появлялось на лицах незнакомцев, когда они видели ее светлые волосы и татуировку на шее. А вот у всякой швали встреча с Даникой вызывала неподдельный страх. Эти хорошенько подумают, прежде чем связываться с нею и Стаей Дьяволов.

Исключение составлял лишь Филип Бриггс. Брайс послала молитву в синие чертоги богини морей Огенас, чтобы та, если Бриггса оставят на свободе, внушила ему мысль держаться подальше от Даники.

Мальчишки отошли и буквально сразу заметили Брайс.

Изумление на их лицах сменилось известным интересом, свойственным юнцам в таком возрасте.

«Размечтались», – подумала Брайс и усмехнулась.

Один из них, вновь повернувшись к Данике, произнес, запинаясь на каждом слове:

– Мой учитель истории рассказывал, что изначально ворота служили средством коммуникации.

– С такими глубокими... домыслами ты очаруешь любую девицу, – равнодушно бросила ему Даника.

Наверное, мальчишки решили попробовать, поскольку вернулись в хвост очереди. Брайс усмехнулась им вслед и встала рядом с Даникой у золотой площадки.

Между тем подросток оказался прав. Семь городских ворот, поставленные на силовых линиях, прочерчивающих Лунатион, позволяли городской страже сотни лет назад быстро связываться друг с другом. Когда кто-то касался рукой золотого диска в центре площадки и что-то говорил, его голос путешествовал к другим воротам. Вспыхнувший самоцвет показывал, из какой части города приходит ответ.

Конечно, для этого требовалось немного магической силы. Площадка высасывала ее у прикоснувшегося к диску, как вампир высасывает кровь из вены. В отличие от кроветворения, происходящего в организме постоянно, магическая сила уходила безвозвратно.

Брайс посмотрела на бронзовую табличку над головой. Все кварцевые ворота были мемориалами; в память о какой

войне или конфликте – она не знала. И везде – такие же таблички с одинаковой надписью: «Сила всегда будет принадлежать тем, кто отдал жизнь за наш город».

Эту фразу вполне можно было истолковать как вызов, брошенный правлению астериев. Брайс всегда удивляло, почему правители сохранили ворота и таблички с дерзкими словами. С появлением телефонов ворота утратили былое значение, зато превратились в излюбленное развлечение туристов и местной ребятни. Можно было нагнуться к диску и прошептать какую-нибудь непристойность, а твой дружок у других ворот ее услышит. Переговариваться подобным образом стало модным, и древний способ общения обрел вторую жизнь. В выходные, ближе к ночи, пьяные придурки (к их числу, конечно же, относились и Брайс с Даникой) вытворяли и вовсе непотребные вещи с воротами. Это допекло городские власти, отчего и появился запрет на прикосновение к диску в промежутки от заката до восхода.

Еще через какое-то время появился совершенно тупой, дурацкий предрассудок: ворота якобы способны исполнять желания. Капельку магической силы, которую ты им отдавал, объявили приношением пяти богам.

Брайс сознавала: все это чушь собачья, но, если ее желание хотя бы частично снимет страх Даники перед освобождением Бриггса, она готова.

– Что ты пожелаешь? – спросила она у Даники, когда та склонилась над диском, все самоцветы которого оставались

темными.

Изумруд возле эмблемы Пяти Роз вспыхнул, и звонкий девичий голос прокричал:

– Сисек!

В очереди засмеялись. Смех туристов напоминал журчание воды в каменном желобе. Брайс тоже усмехнулась.

Лицо Даники оставалось серьезным.

– У меня множество желаний.

Не дав Брайс вставить вопрос, она пожала плечами и продолжила:

– Но сейчас я пожелаю, чтобы этим вечером матч закончился победой команды Итана.

С этими словами Даника коснулась диска, слегка вздрогнула и отошла, негромко засмеявшись. Ее глаза цвета карамели озорно сверкнули.

– Твоя очередь.

– Ты же знаешь, магической силы у меня совсем немного, но я попробую, – сказала Брайс, не желая уступать даже предводительнице волков.

Со дня их встречи в университетском общежитии они всё делали вместе. Так было, и так будет всегда.

Даже Нырок они собирались совершить вместе: вместе застыть в бессмертии. А их Якорями будет, конечно же, Стая Дьяволов.

Строго говоря, Нырок не являлся обретением полного бессмертия. Ваниры тоже старились и умирали от естествен-

ных и иных причин. Но Нырок настолько замедлял процессы старения, что проходили века, прежде чем появлялась первая морщинка. (Здесь еще многое зависело от того, к какой разновидности ваниров ты принадлежал.) Фэйцы были способны прожить тысячу лет, оборотни и ведьмы – пятьсот, а срок жизни ангелов находился в промежутке между этими точками. Людям Нырок был недоступен, поскольку они не имели никакой магической силы. Учитывая среднюю продолжительность жизни людей и то, как медленно они оправлялись от болезней и ран, ваниры и в самом деле являлись бессмертными. Дети некоторых достигали зрелости, только когда им переваливало за восемьдесят. И еще одно, очень важное обстоятельство: совершивших Нырок было крайне трудно убить.

Брайс редко задумывалась, в какой части спектра окажется она; позволит ли ее полуфэйское наследие прожить сто лет или тысячу. Пока Даника рядом, остальное значения не имело. И в момент Нырка подруга тоже будет рядом. Они вместе совершат этот весьма небезопасный прыжок в магическую зрелость, вместе столкнутся с тем, что таится в самых глубинах их душ, а затем, прежде чем мозг погибнет от нехватки кислорода, стремительно вернуться в жизнь. Или... вообще не вернуться, о чем думать не хотелось.

И если сила, обретенная Брайс, позволит ей успешнее отжигать на вечеринках, Даника получит просто море силы. Станет могущественнее Сабины. Возможно, Даника сравня-

ется с фэйской придворной знатью, а может, даже превзойдет самого Короля Осени.

До сих пор никто из оборотней не обретал такой силы, но прогноз был сделан по тестам, проведенным в детстве. Совершив Нырок, Даника превзойдет силой всех здешних волков. Если верить легендам, такие случаи были в седой древности, и не здесь, а на Пангере.

Даника станет не только предводительницей волков Города Полумесяца. Ее потенциал позволял ей стать предводительницей вообще всех волков на этой долбаной планете.

Сама Даника плевать на это хотела и вообще не строила никаких планов на будущее.

Двадцать семь – идеальный возраст. Так они решили вдвоем, проведя скрупулезное исследование многих бессмертных, чья жизнь измерялась веками и тысячелетиями. Двадцать семь – время, когда у тебя еще нет ни морщинок, ни седых волосинок. На вопросы, почему выбран именно этот возраст, обе отвечали: «Какой смысл становиться бессмертной, когда у тебя уже сиськи успели отвиснуть?»

«Тщеславные дурищи», – прошипела Фьюри, первой услышав их объяснение.

Фьюри совершила Нырок в двадцать один год и не по своему выбору. Либо «так получилось», либо ее заставили. Этого ни Брайс, ни Даника толком не знали. Учеба в университете Города Полумесяца была для Фьюри лишь прикрытием ее миссии. Большую часть времени она занималась по-настоя-

ящему жуткими вещами на Пангере, получая за это неприлично громадные деньги. В подробности она никогда не вдавалась.

Даника утверждала, что Фьюри – ассасин. Даже кроткая, ласковая Юнипера, четвертая в их тесном дружеском квадрате, соглашалась: судя по всему, их подруга – наемница. Неясным было и то, выполняет ли Фьюри разовые задания астериев и подвластного им Имперского сената или находится у них на службе. Но всерьез подруг это не волновало – в трудную минуту Фьюри всегда прикрывала их спины. В остальное время – тоже.

Рука Брайс застыла над золотым диском. Взгляд Даники ощущался как холодная гиря.

– Давай, Биби. Прояви характер.

Брайс вздохнула и положила руку на диск:

– Я хочу, чтобы у Даники появился маникюр. Нельзя так издеваться над ногтями.

Тело пронзила молния. Вокруг пупка на мгновение возникло ощущение пустоты.

– Напридумашь разный бред! – толкнула ее смеющаяся Даника.

– Ты это заслужила, – ответила Брайс, обнимая подругу за плечи.

Даника поблагодарила охранницу, улыбающуюся во весь рот, и подчеркнуто проигнорировала туристов, торопящихся сделать снимки. Подруги молчали, пока не достигли се-

верного края площади. Там их пути расходились: Данике нужно было сворачивать налево и углубляться в Центральный деловой район, над которым летали ангелы и где высились башни внушительного Комитиума. Брайс уже одна пойдет на север, к Храму Луны, находящемуся в трех кварталах.

– Ну что, увидимся дома? – спросила Даника, кивнув назад.

– Будь осторожна, – прошептала Брайс, пытаясь подавить тревогу.

– Биби, я умею постоять за себя, – ответила Даника, но в глазах сверкнула любовь.

Приятно, когда есть хоть кто-то, кому не наплевать, жива ты или мертва. Брайс поймала этот взгляд, и грудь ей сдавило ответное чувство благодарности.

Любви к матери Даника не испытывала. И о том, кто ее отец, Сабина ни разу даже отдаленно не намекнула дочери. По сути, Даника росла одна, если не считать деда, который был слишком стар и занят делами, чтобы оберегать внуку от жестокости матери.

– Удачи, – сказала Брайс, кивнув в сторону Комитиума. – Постарайся не разозлить всех сразу.

– Ты же знаешь, что именно так и будет, – улыбнулась Даника, но глаза ее остались серьезными.

3

Вернувшись домой, Брайс застала в квартире всю Стаю Дьяволов. Лифта в доме не было. Еще на площадке второго этажа она услышала взрывы хохота и повизгивание, что у волков означало удивление или изумление. Чем ближе к двери, тем громче делались звуки. Брайс досадливо ворчала, понимая: спокойный вечер на диване ей не светит.

Ворчание переросло в цепочку заковыристых ругательств. (Слышала бы мать, она бы гордилась дочкой.) Брайс открыла синюю металлическую дверь, приготовившись к атмосфере волчьего доминирования, высокомерия и привычки совать нос во все стороны ее жизни. Этого ей вдоволь хватало с Даникой.

Стая Даники доводила подобные особенности волчьего характера до состояния искусства. В основном потому, что они считали Брайс частью стаи, хотя у нее на шее и не было татуировки с эмблемой.

Порою ей становилось страшно за будущего спутника жизни Даники, когда таковой появится. Если бедняга все-рез залипнет на Данику, то огребет по полной. Проще, если он сам окажется волчарой. Но спать с волком привлекало Данику ничуть не больше, чем Брайс.

По правде сказать, вообще не привлекало.

Дверь пришлось хорошенько толкнуть плечом, поскольку

та была погнута и застревала. Виновные в этом сейчас торчали в гостиной, заняв продавленные диваны и кресла. Брайс вздохнула, увидев шесть пар глаз, устремленных на нее. И шесть улыбок во весь рот.

– Как прошла игра? – спросила Брайс у всех сразу.

Ключи она бросила в кривобокую керамическую миску, которую Даника сляпала в университете, где у них был дурацкий курс по старинным ремеслам. Брайс не терпелось узнать о решении по Бриггсу. Даника ограничилась коротким сообщением: «Дома расскажу».

Если потом Даника отправилась смотреть игру в солнечный мяч, встреча прошла довольно сносно. Так думала Брайс. Она даже получила снимок, запечатлевший всю стаю на фоне поля, включая и фигуру Итана в шлеме.

Послание от лучшего игрока не заставило себя ждать: «В следующий раз, Куинлан, не забудь появиться на матче».

«Щенок по мне соскучился?»

«Сама знаешь».

– Мы выиграли, – лениво сообщил Коннор, разлегшийся на любимом месте Брайс.

На нем была мятая серая футболка с эмблемой университетской команды по солнечному мячу. Под футболкой проступали мышцы.

– Итан забил победный гол, – добавил Бронсон.

На нем и сейчас была серебристо-голубая футболка с надписью «Холстром» на спине.

Итан – младший брат Коннора – считался неофициальным членом Стаи Дьяволов. Он был вторым после Даники, кому симпатизировала Брайс. Их переписка целиком состояла из дружеских перебранок, поддразнивания, обмена снимками и общего ворчания по поводу начальственных замашек Коннора.

– Опять он? – спросила Брайс, снимая жемчужно-белые туфли на четырехдюймовых каблуках. – Неужели Итан не может уступить немного славы другим ребятам в команде?

Обычно Итан сидел на диване рядом с братом и смотрел любую муть, которую показывал телевизор. Брайс приходилось втискиваться между ними. Но в дни игр он предпочитал проводить время с командой.

Уголки рта Коннора тронула улыбка. Брайс смотрела на него дольше, чем позволяло благоразумие. Пятеро остальных членов стаи (двое по-прежнему в обличье волков, помахивающих пушистым хвостом) столь же благоразумно держали свои рот и пасть закрытыми.

Все знали: если бы не Даника, Стаю Дьяволов возглавлял бы Коннор. Сам он не страдал. В отличие от Сабины его амбиции не простирались так далеко.

Брайс подвинула на вешалке свою балетную сумку, освободив место для сумочки, с которой вернулась из галереи.

– Что смотрите? – спросила она, покосившись на экран телевизора.

Спросила просто так. У нее было желание закрыться у се-

бя в комнате и почитать какой-нибудь любовный роман.

– Детектив о захвате стаей львов подпольной фэйской корпорации, – ответила Натали, не отрываясь от страниц глянцевого журнала светской хроники и сплетен.

– Ему наверняка влепят премию за художественное мастерство и все такое, – усмехнулась Брайс.

Бронсон недовольно хмыкнул. Интересы этого рослого, крупного парня больше склонялись к документальным фильмам и авторскому кино. Естественно, в Вечер Стаи ему никогда не позволяли выбирать развлечения.

– Поздновато ты сегодня, – заметил Коннор, водя мозолистым пальцем по изогнутой боковой спинке дивана.

– Я работаю. Тебе бы тоже не помешало чем-нибудь заняться. А то распластался на моем диване, как пиявка.

Слова Брайс напрочь не соответствовали действительности. Будучи непосредственным заместителем Даники, Коннор брал на себя множество опасных и неприятных дел. Ради спокойствия и безопасности города ему приходилось убивать, пытать и калечить тех, кто по-другому не понимал. Порою, закончив одно дежурство, он тут же отправлялся на другое.

Коннор не жаловался, равно как и вся Стая Дьяволов.

Однажды Брайс спросила Данику, как она выдерживает столько жестокости и грязи? «А чего нюни распускать, если у нас единственный выбор – Вспомогательные силы?» – ответила подруга. Судьба оборотней-хищников была предре-

шена еще до их рождения: отряды Вспомогательных сил, и больше ничего.

Брайс старалась не смотреть на рогатого волка, вытатуированного на шее Коннора. Знак предначертания судьбы. Знак пожизненного служения. Знак его вечной верности Данике, Стае Дьяволов и Вспомогательным силам.

Коннор лишь усмехнулся. Брайс хотелось скрипеть зубами.

– Даника на кухне. Сlopает половину пиццы, прежде чем мы сумеем урвать хоть кусочек.

– Неправда! – послышалось из-за двери.

Коннор улыбнулся еще шире.

От его улыбки и озорного блеска глаз у Брайс немного сбилось дыхание. Остальные члены стаи добросовестно уткнулись в телевизионный экран, делая вид, что смотрят выпуск новостей.

– Мне о чем-то надо знать? – проглотив слюну, спросила Брайс.

В переводе ее вопрос означал: «Неужели собрание по Бриггсу кончилось полной задницей?»

Коннор понял. Он всегда понимал язык иносказаний.

– Увидишь, – ответил он, кивнув в сторону кухни.

«Радоваться нечему», – означал его ответ.

Брайс поморщилась, заставила себя оторвать взгляд от Коннора и направилась на тесную, маленькую кухню. На каждом шагу она спиной чувствовала его взгляд. Наверное,

потому и качнула бедрами. Чуть-чуть.

Даника действительно уплетала пиццу. В широко раскрытых глазах подружки Брайс прочла предостережение: не задавать вопросы и вообще ничего не говорить. Даже не предостережение – немую мольбу. Она молча кивнула.

Стенки полупустой бутылки с пивом запотели. Влага капала прямо на белую пластиковую столешницу. Даника стояла, прислонившись к столу. Воротник шелковой блузки, позаимствованной у Брайс, взмок от пота. Коса перевешивалась через худенькое плечо. Цветные пряди сильно потускнели. Даже ее кожа, обычно светящаяся здоровьем, казалась серой.

Последнее Брайс отнесла за счет паршивого кухонного освещения – двух слабеньких встроенных светильников первосвета, способных исказить любое лицо, но... Пиво. Еда. Стая держалась на расстоянии. Глаза подружки были усталыми и совершенно пустыми. Значит, интуиция не подвела Брайс: встреча обернулась для Даники полной задницей.

Брайс открыла дверцу холодильника и взяла себе пива. В стае у всех были свои предпочтения по части напитков и закусок, и каждый навещал холодильник когда хотел. Поэтому все полки были забиты бутылками и банками. Кажется, в глубине затесался даже кувшин с... медовухой. Угощение Бронсона.

Брайс взяла бутылку любимого пива Натали: беловатого, с молочным привкусом, и очень хмельного. Отвинтила проб-

ку.

– Что с Бриггсом?

– Освобожден на законных основаниях. Микай, Король Осени и Оракул прошерстили все законы и подзаконные акты, но так и не смогли найти зацепок, позволяющих оставить его в тюрьме. Рунн даже заставил Деклана включить расширенный автоматический поиск. И все равно безрезультатно. Сабина приказала Стае Разящей Луны весь вечер следить за Бриггсом. Тридцать третий легион тоже подключится.

Каждая стая имела один официально закрепленный выходной вечер в неделю. Отменять его не позволялось. Сегодня такой вечер был у Стаи Дьяволов. Иначе Даника не пила бы сейчас пиво на кухне, а следила бы за каждым шагом Бриггса.

– Значит, вы достигли общей договоренности, – сделала вывод Брайс. – Это уже неплохо.

– Вот-вот, пока Бриггс не взорвет что-то или кого-то, – сердито тряхнула головой Даника. – Дерьмо вся эта дипломатия.

Брайс пристально смотрела на подругу, замечая и напряженный рот, и вспотевшую шею.

– Что еще? – спросила она.

– Ничего, – слишком уж торопливо ответила Даника.

Брайс ей не поверила.

– Тебя же что-то грызет. История с Бриггсом – первостепенное дерьмо, но ты всегда выныривала... Есть что-то еще,

о чем ты не хочешь мне рассказать, – заключила Брайс, глядя на подругу, прищурившись.

– Ничего, – все так же поспешно возразила Даника и приложила к бутылке.

– Думаю, не обошлось без Сабины. Сегодня на твою мамочку снизошло особое вдохновение, и она отыгралась за прошлые обиды.

Даника молча откусила от ломтя пиццы.

Брайс сделала несколько глотков пива, продолжая наблюдать за подругой. Даника рассеянно смотрела на зеленовато-голубые навесные шкафчики над столом. Краска у них по краям потрескалась и кое-где облупилась.

– Сабина атаковала меня после встречи, – не переставая жевать, сообщила Даника. – Прямо в коридоре, возле кабинета Микая, чтобы всем было слышно. Оказалось, на прошлой неделе, во время сбоя в энергосистеме, возле Храма Луны убили двух аспирантов нашего университета. Мое дежурство. Мой участок. Следовательно, вина тоже моя.

Брайс вздрогнула:

– И что, об этом узнали только через неделю?

– Скорее всего.

– Кто их убил?

Университетских студентов вечно тянуло в пределы Старой Площади, где они устраивали какие-нибудь пакости или попадали в беду. Брайс и Даника, знавшие студенческие нравы, по окончании университета часто жалели, что этот рас-

садник науки до сих пор не обнесен высоченным (до неба) забором со всякой электроникой. Только так студентов можно было удержать на территории университета, а Старую Площадь – избавить от студенческой мочи, блевотины и прочих «прелестей», оставляемых там с вечера пятницы и до воскресного утра.

– Насчет «кто» – никаких догадок, – сказала Даника, снова глотнув пива. Ее передернуло. Карамельные глаза потемнели. – Судя по запаху, убитые были людьми. Это установили сразу. Но идентифицировать их личности смогли только через двадцать минут. Тела были разорваны в клочья и частично съедены.

Брайс запретила воображению нарисовать ей эту картину.

– Мотив убийства?

– И с этим тоже глухо. Но Сабина прямо при всех выложила мне, что она думает о дерзком убийстве, произошедшем не когда-нибудь, а именно в мое дежурство.

– Что твой дед сказал по этому поводу?

– Ничего. Пока шло собрание, он спал. Сабина не потрудилась его разбудить. Если он и узнал о моей порке, то задним числом.

Ее деду осталось недолго. Об этом говорили все. Год-два – и нынешний предводитель волков, которому было почти четыреста лет, совершит ритуал, называемый Отплытием, – пересечет Истрос и вступит в пределы Костяного Квартала. Ритуал пройдет, как надлежит: черная лодка не опрокинет-

ся, его душу сочтут достойной, а тело не предадут реке. Ему откроется доступ в пределы Короля Подземья, к тамошним туманным берегам... и тогда начнется правление Сабины.

Храни их боги от ее правления.

– Ты же знаешь, что не виновата, – сказала Брайс, открывая крышки двух ближайших коробок с пиццей.

В одной пицца была нашпигована сосисками, перчеными колбасками и фрикадельками. В другой – копченое мясо вперемешку с пахучим сыром. Явно выбор Бронсона.

– Знаю, – пробормотала Даника.

Допив пиво, она бросила бутылку в раковину и полезла в холодильник за новой. Каждый мускул ее худощавого тела был предельно напряжен. Захлопнув дверцу, Даника привалилась к ней спиной, стараясь не встречаться глазами с Брайс.

– В ту ночь я находилась в трех кварталах от места убийства. В трех. Я ничего не видела, не слышала и вообще не чувала, что их раздирают на куски.

Брайс только сейчас обратила внимание на подозрительную тишину в гостиной. Острый слух волков (вне зависимости от обличья) способствовал их вечной привычке подслушивать.

Этот разговор придется отложить на потом.

Оглядев недра холодильника, Брайс открыла другие коробки с пиццей:

– Может, хватит морить стаю голодом? Оставишь им на

перекус, пока не уничтожила все?

Брайс помнила, как однажды Даника в один присест слопала три пиццы. В таком настроении, как сейчас, подруга вполне могла побить рекорд и съесть четыре.

– Пусти нас покормиться, – загремел из гостиной низкий голос Бронсона.

– Налетайте, дворняжки! – милостиво позволила Даника, глотнув пива.

Волки помчались на кухню. Брайс едва не опрокинули. Она вжалась в кухонную стену, свернув висевший там календарь.

Хел побери! Ей так нравился этот календарь. А название какое шикарное: «Самые горячие холостяки Города Полумесяца. Нудистское издание». Этот месяц представляло фото потрясающего демонака. Он сидел на табурете, вытянув ногу, которая закрывала от глаз все остальное. Брайс расправила складки, появившиеся на его загорелом, мускулистом теле и даже на изогнутых рогах, затем вернула календарь на стену и хмуро оглядела волков.

Даника, окруженная стаей, стояла, будто валун на речной стремнине.

– Как успехи в поисках Рога? – насмешливо спросила она.

– Никак.

– То-то Джезиба обрадовалась.

– Была вне себя от радости, – поморщилась Брайс.

Джезибу она видела считанные минуты. Колдунья пригро-

зила превратить ее в ослицу, после чего уселась в машину с водителем и укатила неведомо куда. Скорее всего, исполнять очередное поручение Короля Подземья и Темного Дома, которым он правил.

– Кстати, ты помнишь, что у тебя сегодня свидание с «как его там»?

От этого вопроса Брайс содрогнулась, словно проглотив ледышку:

– Хел! Надо же! А я и забыла. – Она посмотрела на кухонные часы. – Уже через час.

Коннор, собравшийся один умять целую коробку пиццы, забыл про еду и застыл. Пару месяцев назад, после первого свидания Брайс с богатеньким парнем, он выложил все, что думает об этом типе. Помнится, тогда и Брайс заявила, что ей ровным счетом плевать на мнение Коннора о ее личной жизни.

Коннор повернулся к ней спиной и отошел, пожав широкими плечами. Даника нахмурилась. Она всегда подмечала каждую мелочь в поведении подруги.

– Мне надо переодеться, – сказала Брайс и тоже нахмурилась. – Кстати, его зовут Рейд, и вы это знаете.

Даника наградила ее волчьей улыбкой:

– Какое дурацкое имя.

– Во-первых, я считаю это имя крутым. А во-вторых, Рейд – горячий парень.

Боги ей свидетели, Рейд Реднер был горячим, как Хел.

Хотя секс с ним... Стандартный, по правде говоря. Ей понравилось, но пришлось поработать и самой, причем совсем не в той манере, в какой ей хотелось бы. Это больше напоминало... «постельный инструктаж». «Помедленнее. Положи мне руку сюда. А не поменять ли нам позу?» Секс с Рейдом у Брайс был всего дважды. Она себя убеждала, что найти нужный ритм с партнером удастся не сразу. Даже если...

Ее недоконченную мысль озвучила Даника:

– Если он, едва успев вытащить из тебя свою штуку, опять схватится за телефон и начнет проверять сообщения, поимей хоть каплю самоуважения. Откуси ему яйца, зашвырни подальше и возвращайся домой.

– Даника... твою мать! – прошипела Брайс. – Нельзя ли немного погромче?

Волки затихли. Даже жевать перестали, а потом принялись чавкать с удвоенной силой.

– По крайней мере, у него хорошая работа, – сказала Брайс.

Даника стояла, скрестив худощавые руки, таившие чудовищную, свирепую силу. Услышав слова подруги, она выразительно посмотрела на Брайс. «Да, хорошая. Работа, на которую Рейда папочка и устроил».

– И он, – продолжила Брайс, – не какой-нибудь психопатический альфа-самец, который потребует от меня трехдневного сексуального марафона, а потом объявит своей парой, запрет дома и никуда не выпустит.

Это было главной причиной, почему Брайс считала Рейда – стопроцентного человека – подходящей парой. А над их сексом она поработает.

– Зато какое это наслаждение – трехдневный сексуальный марафон, – съязвила Даника.

– Тебе напомнить, с кого все началось?

– Ладно-ладно, – отмахнулась Даника. – Познакомив вас, я допустила первую и последнюю ошибку в своей жизни.

Первой с Рейдом познакомилась именно Даника. Она подрабатывала охранницей в компании его отца – крупной корпорации, которая занималась разработкой устройств и оборудования на основе магических технологий. Удивительно, что такой крупной корпорацией, чье здание высилось в Центральном деловом районе, владел человек. По словам Даники, работа была настолько скучной, что даже рассказывать не хотелось. Но за эту скучотень платили очень хорошие деньги, и она не смогла отказаться. Что еще важнее – то была работа, которую она выбрала сама. Это разительно отличалось от всех прочих ее занятий и от жизни, куда ее просто впихнули. Между дежурствами и обязанностями, связанными со Вспомогательными силами, Даника отправлялась в небоскреб корпорации Реднера-старшего и делала вид, что живет нормальной жизнью. Никто из служащих во Вспомогательных силах, тем более предводитель, не имел второй работы, однако Даника сломала традицию.

Ее не волновало, что нынче все хотели поучаствовать в

прибылях корпорации Реднера. Даже Микай Домитус. Он был главным инвестором в смелые, головокружительные проекты. В общем-то, обычная политика губернатора – делать вложение во всё: от магических технологий до виноградников и школ. Но, кроме щедрых денег и самостоятельности выбора, у Даники была еще одна причина работать охранницей у Реднера. Сабина крупно недолюбливала Микая, и с годами неприязнь к нему только возрастала. Естественно, Даника уцепилась за возможность позлить мать работой в человеческой компании, да еще в такой, которую поддерживал губернатор.

На одной из презентаций Даника (опять-таки чтобы развеять скуку) разговорилась с Рейдом. Брайс в то время томилась одиночеством. Правильнее сказать, сходила с ума. Заботясь о рассудке подруги, Даника и сообщила Рейду номер Брайс.

– Мне нужно переодеться, – повторила Брайс. – Оставьте мне кусочек пиццы.

– Вообще-то, тебя пригласили на обед.

– На то, что там называется обедом, – скорчила гримасу Брайс. – В их дорогом ресторане тебе на ломтик хлеба положат мусс из осетрины – вот и вся закуска.

– Туда явно приходят не для еды, – съязвила Даника.

– Кусочек, – напомнила ей Брайс. – Запомни: кусочек для меня.

Выразительно посмотрев на последнюю нескрытую ко-

робку, она вышла из кухни.

Волчье обличье сохраняла только Зельда. Кто держал коробку на коленях, кто расположился на вытертом синем ковре. Бронсон действительнопил медовуху прямо из кувшина, приклеившись глазами к экрану. Там начался репортаж об освобождении Бриггса. Показывали, как он в белом спортивном костюме выходит из тюрьмы. У комментатора был отвратительный скрипучий голос. Кто-то дотянулся до пульта и переключился на документальный фильм о дельте Черной реки.

Натали ехидно улыбнулась Брайс, провожая ее взглядом. Волки нашли тему для поддразниваний, и поведение Рейда в спальне не скоро забудется. Особенно когда Натали наверняка возьмется рассуждать о сексуальных способностях Брайс.

– Не вздумай начать, – предостерегла ее Брайс.

Натали плотно сжала губы, чтобы не завизжать от удовольствия. Черные волосы вздрагивали от сдерживаемого смеха, а глаза цвета оникса так и сверкали.

Брайс подчеркнуто проигнорировала тяжелый взгляд золотистых глаз Коннора, продолжая путь к своей комнате.

Что с них взять? Волки, привыкшие совать нос в чужие дела.

Их никогда по ошибке не примешь за людей, хотя тела очень похожи. Слишком рослые и мускулистые, слишком спокойные. Даже пиццу они ели с каким-то выверенным изяществом. Для Брайс это было молчаливым напоминанием о

том, что с таким же выверенным изяществом движений волки расправлялись со всеми, кто становился у них на пути.

Она переступила через длинные вытянутые ноги Зака и постаралась не задеть белоснежный хвост Зельды, лежавший на полу возле брата. Это были близнецы, в человеческом обличье худощавые и темноволосые, в волчьем – пара белых грозных животных. Недаром их прозвали Призраками, но даже прозвище старались произносить шепотом.

Поэтому Брайс с предельной осторожностью миновала пушистый хвост Зельды.

Торн хотя бы наградил ее сочувственной улыбкой. Он сидел на скрипучем продавленном кресле возле телевизора. Его шапочка с эмблемой университетской команды была повернута козырьком назад. Он единственный понимал, какими настырными порою бывают члены стаи, и к настроениям Даники относился очень внимательно. К безжалостным выпадам Сабины – тоже.

В стае Торн занимал последнее место. Конечно, можно мечтать, что когда-нибудь Даника – безусловный лидер стаи – обратит на него внимание. Торн не давал волкам ни малейшего повода заподозрить его в симпатиях к Данике. Но Брайс не раз замечала: стоило Торну и Данике оказаться в одной комнате, между ними возникало незримое притяжение. Как будто они были две звезды, движущиеся по сопряженным орбитам.

К счастью для Брайс, она добралась до комнаты, не услы-

шав других комментариев о сексуальных способностях ее друга. И захлопнула дверь, посылая стае сигнал: «Отвалите!»

В ее комнате стоял покосившийся зеленый шкаф с одеждой. Брайс пошла к нему, но через три шага услышала смех нескольких волчьих глоток. Через мгновение смех подавило злобное, нечеловеческое рычание. Громкое, раскатистое, сулящее бо-ольшие неприятности.

Даника рычала по-другому. Ее рычание было тихим, хрипловатым и холодным. А это принадлежало Коннору – жаркое, страстное, пронизанное чувством.

Брайс встала под душ, чтобы смыть пыль и грязь, прилипавшие к ней всякий раз на пути домой. Изящное здание галереи «Грифон» от ее жилья отделяло пятнадцать кварталов.

Ее винно-красная грива к концу дня уставала и начинала свисать. Несколько искусно помещенных шпилек вернули волосы в прежнее положение. Брайс открыла флакончик с тушью для ресниц, чтобы оживить янтарные глаза, которые за день устали не меньше волос. Между выходом из душа и моментом, когда нужно будет сунуть ноги в черные туфли на высоком каблуке, у нее было целых двадцать минут.

Вот и доказательство того, как мало значит для нее это свидание. Утром она тратила целый час на волосы и макияж. Еще полчаса уходило на душ и сопутствующие процедуры, когда она отмывалась пенным шампунем, выбривала волосы в тех местах, где их не должно быть, и наносила на тело

увлажняющий крем. А тут – двадцать минут! И это перед обедом в «Жемчужине и розе»?

Даника не напрасно зубоскалила. Брайс знала: сейчас ее лучшая подруга (та еще сучка!) поглядывает на часы. Потом спросит, не отражает ли столь короткая подготовка краткость внимания, которое способен уделить ей Рейд.

Сердито посмотрев на закрытую дверь, за которой остались волки, Брайс перевела взгляд на стены своей уютной комнаты. Ее тихой гавани. Все стены были увешаны афишами легендарных постановок городской балетной труппы. Когда-то она видела себя среди гибких ванিরок, кружащихся по сцене и заставлявших зрителей плакать. Иногда от восторга, а порою – от сострадания к героям спектакля, погибавшим мучительной смертью. Когда-то ей казалось, что в балетной труппе найдется место и для полукровки.

Ей с первого раза объяснили: у нее неподходящее строение тела и ни о какой сцене не может быть и речи. Потом говорили снова и снова, но это не отбило у Брайс любви к танцам. Она ходила на каждый мало-мальски значимый балетный спектакль и занималась в любительском классе. Брайс смотрела выступления университетских танцоров, болея за них на конкурсах так же, как Коннор, Итан и Торн болели за любимые команды. Танец давал ей непередаваемое ощущение полета, и она жаждала испытать это ощущение снова и снова, будь то в балетном классе, клубе и прямо на улице.

Юниперу тоже не сразу взяли в балетную труппу. Прав-

да, ей не отказали категорически, как Брайс. Сказали о необходимости много работать, пообещали, что фавна преодолет все трудности и обретет грациозность на сцене, где доминировали фэйки, нимфы и сальфиды. Юнипера превзошла многих из них. Получилось у нее – получится и у Брайс.

Брайс протяжно вздохнула. Пора выходить. Идти до «Жемчужины и розы» минут двадцать. На ее высоких каблуках – двадцать пять. Такси брать бесполезно. При вечернем столпотворении машина просто застрянет в потоке других машин. Выброшенные деньги.

Брайс вставила в уши жемчужные сережки, не слишком надеясь, что они уравновесят ее достаточно скандальное платье. Но в свои двадцать три года она вполне могла наслаждаться округлостями своей фигуры. Брайс повертелась перед высоким зеркалом, приставленным к стене. Полюбовалась ногами, словно припорошенными золотистой пылью, отдала должное изгибу собственной задницы, обтянутой серым платьем. В глубоком вырезе на спине проглядывали строчки недавно нанесенной татуировки. (Спина еще продолжала болеть.) Сунув ноги в туфли, Брайс вышла в гостиную.

Даника нагло расхохоталась, заглушив звуки фильма о природе, который смотрели волки:

– Спорю на пятьдесят серебряных марок, что вышибалы сделают тебе от ворот поворот.

Стая тоже засмеялась. Брайс не осталась в долгу:

– Прости, если моя фигура заставляет тебя стыдиться собственной костлявой задницы.

– Даника восполняет это своими лидерскими качествами, – пошутил Торн.

Брайс усмехнулась, посмотрев на симпатичного парня. Compliments в адрес Даники едва ли могли повысить его положение в стае.

– Должно быть, потому-то я иду на свидание, а у нее их не было... дай-ка вспомнить. Года три.

Торн заморгал. Его синие глаза скользнули по хмурому лицу Даники.

– Может, ей это и не нужно.

Даника ссутулилась в кресле, уложив на кофейный столик босые ноги с разноцветными ногтями.

– Только два, придурки, – буркнула она.

Проходя мимо, Брайс потрепала Данику по шелковистым волосам. Даника укусила ее за пальцы и щелкнула зубами. Брайс усмехнулась и прошла на тесную кухню. Там она принялась шарить по навесным шкафам, звеня и гремя посудой, пока не нашла искомое.

А искала она джин. Найдя, глотнула прямо из бутылки. Потом еще.

– Готовишься к тяжелой ночи? – спросил Коннор.

Он стоял в проеме кухонной двери, скрестив руки на мускулистой груди.

Капелька джина упала ей на подбородок. Брайс потяну-

лась к подбородку, но вспомнила, что может смазать вызывающе красную губную помаду. Нет, она промокнет каплю бумажной салфеткой из коробки с пищей. Она умеет себя вести.

Когда Брайс впервые накрасила губы этой помадой, Даника сказала: «Этот цвет надо назвать красно-минетным. Любой мужчина, увидев твои губы, сразу подумает о минете». Вот и сейчас взгляд Коннора приклеился к ее губам. Самым непринужденным тоном, на какой она была сейчас способна, Брайс ответила:

– Ты же знаешь, я обожаю развлекаться по четвергам. Почему бы не начать пораньше?

Встав на цыпочки, она поставила бутылку на верхнюю полку шкафчика. От этого движения край облегающего платья приподнялся. Коннор смотрел в потолок, словно тот был покрыт затейливой росписью. Потом, когда платье вернулось в прежнее положение, он мельком глянул на Брайс. В гостиной кто-то включил звук телевизора на максимальную громкость, от которой задрожали стены.

«Спасибо, Даника».

Даже обостренный волчий слух не сможет пробиться через такую какофонию звуков и подслушать.

Чувственный рот Коннора дрогнул, но сам он остался на прежнем месте.

Брайс проглотила джин, подумывая, не притушить ли его недопитым пивом. Правда, то успело нагреться.

– Послушай, – начал Коннор. – Мы ведь давно знакомы...

– Ты произносишь отрететированную речь?

Коннор выпрямился и покраснел. Первый заместитель Даники, самый страшный и опасный волк Вспомогательных сил... покраснел.

– Нет, – пробормотал он.

– А мне кажется, что ты старательно это рететировал.

– Могу я позвать тебя на свидание или вначале мне нужно с тобой переругаться из-за построения фраз?

Брайс усмехнулась, но в животе возникло неприятное ощущение.

– Я не хожу на свидание с волками.

– Так сделай исключение, – ухмыльнулся Коннор.

– Нет, – ответила Брайс, но слегка улыбнулась.

И тогда Коннор с непоколебимой самоуверенностью, присущей лишь бессмертным хищникам, сказал:

– Ты меня хочешь. Я тебя хочу. Это началось не вчера, и твои игры с человеческими парнями все равно не помогут тебе это забыть. Я прав?

Он был прав. У Брайс заколотилось сердце. Хорошо еще, что голос не задрожал.

– Коннор, я не пойду с тобой на свидание. Мне хватает доминирования Даники. Не хочу, чтобы еще один волк, особенно мужского пола, пытался управлять моей жизнью. Двух ваниров, сующихся в мои дела, я просто не выдержу.

Золотистые глаза Коннора погасли.

– Я ведь не такой, как твой отец, – сказал он, имея в виду не Рэндалла.

Брайс оттолкнулась от стола, собираясь пройти мимо Коннора и покинуть квартиру. Она и так опаздывала.

– Это не имеет никакого значения и не связано лично с тобой. Я говорю «нет».

Коннор не шевельнулся. Брайс остановилась в нескольких дюймах от него. Пусть она была на каблуках и имела рост выше среднего, Коннор и сейчас возвышался над ней. Он заполнял собой все пространство.

Типичное поведение альфа-придурков. Так же себя вел ее настоящий фэйский папочка. Увидел девятнадцатилетнюю Эмбер Куинлан, очаровал, соблазнил, попытался удержать и зашел слишком далеко. Настолько далеко, что, когда Эмбер обнаружила, что беременна от него (беременна Брайс), она поспешила дать деру, пока он не нашел ее по запаху и не запер у себя на вилле в Пяти Розах. И жила бы ее мать взаперти, пока бы не постарела, перестав его интересоваться.

Брайс запрещала себе даже думать о такой жизни. Особенно после проведения всех тестов на кровь. Из кабинета медведьмы она вышла, зная, что от своего фэйского отца унаследовала не только винно-красные волосы и заостренные уши.

Настанет день, когда ей придется хоронить мать и Рэндалла тоже. Ничего удивительного. В мире людей так и происходит. Она проживет еще несколько веков, а от матери и отчи-

ма останутся лишь фотографии и видеозаписи. И воспоминания. Стоило Брайс подумать об этом, у нее сводило живот.

Пожалуй, надо было бы еще глотнуть джина.

Коннор продолжал неподвижно стоять у двери.

– Одно свидание не пробудит во мне собственнических замашек. Можно обойтись и без свидания. Просто... пицца, – сказал он, глядя на пустые коробки.

– Этого у нас с тобой было предостаточно.

Вечерами, когда Данику вызывали на совещания к Сабине или к другим командирам Вспомогательных сил, Коннор часто приходил с угощением или вел Брайс в ближайший ресторанчик, которых более чем хватало в окрестностях их дома.

– Если это не свидание, тогда какая разница?

– Пробная встреча перед свиданием, – произнес сквозь зубы Коннор.

– Проверочное свидание, на котором я решу, хочу ли пойти с тобой на настоящее?

– Ты из всего умеешь сделать... – Коннор молча освободил проход. – До встречи.

Улыбаясь про себя, Брайс прошла мимо него в гостиную, где во всю мощь орал телевизор, а волки с предельным вниманием пялились в экран.

Даже Даника знала пределы давления на Коннора, за которыми начинались серьезные последствия.

На мгновение Брайс захотелось схватить первого замести-

теля Даники за плечо и посоветовать найти нежную, ласковую волчицу, которая мечтает о целом выводке волчат. Ему ведь совсем не нужна взбалмошная, сумасбродная девица, помешанная на вечеринках, готовая напиваться и нанюхиваться до состояния блюющей студентки. А главное, эта девица не знает, способна ли она любить кого-то еще, кроме Даники. Даника – все, что ей нужно.

Но Брайс не схватила Коннора за плечо. К тому времени, когда она выудила из керамической чаши ключи, он снова развалился на диване (на ее месте) и сосредоточенно глядел в экран.

– Пока, – бросила она стае.

Даника все-таки подняла голову. К настороженности во взгляде подруги примешивалось легкое удивление.

– Ты уж там отожди, сучка, – сказала Даника.

– Отожду, глупышка, – ответила Брайс, с легкостью произнеся их обычные слова прощания.

Она уже вышла в грязную переднюю, когда Даника добавила:

– Люблю тебя.

Рука Брайс замерла на дверной ручке.

Данике понадобилось несколько лет, чтобы научиться произносить эти простые слова, но она и сейчас говорила их нечасто. Помнится, услышав их от Брайс впервые, она сердито скривилась. Брайс пришлось рассказать Данике, что эти слова она привыкла говорить с детства, поскольку каждое

расставание с близкими может оказаться последним и потом она будет корить себя, что даже не простилась. Упрямство Даники сломало только одно их долбаное приключение, когда они хорошенько дернули и погнали на мотоцикле... Потом очнулись от стволов, упертых им в затылок. Вот тогда Даника впервые и произнесла: «Люблю тебя» – и потом иногда произносила снова.

Освобождение Бриггса не подействовало бы так на Данику. Должно быть, Сабина хорошо погладила дочь против шерсти.

Брайс вышла в коридор и двинулась к лестнице. Ее каблук стучали по истертым плиткам пола. Может, послать свидание с Рейдом подальше? Смотраться в ближайший магазин, купить несколько ведерок мороженого и залечь с Даникой в постель, чтобы лакомиться мороженым и смотреть их любимые комедии абсурда?

А может, позвонить Фьюри и попросить нанести «дружеский визит» Сабине?

Нет. Такого у Фьюри она никогда не попросит. Фьюри четко разграничивала их дружбу и свои профессиональные занятия, а подруги предпочитали не задавать ей слишком много вопросов. Такое прощалось только Юнипере.

Вообще непонятно, как они сдружились – четыре совершенно не похожие личности: будущая предводительница всех волков, ассасин, получавшая немислимые деньги от заказчиков, ведущих войну на Пангере, невероятно талант-

ливая балерина, единственная фавна, принятая в городскую балетную труппу, и... она.

Брайс Куинлан. Помощница колдуньи. Будущая танцовщица, вопреки «неподходящему строению тела», которая вечно встречается со смазливymi человеческими парнями, а те не знают, как с нею общаться. А что будет с Даникой, если Брайс замутит отношения с кем-то из этих придурков?

Брайс спускалась по лестнице, косясь на тусклый шарик первосвета. Он помаргивал, отчего серо-голубая шелушащаяся краска стен приобретала зловещий оттенок. Домовладелец жутко сэкономил на первосвете. Возможно, даже не платил городу ни марки и просто выкачивал первосвет из энергорешетки.

Если честно, не только освещение – все в этом доме было дерьмовым.

Даника могла позволить себе жилье получше, а вот Брайс – нет. Щадя гордость подруги, Даника никогда не предлагала, что будет сама оплачивать их квартиру в чистеньком высотном доме где-нибудь у реки или в ЦДР. Окончив университет, они искали жилище сообразно доходам Брайс, и этот дом оказался наилучшим выбором среди прочего хлама.

Порою Брайс жалела, что отказалась от щедрых отступных ее настоящего отца. Она тогда проявила гордость и независимость. А ведь этот напыщенный мерзавец предлагал горы золотых марок в обмен на вечное молчание о нем. И жили бы они с Даникой сейчас в шикарном небоскребе с бассей-

ном на крыше и глазели бы на шизанутых ангелов, летящих над головой. И среди обслуги не было бы похотливых самцов, вроде здешнего уборщика, который пялится на ее грудь всякий раз, когда она жалуется на забитый мусоропровод.

Открыв стеклянную дверь, Брайс вышла на вечернюю улицу, наполненную туристами, гуляками и усталыми трудягами, мечтающими поскорее добраться домой. Дневная жара отбивала охоту болтаться по улицам. Вечерняя прохлада множила толпы. Мимо быстрым шагом прошел дракиец в костюме. Судя по прицепленной к поясу сумке, курьер. На его пути встретился целый табун оборотней. Именно табун, судя по тому, что от них пахло свежестью и зеленью полей. Все семейство лихорадочно щелкало камерами своих телефонов. Им и невдомек, что даже в это время у кого-то могут быть дела.

На углу скучала парочка малакимов в черных доспехах 33-го легиона. Крылья они держали плотно прижатыми к своим мускулистым телам, чтобы (упаси боги!) какой-нибудь спешащий прохожий или пьяный идиот случайно не задел. Коснуться ангельских крыльев без разрешения... в лучшем случае дерзнувший это сделать оставался без руки.

Плотно закрыв стеклянную входную дверь, Брайс погрузилась в хитросплетение ощущений, из которых и состоял этот древний многоликий город. Настоящая прохлада придет позже, а сейчас жаркий сухой воздух прожаривал ее до костей. Отчаянно сигналили машины, застрявшие в транс-

портном потоке. Из дверей клубов и ресторанов доносились обрывки смеха и музыки. С реки (до Истроса было квартала три) тянуло ветром. Лениво покачивались ветви пальм и кипарисов. Ветер был не совсем речным; в нем чувствовался соленый привкус близкого бирюзового моря. Соблазнительно пахло жасмином, росшим у самой ограды соседнего парка. Этот запах перебивало отвратительное зловоние прокисшего пива, мочи и блевотины. Еще шаг – и ноздри Брайс раздулись от пряных ароматов баранины, которую уличный торговец жарил на медленном огне... И все это принадлежало ей, торопясь достичь ее ноздрей.

Стараясь не угодить каблуком в выбоину, Брайс наполнялась вечерним Городом Полумесяца, опьянялась им. Вскоре она смешалась с разношерстной толпой прохожих.

«Жемчужина и роза» была средоточием всего, что Брайс ненавидела в этом городе. Единственное утешение: Даника проиграла ей пятьдесят серебряных марок. Вышибалы беспрепятственно пропустили Брайс, даже не взглянув. Она поднялась на три ступеньки и вошла в ресторан через двойные двери, украшенные бронзовыми накладками. Но даже пятьдесят серебряных марок оказались бы жалкой каплей, приведишь ей самой расплачиваться за обед. Нет, за здешние деликатесы нужно платить золотыми марками.

Рейд мог себе это позволить. Учитывая величину его банковского счета, он едва ли даже взглянет на чек, прежде чем протянуть официанту свою черную карточку.

Ее провели к столику в самом центре зала с позолоченными стенами. Ярко светили люстры, подвешенные к потолку с затейливой росписью. В ожидании Рейда Брайс выпила два стакана воды и полбутылки вина.

Через двадцать минут ожил телефон в ее черной шелковой сумочке. Это был не звонок, а сообщение. Если Рейд отменил свидание, она его прийдет. Откуда она возьмет столько денег, чтобы заплатить за вино? Конечно, платить придется. Значит, она на целый месяц останется без балетных классов. Пожалуй, даже на два.

Но сообщения были не от Рейда. Брайс перечитала их три-

жды, затем налила себе еще рюмку дорогущего вина. Богатенький Рейд опаздывал. Вот пусть и платит. Особенно за то, что знать Города Полумесеца, кучкующаяся здесь, развлекается, разглядывая ее платье, кожу, фэйские ушки и стройное человеческое тело.

«Полукровка». Брайс почти слышала презрительные мысли посетителей. В лучшем случае они считали таких, как она, своей прислугой. В худшем – двуногим мусором.

Брайс вытащила телефон и в четвертый раз перечитала сообщения Коннора: «Ты знаешь, говорить я не горазд. Но вот о чем я старался сказать перед тем, как ты не пожелаала слушать и попыталась заткнуть мне рот. Думаю, это стоящее дело. Ты и я. Сделать попытку. Почему бы нет?»

И дальше: «Я по тебе с ума схожу. Мне больше никто не нужен. У меня никого и не было, уже давно. Одно свидание. Если не получится, больше приставать не стану. Дай мне шанс. Пожалуйста».

Брайс продолжала смотреть на строчки сообщений. Голова кружилась от этого долбаного вина.

Наконец, опоздав на сорок пять минут, соизволил появиться Рейд.

– Извини, малышка.

Чмокнув ее в щеку, Рейд уселся напротив. Он был в безупречном костюме угольно-серого цвета. Белая рубашка подчеркивала золотистый оттенок загорелой шеи. Ни один темно-каштановый волосок на его голове не стоял торчком.

Рейд обладал непринужденными манерами человека, родившегося и выросшего в богатой семье, где не скупилась на его образование и исполняли малейшие желания. Реднеры были одной из немногих человеческих семей, допущенных в высшее ванирское общество, и одевались соответствующим образом. Рейд очень придирчиво относился к своему внешнему виду, учитывая каждую мелочь. Брайс знала: любой галстук, который он надевал, должен был нейтрализовать зеленый отлив его светло-карих глаз. Все его костюмы шились на заказ и гармонировали с загорелым телом. Тщеславный отпрыск богатого папочки. Но ведь и Брайс не менее придирчиво относилась к своей одежде. Так что в этом они схожи. Она занималась танцами. Рейд занимался с личным тренером. И здесь у них имелось сходство. Помимо любви к танцам, Брайс разрабатывала свое тело. Однажды может случиться, что ей придется убегать от хищника, охотящегося на улицах. И тело не должно ее подвести.

С тех пор как многие зоны назад ваниры проникли на Мидгард через Северный Разлом и захватили планету (у историков это событие называлось Переходом), лучшим способом спасения от ванира, решившего закусить тобою, было спасение бегством. Это если у тебя не было огнестрельного оружия, бомб или прочих жутких штучек, которые изготавливали Филип Бриггс и подобные ему. Бомбы и пистолеты убивали даже почти бессмертных существ, чьи раны, по сравнению с человеческими, затягивались с поразительной

скоростью.

Брайс часто думала о жизни, какой та была в незапамятные времена, когда на Мидгарде обитали только люди и обычные животные. А потом на планету хлынули обитатели из множества других миров, сильно разнящихся между собой. Однако все они были намного более развитыми и цивилизованными, нежели человеческий мир. Даже существующий календарь опирался на Переход, и потому все события делились на «ч. э.» и «в. э.», то есть человеческую эру и ванирскую эру.

– Отличный выбор, – похвалил Рейд, взглянув на бутылку, где оставалось не более трети вина.

Сорок пять минут. Мог бы позвонить или хотя бы при-слать сообщение.

– Что-то случилось на работе? – скрипнув зубами, спросила Брайс.

Рейд пожал плечами и стал оглядывать зал, ища среди посетителей высокопоставленных чиновников. С ними он всегда был готов переброситься несколькими учтивыми, ничего не значащими фразами. Публика рангом пониже, наоборот, искала случая поболтать с ним. Как-никак сын человека, чье имя написано двадцатифутовыми буквами на крышах трех зданий в Центральном деловом районе.

– Часть малакимов озабочены развитием конфликта на Пангере. Хотели получить у нас заверение, что их инвестиции не пострадают. Собрание затянулось дольше запланиро-

ванного.

Пангерский конфликт. Война, которую Бриггс отчаянно старался перенести и на здешний континент. Вино, ударившее Брайс в голову, достигло желудка. По ощущениям это было похоже на бурлящий поток, столкнувшийся с маслянистой лужей.

– Ангелы опасаются, что война может прийти и к нам?

Не заметив в зале никого достойного его внимания, Рейд открыл кожаный переплет и принялся изучать меню.

– Нет. Астерии этого не допустят.

– На Пангере допустили.

– Брайс, все не так просто.

Уголки его губ изогнулись вниз. Разговор окончен. Брайс не стала задавать новых вопросов. Пусть изучает меню.

Сообщения с континента, лежащего за Хальдренским морем, становились все тревожнее. Человеческие мятежники были готовы скорее погибнуть, чем подчиниться астериям и правлению «избранного» ими сената. Война на обширной пангерской территории длилась уже сорок лет, уничтожая города и неумолимо приближаясь к бурному морю. Город Полумесяца лежал на юго-восточном побережье Вальбары, посередине каменистого, засушливого полуострова, прозванного Рукой. Если война перекинется на их континент, город первым примет на себя удар.

Фьюри отказывалась говорить о том, что видела на Пангере. О том, что делала там и на чьей стороне сражалась,

тоже. Большинству ваниров такое положение вещей совсем не нравилось. Особенно после пятнадцати тысяч лет правления, когда никто не смел оспорить их власть.

Большинству людей это тоже не нравилось, но по другой причине. По причине пятнадцати тысяч лет, проведенных в условиях, близких к рабству. На людей охотились забавы ради, ими питались, а их женщин считали пригодными лишь для плотских утех. Правда, за последние века положение людей несколько изменилось. Имперский сенат даровал им больше прав (естественно, с одобрения астериев). Сколь велики эти права – каждый человек мог убедиться на собственной шкуре. Всякий, переступавший незримую черту, отбрасывался назад, становясь настоящим рабом Республики.

Рабы обитали в основном на Пангере. Горстка их жила и в Городе Полумесяца. По большей части это были воины-ангелы 33-го легиона – личной гвардии губернатора. У них на запястьях были вытатуированы буквы «С. И Н. М.». Во всем остальном они почти ничем не отличались от свободных граждан.

Невзирая на то что Брайс считала здешние богатейшие семьи отъявленными придурками, Город Полумесяца оставался плавильным котлом. Одним из немногих мест, где люди не были обречены всю жизнь заниматься скучной, низкооплачиваемой работой. Но это не означало, что здесь у людей имелся широкий выбор профессий.

Взгляд Брайс натолкнулся на темноволосую синеглазую фэйку. Женщина пришла сюда со своей живой игрушкой – человеческим парнем. Скорее всего, фэйка была из числа знати.

Брайс так и не решила, кого она ненавидит сильнее: крылатых малакимов или фэйцев. Наверное, все-таки фэйцев. Изящество и незаурядные магические способности, присущие фэйцам, порождали у них ощущение, будто им позволено делать что угодно и с кем угодно. Это отношение разделялось многими, кто входил в Дом Неба и Дыхания, – самоуверенными ангелами, высокомерными сильфами и вспылчивыми элементальями.

Даника всегда называла их «Домом Недомерков и Дебилов». Правда, это суждение отражало ее принадлежность Дому Земли и Крови. Вражда между оборотнями и фэйцами была давней и неутихающей.

Брайс по рождению принадлежала к двум Домам, однако ей не позволили присягнуть на верность Дому Земли и Крови. Такова была плата за статус полноценной гражданки, предоставленный ей отцом. Отец подал прошение о предоставлении ей полных гражданских прав, но поставил условие: присягнуть на верность Дому Неба и Дыхания. Она ненавидела этот Дом, ненавидела высокородного папочку, склонившего ее к такому выбору, но даже Эмбер считала, что полученные преимущества значили больше личных предпочтений.

Не сказать чтобы Дом Земли и Крови представлял людям широкие возможности и давал защиту. Наглядный пример: живая игрушка фэйки – парень, который сопровождал ее, как собачонка.

Красивый, светловолосый, от силы лет двадцати. Наверное, он был раз в десять моложе своей спутницы. Никакого клейма на руке, свидетельствующего о положении раба. Значит, пошел в рабы добровольно, пожелав то, что предлагала фэйка: секс, деньги, влияние. «Дурачок ты наивный», – подумала Брайс. Фэйка будет забавляться им, пока он не надоест или пока не постареет и не утратит юношескую прыть. Тогда она попросту вышвырнет игрушку, а он все будет жаждать фэйских богатств.

Брайс кивнула аристократке. Фэйка сочла это неслыханной дерзостью и оскалила белоснежные зубы. Надо отдать ей должное: она была красивой. Как и большинство фэйцев.

Рейд это видел. Он нахмурился, качнул головой (но не фэйке) и возобновил изучение меню.

Брайс отхлебнула вина и подала знак официанту принести еще бутылку.

«Я схожу по тебе с ума».

Коннор бы не спустил посетителям этих усмешек и перешептываний. Даника тоже. Такое уже бывало, когда кто-то из подобной публики выказывал Брайс пренебрежение или принимал ее за одну из многочисленных ванирских полукровок, торгующих своим телом на улочках Мясного Рынка.

Большинство тех женщин не имели шанса совершить Нырок. Одни успевали одряхлеть и истрепаться еще до наступления зрелости, другие унаследовали человеческую природу, и ритуал был им заказан. И существовали хищники: прирожденные и обученные, которым Мясной Рынок служил охотничьими угодами.

Официант принес вино. В этот момент телефон Брайс принял новое сообщение. Рейд неодобрительно поморщился, поэтому она не стала доставать телефон, а вначале заказала вспененную смесь из мяса и сыра на большом ломте хлеба.

Сообщение было от Даники: «Брось ты этого охломона с его вялой колбаской и избавь Коннора от страданий. Одно свидание с ним тебя не убьет. Он столько лет тебя ждет. Лет, Брайс! Дай мне повод улыбнуться».

Брайс поморщилась и убрала телефон в сумочку. Подняв голову, она увидела, что Рейд больше не изучает меню, а отстукивает сообщение на своем телефоне. Приглушенный экран отражал точеные черты его лица. Портативные переносные телефоны появились около полувека назад. Их изобрели гении из технической лаборатории корпорации Реднера. Изобретение подняло скромную корпорацию на недосягаемую высоту и принесло неслыханные прибыли. Тогда многие думали, что новое средство связи объединило планету. У Брайс имелось свое мнение на этот счет. Жителям планеты дали хитроумные игрушки, позволявшие не смотреть

друг другу в глаза и коротать время на дерьмовом свидании.

– Рейд, – позвала она.

Он лишь поднял палец – «не мешай».

Брайс постучала красным ногтем по черешку рюмки. Ее ногти всегда были длинными. Она ежедневно принимала эликсир, позволявший им сохранять крепость и не ломаться. Конечно, ее ногти уступали клыкам и когтям, но и они могли хорошенько расцарапать физиономию нападавшему, выиграть драгоценные секунды и позволить ей убежать.

– Рейд.

Он продолжал набирать сообщение и остановился, лишь когда принесли первое блюдо. Мусс из осетрины на ломте хрустящего хлеба, с обрамлением из зелени. Наверное, миниатюрные съедобные папоротники. Брайс подавила смех.

– Принимайся за еду, – не отрываясь от телефона, предложил Рейд. – Не жди меня.

– Один кусок, и мне конец, – пробормотала Брайс, берясь за вилку.

Хел знает как есть этот деликатес! Никто из посетителей не ел руками, но... Фэйка снова презрительно усмехнулась.

Брайс опустила вилку, сложила аккуратным квадратиком салфетку и встала:

– Я пошла.

– Хорошо, – ответил Рейд, по-прежнему не отрываясь от экрана.

Он наверняка подумал, что она отправилась в туалет.

Брайс поймала взгляд щегольски одетого ангела, сидевшего за соседним столиком. Тот скользнул глазами по ее голой ноге, затем скрипнул стулом и откинулся на спинку, чтобы полюбоваться ее задницей.

Потому-то Брайс и заботилась о прочности своих ногтей.

Она могла бы просто уйти, ничего не объясняя. Но она так не привыкла.

– Ты не понял. Я ухожу. Спасибо за обед.

Это заставило его поднять голову.

– Что? Брайс, не глупи. Садись и ешь.

Можно подумать, он не опоздал на их свидание и сейчас не вел себя так, словно ее рядом не было. Или она была существом, которое требовалось покормить, прежде чем трахнуть.

– Это не сработает, – сказала Брайс, четко произнеся каждое слово.

– Как тебя понимать?

Едва ли он поймет, что сам виноват.

– Прощай, Рейд, – ослепительно улыбаясь, сказала Брайс. – Успехов тебе в работе.

– Брайс!

В ней все-таки оставалась капля самоуважения, и потому она не стала выслушивать его объяснения. Пусть не думает, будто за еду в дорогущих ресторанах она готова расплачиваться сексом и терпеть, как он, не успев слезть с нее, тут же протягивает руку к телефону. Подхватив бутылку, Брайс

сделала несколько шагов, остановилась и пошла не к выходу, а к столику, где сидела усмехающаяся фэйка с живой игрушкой.

– Ну что, нравится спектакль? – ледяным тоном спросила Брайс.

Пожалуй, такой тон отпугнул бы даже Данику.

Фэйка неторопливо оглядела Брайс – от туфель до красных волос и бутылки, покачивающейся между пальцами. Затем пожала плечами, сверкнув черными камнями на длинном платье.

– Плачу золотую марку, чтобы посмотреть на вас обоих, – сказала она, кивнув в сторону своей игрушки.

Парень улыбнулся. Судя по отсутствующему взгляду, он был сильно под наркотой.

– Не знала, что фэйки такие скаредные, – ехидно усмеялась Брайс. – Ходили слухи, будто вы щедрыми горстями платите нам золотом, только бы показать, что в постели вы не такие бревна, как жнецы.

Загорелое лицо фэйки стало белым. Блестящие острые ногти впились в скатерть. Парень даже не вздрогнул.

Брайс положила руку парню на плечо. Может, хотела подбодрить. Или позлить его хозяйку. Она сама не знала. Потом, легонько сжав плечо, кивнула в сторону фэйки и отошла.

По пути к бронзовым дверям Брайс несколько раз глотнула из бутылки, обогнула прихорашивающуюся официантку и, демонстративно запустив руку в вазу на столике, взяла от-

туда несколько книжечек с картонными спичками.

Последнее, что уловил ее острый фэйский слух, были сбивчивые извинения Рейда перед фэйкой. Еще через мгновение Брайс оказалась на душевной улице.

Ну и чертовщина! Время – всего девять часов. Одета она соответствующим образом. Если вернуться домой – получишь по полной расспросы Даники и угрозы откусить голову, если не расскажет все по порядку. И волки бы тоже дошли от любопытства. А ей сейчас вообще не хотелось ничего ни с кем обсуждать. Особенно с волками.

Оставался единственный выход. К счастью, ее любимый.

Фьюри ответила после первого сигнала своим обычным «Слушаю».

– Ты на каком берегу Хальдренского моря?

– Я в Пяти Розах. – В холодном, уравновешенном голосе Фьюри так и чувствовался смех. – Но я не смотрю телевизор со щенятами.

– А кому надо торчать с ними?

В разговоре возникла пауза. Брайс привалилась к белесой каменной стене «Жемчужины и розы».

– Я думала, у тебя свидание с этим... вечно забываю имя.

– Хуже вас с Даникой нет. Ты это знаешь?

Брайс практически слышала ехидный смех Фьюри.

– Встретимся через полчаса в «Вороне», – сказала Фьюри. – Мне тут надо одну работенку закончить.

– Не заезди несчастного придурка.

– Мне за это не платят.

Фьюри отключилась. Брайс выругалась. Оставалось надеяться, что, когда ассасин появится в их любимом клубе, от нее не будет пахнуть кровью. Брайс набрала другой номер.

Юнипера ответила на пятом сигнале. Еще немного – и телефон переключился бы на голосовую почту. Судя по напряженному дыханию, она и сейчас упражнялась в студии. Юнипера любила позаниматься после основных репетиций. Брайс тоже любила, хотя у нее и не было репетиций. Просто танцевать, танцевать и танцевать, пока весь окружающий мир не померкнет. Останется только музыка, дыхание и запах пота.

– Ну что, погладила его против шерсти?

– Эта долбаная Даника уже успела всем разболтать?

– Нет, – ответила милая, кроткая фавна. – Твое свидание продлилось всего час. Поскольку обычно звонки начинаются на следующее утро...

– Мы идем в «Ворон», – отрезала Брайс. – Подгробай через полчаса.

Она сама оборвала разговор, чтобы не разразиться потоком ругани в ответ на серебристый смех балерины.

Ничего, она найдет способ отплатить Данике за болтовню, хотя... Брайс понимала: подруга скорее предупреждала остальных, чтобы были в курсе и не лезли с вопросами. То же сделала она, придя домой и условным языком спросив у Коннора о состоянии Даники.

«Белый ворон» находился всего в пяти минутах ходьбы от ненавистного ресторана, в самом центре Старой Площади. Это с лихвой позволяло Брайс вляпаться в беду или столкнуться с тем, от чего она уклонялась целый час.

Она выбрала беду.

Целую кучу беды, на которую она ухлопала семь нелегко доставшихся золотых марок. Деньги перекочевали к улыбочивой дракийке, а Брайс получила просимое. Женщина пыталась продать ей новый синтетический наркотик, популярный на вечеринках и сборищах. «Будете чувствовать себя богиней», – уверяла дракийка, но тридцать золотых марок за дозу были значительно выше финансовых возможностей Брайс.

До назначенного времени встречи оставалось еще пять минут. Брайс остановилась напротив входа в «Белый ворон». План Бриггса взорвать ночной клуб провалился, и в заведении было не протолкнуться от посетителей. Брайс достала телефон, открыла цепочку сообщений от Коннора. Она была готова поспорить на все деньги, отданные за «корень радости», что он проверял телефон каждые две секунды.

Мимо ползли машины. Из приоткрытых окошек доносилось уханье и грохот акустических систем, ударяясь в плиты мостовой и окрестные кипарисы. Пассажирам не терпелось окунуться в наслаждения, которые дарил вечер четверга. Они выпивали, курили, подпевали музыке, строчили сообщения друзьям, партнерам и всем, кто ждал их в одном из десятков клубов, расположенных по улице Лучников. Воз-

ле дверей уже стояли очереди жаждущих попасть внутрь. Не был исключением и «Ворон». Предвкушая удовольствие, Брайс смотрела на белый мраморный фасад и модно одетых паломников, ждущих у ворот храма.

«Ворон» и являлся храмом. Бывшим. Его построили во-круг развалин старинного храма, но танцевальный этаж уцелел. Остались древние камни и резные колонны. Никто и не знал, в честь какого бога был воздвигнут этот храм. Танцы здесь вполне сходили за поклонение неведомому богу. На это же намекали резные изображения сатиров и фавнов: пьющих, танцующих и совокупляющихся среди виноградных лоз. Древний храм был храмом наслаждений. «Ворон» принял у него эстафету.

Мимо прошла, точнее, прокралась стая молодых оборотней. Судя по поведению, горные львы. Несколько обернулись на Брайс, зарычали, приглашая ее с собой. Брайс не обратила на них внимания. Она отошла к нише слева от служебного входа в клуб, прислонилась к скользкому камню. Зажав бутылку левой подмышкой, она поудобнее поставила ногу и, покачиваясь в такт музыке, что доносилась из застрявшей в пробке машины, наконец-то ответила Коннору: «Пицца. Суббота, шесть вечера. Если опоздаешь, пеняй на себя».

Коннор сразу же принялся отвечать. Потом остановился и через несколько секунд продолжил: «Я никогда не заставлю тебя ждать».

Брайс расширила глаза и отстучала в ответ: «Не давай обе-

щаний, которые не в состоянии выполнить».

Снова пузырь, уведомляющий, что кто-то печатает ответ. Снова пауза, когда Коннор удалил напечатанное. Потом: «Это касалось пиццы?»

«Коннор, я похожа на шутницу?»

«Выходя из квартиры, ты выглядела очень соблазнительно».

Внутри Брайс поднялась жаркая волна. Она закусила губу. Нечего ловиться на комплименты этого обаятельного самоуверенного придурка. «Передай Данике, что я иду в „Ворон“ с Юниперой и Фьюри. Встретимся через пару дней».

«Договорились. А что с „как его там“?»

«РЕЙД получил официальный отлуп».

«Рад. Я уже волновался, что мне придется его ухлопать».

У нее закрутило в животе.

«Брайс, я пошутил, – поспешно добавил Коннор. – Я не буду себя вести как альфа-придурок. Обещаю».

Прежде чем Брайс успела ответить, пришло новое сообщение. На этот раз от Даники. «КАК ТЫ СМЕЕШЬ ИДТИ В „ВОРОН“ БЕЗ МЕНЯ? ПРЕДАТЕЛЬНИЦА».

Брайс ухмыльнулась, печатая ответ: «Наслаждайся Вечером Стаи, лузерша».

«НЕ СМЕЙ РАЗВЛЕКАТЬСЯ БЕЗ МЕНЯ. Я ЗАПРЕЩАЮ».

Брайс знала: Даника умирала от желания рвануть в клуб, но стаю она не бросит. Особенно в их единственный свобод-

ный вечер. Такие вечера укрепляли сплоченность стаи. Данике сейчас нужно быть среди своих. Особенно после на редкость дерьмового дня. И особенно учитывая то, что Бриггс вышел на свободу и наверняка решил отомстить всей Стае Дьяволов.

Верность – вот основное свойство характера Даники, за которое волки ее любили и были готовы поддерживать в любом случае жизни. Меж тем Сабина во всеуслышание сомневалась, достойна ли ее дочь ответственности и статуса премницы. Иерархия власти среди волков Города Полумесяца определялась исключительно доминированием, но три поколения семьи, давшей предводителя волков, вероятную претендентку Сабину и Данику (претендентку на статус вероятной претендентки?), были редкостью. Никто не искал объяснений. Давнее происхождение могущественных семей считалось достаточным объяснением.

Даника потратила немало времени, копаясь в истории правящих стай оборотней в других городах. Она пыталась понять, почему в Хилене всегда правили львы, в Коринфе – тигры, а в Ойе – соколы; почему в одних семьях статус предводителя передавался по наследству, а в других нет. Оборотни, не превращавшиеся в хищных зверей и птиц, тоже могли возглавить Вспомогательные силы города, но такое случалось редко. У Брайс все эти изыскания вызывали откровенную скуку. Если Даника и сумела узнать, почему семья Фендир обладала столь большим куском властного пирога,

она решила не утомлять подругу.

«Удачи в обуздании Даники», – написала Коннору Брайс.

«Она желает мне того же относительно тебя», – ответил Коннор.

Брайс уже хотела убрать телефон, когда экран осветился снова. Опять Коннор. «Ты об этом не пожалеешь. Я давно обдумал все способы, какими буду тебя ублажать. Все удовольствия, которые нас ждут».

«Сталкер», – ответила она, но улыбнулась.

«Веселись. Увидимся через пару дней. Напиши, когда благополучно вернешься домой».

Брайс дважды перечитала их разговор, поскольку чувствовала себя жуткой лузершей и подумывала, не позвать ли Коннора на свидание прямо сейчас, как вдруг ей в горло уперлась острая кромка холодного лезвия.

– Секунда – и ты покойница, – проворковал женский голос.

Брайс вскрикнула, пытаясь успокоить сердце, которое мгновенно перешло из режима дурацкого ликования в режим неизъяснимого страха.

– Чтобы больше таких шуточек не было, – прошипела она Фьюри.

Та невозмутимо убрала нож от горла Брайс и спрятала в ножны.

– А ты не выставляй себя живой мишенью, – сухо ответила Фьюри.

Ее длинные волосы цвета оникса были стянуты в тугий конский хвост, что оттеняло высокие скулы. Ее кожа имела красивый светло-коричневый цвет. Фьюри оглядела очередь жаждающих попасть в «Ворон». Карие глаза подмечали каждую мелочь и обещали смерть всякому, кто посмеет оказаться у нее на пути. Но хвала богам, ее черные кожаные легинсы, облегающая бархатная майка на лямках и сапоги, которые при необходимости превращались в оружие, не источали запаха крови.

– Смотрю, ты почти без макияжа, – сказала Фьюри, оглядев Брайс с ног до головы. – Если этот человечиска не дурак, думаю, он с первого взгляда понял, что ты собралась его бросить.

– Он был слишком поглощен своим телефоном и не заметил.

Фьюри выразительно посмотрела на телефон Брайс, до сих пор зажатый в руке.

– Даника приколотит твои яйца к стене, когда я ей скажу, что застала тебя в таком растрепанном состоянии.

– Это ее вина, – огрызнулась Брайс.

Фьюри лишь оскалилась. Она принадлежала к ванирам, но к какой их разновидности – Брайс не знала. Не знала она и о Доме, к которому относилась Фьюри. Спрашивать было невежливо. Помимо сверхъестественной скорости, изящества и молниеносных реакций, Фьюри не демонстрировала никаких иных своих качеств. Подруги никогда не видели

ее в ином обличье и ничего не знали о ее магических способностях.

Но она имела статус полноправной гражданки. Стало быть, за что-то ее ценили, причем высоко. Учитывая ее способности, наиболее вероятным Домом Фьюри был Дом Пламени и Тени, хотя она не принадлежала к демонакам, вампирам и уж тем более к призракам. Да и на ведьму, вроде Джезибы, она была не похожа (правда, Джезиба давно переметнулась в колдуньи). На некромантку она тоже не тянула, поскольку в основном отнимала жизнь у своих жертв, а не возвращала незаконным образом.

Фьюри забрала у Брайс бутылку и, потягивая вино, смотрела на переполненные клубы и бары, коих на улице Лучников было великое множество.

– Где наша длинноногая?

– Спроси что полегче.

Подмигнув Фьюри, Брайс извлекла пластиковый пакетик, где лежало двенадцать черных сигарет с «корнем радости».

– Припасла нам зажигательного.

Красные губы Фьюри разошлись в улыбке, обнажив ровные белые зубы. Сунув руку в задний карман легинсов, она достала мешочек с белым порошком. Казалось, от него исходит яркое радужное сияние.

– Я тоже.

– Не тот ли порошок пыталась мне продать торговка «дурью»? – спросила Брайс, адресуя вопрос не столько подруге,

сколько себе.

Фьюри застыла:

– Как она тебе его описала?

– Как новую синтетическую бодягу для вечеринок. Обещала, что почувствую себя богиней. Остальное не помню. Мне монет не хватило.

– Синтетическую? – нахмурилась Фьюри. – Держись от синтетики подальше. То еще дерьмо.

– Ладно.

Брайс вполне доверяла Фьюри, чтобы всерьез отнестись к предостережению. Мешочек все еще находился между пальцами подруги.

– Мне многодневные галлюцинации ни к чему. Завтра на работу.

Завтра ей снова придется делать вид, будто она знает, как и где искать этот чертов Рог.

Фьюри запихнула мешочек себе в лифчик, сделала еще глоток, потом вернула бутылку Брайс:

– Не волнуйся. Джезиба ничего не унюхает.

– Тогда идем. – Брайс взяла Фьюри под руку. – Отожжем так, чтобы наши предки перевернулись в могилах.

Будущее свидание с Коннором не означало, что теперь Брайс должна себя вести как пай-девочка. И потому во внутреннем святилище «Белого ворона» она наслаждалась всеми доступными способами.

Фьюри была знакома с Ризо – владельцем клуба. Возможно, по работе или по личной жизни, о которой подруги знали не больше, чем о глубинах Хела. Главное, им не требовалось муржиться в очереди. Оборотень, умевший превращаться в ярко раскрашенную бабочку, всегда держал для них свободную кабинку.

Ярким в заведении Ризо было все, включая и одежду официантов. Принеся подругам заказанные напитки, те даже глазом не моргнули, увидев полоски искрящегося белого порошка, созданные ловким движением руки Фьюри. Не обратили они внимания и на клубы дыма, выплывающие из раскрытых губ Брайс. Она сидела с запрокинутой головой, рассматривала зеркальный купол потолка и без умолку смеялась.

У Юниперы с раннего утра начинались репетиции, поэтому она отказалась от порошка, «корня радости» и выпивки. Зато она не отказала широкоплечему фэйцу и удалилась с ним на целых двадцать минут. Мужчина был очарован ее шоколадно-коричневой кожей, точеным лицом, вьющимися

черными волосами и длинными ногами, которые оканчивались маленькими копытами. Он на коленях умолял фавну приласкать его.

Брайс целиком погрузилась в пульсирующий ритм музыки, в эйфорию, проносящуюся по ее телу быстрее, нежели пикирующий ангел. Ей нравился даже пот, что лился у нее по спине. Она кружилась по пространству, отведенному для танцев. Завтра она не сможет и шагу ступить. Возможно, завтрашний день она встретит с половиной извилин. Плевать! Она жила настоящим мгновением. Еще, еще, еще!

Их уголок находился между двумя полуразрушенными колоннами. Смеясь, она перевалилась через низкий столик, все так же смеясь, изогнула спину и плюхнулась на темную, обитую кожей скамейку. Она уже не помнила, почему ее длинный красный ноготь зажимает одну ноздрю, и потому убрала палец от носа. Продолжая смеяться, она осушила стакан воды, затем глотнула вина из бузины и, пошатываясь, снова отправилась танцевать.

Жизнь была прекрасна. Жизнь была до чертиков прекрасна. Брайс не могла дождаться, когда они с Даникой совершат Нырок, а потом... потом ее наслаждение жизнью продлится, пока окружающий мир не превратится в прах.

Брайс увидела Юниперу танцующей среди сильфид. Те праздновали успешное завершение Нырка их подруги. Их серебристые головы украшали неоновые обручи. Обручи ярко светились, поскольку сильфида, совершившая Нырок, по-

лучила возможность генерировать собственный первосвет. Юнипере тоже удалось раздобыть неоновый обруч, отчего ее волосы приобрели красивый голубой отсвет. Фавна протянула руки к Брайс, их пальцы переплелись, и они стали танцевать вместе.

Кровь Брайс пульсировала в такт музыке, словно ее тело для этого и создавалось – для момента, когда она стала ритмом, высокими и низкими звуками, мелодией, обретшей форму. Сверкающие глаза Юниперы говорили Брайс: она понимает. Она всегда понимала удивительную свободу, радость и чувство освобождения, порождаемые танцем. Тела обеих переполнились звуками. Попробуй удержи звуки внутри! Только движение выпустит их наружу; только движение выразит их и воздаст должное.

Посетители и посетительницы собрались посмотреть на танец. Их чувственное внимание обволакивало тело Брайс, как пот, и было таким же липким. Каждое движение Юниперы мгновенно дополняло ее собственное, словно они были вопросом и ответом, солнцем и луной.

Тихая, прекрасная Юнипера Андромеда всегда привлекала к себе внимание. Даже здесь, в древнем священном сердце «Ворона», танцую для себя, она притягивала взгляды посетителей. Во время танца ее тело испускало свет.

А может, это действует «искатель света», которого Брайс все-таки нанюхалась?

Ее волосы липли к вспотевшей шее. Ноги совсем онемели

от танцев на высоких каблуках. Горло воспалилось, поскольку она не просто подпевала гремящей музыке, а вступила в состязание с акустическими системами клуба.

Брайс удалось отправить Данике несколько сообщений и одно видео. Ей что-то присылали, но буквы на экране расплывались.

Если завтра она явится на работу, будучи не в состоянии прочесть ни одного письма, Джезиба ее с треском выпрет.

Время замедлилось и растворилось в окружающем пространстве, среди колонн и истертых камней. Потом оно появится снова, а сейчас не было вообще никакого времени.

Не поселиться ли ей здесь?

Послать подальше галерею и жить в клубе. Ей бы нашлась здесь работа. Например, она могла бы танцевать внутри одной из стальных клеток, подвешенных к зеркальному потолку, прямо над танцевальным пространством. Здесь бы ее не упрекнули в «неправильном телосложении». Она бы делала то, что ей нравится больше всего, а ей бы за это платили. Что еще надо для счастливой жизни?

План казался Брайс вполне разумным. Она продолжала вертеть его в голове, бредя по своей улице. Как она сюда добралась? Она не помнила, как попрощалась с подругами и уходила из «Ворона». И все-таки – как она очутилась возле своего дома? Приехала на такси? Она же ухлопала все имевшиеся марки на «дурь». Если только кто-то заплатил...

Сейчас это не имело значения. Завтра само вспомнится.

Брайс не представляла, заснет ли вообще. Спать ей не хотелось. Хотелось танцевать еще и еще, вот только... ноги! Они жутко болели и были почти черными, а еще липкими...

Брайс остановилась перед входной дверью и застонала от боли в ногах. Потом сняла ненавистные туфли. Теперь требовалось набрать код, иначе дверь не откроется.

Она пялилась на пульт с кнопками и словно ждала, что там появятся мигающие глаза и голос из переговорного устройства подскажет ей код. В некоторых домах были такие гаджеты, но не в этом.

Хел. Хе-е-е-ел! Брайс достала телефон. Свет экрана показался ей ослепительно-ярким. Сощурившись, она увидела несколько уведомлений о поступивших сообщениях. Как и в клубе, буквы расплывались, и ей не удавалось прочитать ни строчки. Даже если бы она исхитрилась и позвонила Данике, подруга оторвала бы ей голову.

Воспользоваться переговорным устройством? Аппарат в прихожей не звонил, а исторгал скрежет. Это разозлит Данику еще сильнее. Брайс морщилась, переминаясь с ноги на ногу.

Так какой у них код? Код, код, ко-о-о-од...

Вот он! Брайс выудила его из потайного кармана памяти. Потом радостно набрала. В замке что-то зажужжало, и он, негромко лязгнув, открылся.

Войдя, Брайс снова поморщилась. Ну и вонь. Проклятый уборщик! Она начистит ему задницу. Нет, лучше проткнет

этими отвратительными дешевыми туфлишками, истерзавшими ей ноги.

Коснувшись босой ногой ступеньки, она вздрогнула. Подниматься на третий этаж – все равно что идти по стеклу. Туфли она бросила на пол, клятвенно пообещав себе утром их найти. Потом обеими руками взялась за металлические перила, выкрашенные в отвратительный черный цвет. Может, оседлать перила и подняться за счет рук?

Но до чего же воняет! И что едят жильцы этого дома? Точнее, кого? Будем надеяться, что не уставших, обдолбанных полуфээк, которым не подняться по лестнице.

Если Фьюри добавила к «искателю света» еще что-то, Брайс ее убьет... Брайс фыркнула. Сама мысль о попытке убить знаменитую Фьюри Акстар была верхом идиотизма. Под такой умственный «аккомпанемент» доблестная Брайс Куинлан перлась к себе наверх.

Площадка второго этажа манила возможностью растянуться и заснуть. Брайс и заснула бы, но удушающая вонь на площадке заставила ее ковылять дальше.

Если ей повезет и Коннор по-прежнему у них... тогда ей действительно повезет.

Боги свидетели, до чего же ей хотелось хорошего секса. Безудержного, с воплями во все горло и скрипящей, готовой рухнуть кроватью. У Коннора бы это получилось. Даже больше этого. Слияние с ним увело бы ее дальше телесного контакта. У нее бы расплавились все остатки мозгов, которые

она не успела угробить в «Вороне».

Только из-за собственной трусости она не позволяла себе думать о близости с ним. И началось это пять лет назад, когда он зашел к ним в комнату поздороваться с Даникой и ее соседкой. Помнится, Коннор тогда замер в проеме двери – и они с Брайс... глазели друг на друга. Он жил в четырех дверях от их комнаты. Жуткое искушение. Однако Даника приказала ему не приставать к Брайс, пока та сама не сделает шаг навстречу. И хотя в те дни еще не существовало никакой Стаи Дьяволов, Коннор подчинился. Похоже, сегодня Даника отменила приказ.

Прекрасная, несносная Даника. Брайс улыбнулась, доползя до площадки третьего этажа. Там она чуть постояла, унимая головокружение, затем выудила из сумочки ключи. Удивительно, что по дороге сюда она не посеяла ни ключи, ни сумочку. Оставалось протопать по коридору, где находились две двери: их квартиры и соседней.

Конечно, Даника жутко разозлится. До невообразимой жути. Мало того что Брайс отправилась развлекаться без нее. Эта полуфэйская дурища напилась, накурилась и нанюхалась до непотребного состояния, утратив способность читать и забыв код входной двери.

Коридорный первосвет, который Брайс всегда казался тусклым, сейчас вдруг стал нестерпимо ярким. Она прикрыла глаза, оставив узенькие щелочки, и потащилась по коридору. Нужно обязательно принять душ, если она еще не ра-

зучилась поворачивать краны. Отмыть грязные, одеревеневшие ноги.

Тем более что она ступила в холодную лужу. Труба, тянущаяся по потолку, подтекала. Отсюда и лужа. Брайс передернула плечами и, держась за стенку, побрела дальше.

Дерьмово ей. Перебрала она с наркотиками. Даже ее фэйская кровь не способна быстро переработать такую мешанину.

Ну вот и ее дверь. Ключи уже в руках. Осталось найти нужный.

Ключей на связке было шесть. Какой из них от квартиры? Один открывал дверь галереи, второй подходил ко всем клеткам и террариумам в библиотеке. А этот? Вспомнила: от клетки Сиринкса. Соседний с ним – от цепи на скутере. Следующий – от самого скутера... Ну вот и ключ от квартиры.

Ключи качнулись, блеснув в лучах первосвета, потом слились с крашеными металлическими стенами коридора. Связка выскользнула из нетвердых пальцев Брайс и шлепнулась на пол. Она выругалась, одновременно выдыхая скопившийся воздух. Чтобы не шлепнуться самой, Брайс взялась за косяк и нагнулась за пряткими ключами.

Пальцы ткнулись во что-то мокрое и холодное.

Брайс закрыла глаза, приказав окружающему миру перестать кружиться. Выждав секунд десять, она снова открыла глаза и уперлась взглядом в грязный пол у самой двери.

Но сейчас пол был не только грязный, а еще и красного

цвета. Более того, он пах... кровью. Брайс напрасно искала ключ – дверь квартиры была открыта. Дверную ручку вырвали с мясом.

Железная дверь, которую так просто не взломаешь. Сделанная из крепкого листового железа и дополнительно укрепленная лучшими охранными заклинаниями, какие возможно добыть за деньги. Эта дверь надежно защищала от незваных гостей, взломщиков и чужой магии. Своих денег Брайс не хватило бы и на простенькое охранное заклинание. Сознавая это, она позволила Данике расплатиться самой. Первый и единственный раз. Брайс не хотела даже узнавать, во сколько подруге обошлась покупка заклинаний. Скорее всего, вдвое больше, чем мать и отчим Брайс зарабатывали за год.

Сейчас дверь напоминала мятый лист бумаги.

Отчаянно моргая, Брайс выпрямилась. Черт бы побрал наркотики, которыми она нашпиговала организм! Черт бы побрал Фьюри, обещавшую, что галлюцинаций не будет!

Брайс мысленно поклялась себе, что завязывает с выпивкой и со всей «дурыю». Окончательно и бесповоротно. Так она завтра с утра и скажет Данике. Больше она себя не гробит.

Брайс протерла глаза. На пальцах осталась тушь для ресниц, потому что пальцы были мокрыми от крови.

Кровь осталась. Покореженная дверь – тоже.

– Даника! – хрипло позвала она.

Если напавший по-прежнему внутри...

– Даника!

Морщась от вида крови, Брайс толкнула смятую дверь.

Ее встретила темнота. В нос ударил медный запах крови и уже знакомый отвратительный запах.

Тело Брайс сжалось. Напрягся каждый мускул. «Беги, беги, беги!» – требовал инстинкт самосохранения. Но ее фэйское зрение освоилось с темнотой. Брайс увидела квартиру. Вернее, то, что осталось от квартиры.

И то, что осталось от находившихся в квартире.

Помощь. Нужно срочно отправляться за подмогой, но вместо этого Брайс углубилась в развороченную квартиру.

– Даника! – срывающимся голосом позвала она.

Волки отчаянно сражались. Вся мебель была разнесена в щепки.

И ни одного целого тела. Сплошные ключья и сгустки.

– Даника! Даника! Даника!

Нужно кому-то позвонить и позвать на помощь. Фьюри, брата, их отца, Сабину...

Дверь в комнату Брайс болталась на одной петле. Порог был густо измазан кровью. Афиши балетных спектаклей превратились в лоскуты. А на кровати...

Это не было галлюцинацией. Даже затуманенный наркотиками мозг Брайс осознавал реальность увиденного. Сердце, обливавшееся кровью (ее кровью), это подтверждало.

На кровати лежали... куски Даники. Перед кроватью, на

старом коврикe, лежали другие куски, помельче. Останки того, кто пытался защитить Данику... Коннора.

Справа от кровати, почти рядом, еще одно месиво. Торн. Брайс продолжала смотреть. Наверное, время остановилось. Наверное, она сама мертва. Все телесные ощущения пропали.

Что-то глухо лязгнуло. Не в квартире. В коридоре между квартирами.

Брайс сделала шаг. Пространство изогнулось. Оно сжималось и расширялось, как будто дышало. С каждым вдохом пол поднимался, но Брайс удавалось идти.

Увидев раскрошенный кухонный столик, Брайс нагнулась за ножкой. Та норовила выскользнуть из липких от крови пальцев. Тихо подняв ножку над головой, Брайс подошла к входной двери и выглянула в коридор.

Ей пришлось несколько раз моргнуть, возвращая зрению четкость. Поганые наркотики!

Задвижка на дверце мусоропровода была отодвинута, а сама ржавая дверца – измазана кровью. Эта кровь пахла волком. Кровавые отпечатки на полу, непохожие на следы ног, вели к лестнице.

Брайс покачивалась у двери и непрерывно моргала. Случившееся было реальностью. Реальностью. А значит...

Она увидела себя издали, бегущей по коридору. В одном месте она ударилась о стену, отскочила и со всех ног понеслась к лестнице.

Должно быть, убийца Стаи Дьяволов слышал, как она вернулась, и спрятался в мусоропроводе, чтобы потом напасть на нее или незаметно покинуть дом.

Брайс достигла лестницы. Пространство перед глазами заволкло сверкающей белой дымкой. Дымка сковывала движения, глушила все предостерегающие колокола внутри Брайс.

Стеклянная дверь внизу уже была вдребезги разнесена. С улицы слышались крики.

Брайс прыгнула с площадки третьего этажа и понеслась вниз.

У нее дрожали и подгибались колени. Осколки, устилавшие вестибюль, впились ей в босые ступни и расплосовали кожу. Боли Брайс не почувствовала. Она выскочила на улицу и стала озираться по сторонам.

Прохожие смотрели куда-то вправо. Иные громко кричали. Проезжавшие машины остановились: водители и пассажиры глазели на противоположную сторону улицы, в узкий переулок между двумя домами.

Потом лица прохожих сделались размытыми и вытянутыми. Их ужас превратился во что-то странное и гротескное. По аналогии с «первосветом», это можно было назвать... «первострахом».

И это уже не было галлюцинацией.

Брайс пересекла улицу, ориентируясь на крики и запах. Воздух обжигал и разрывал ей легкие. Она неслась по пе-

реулку, стараясь не угодить в груды мусора. Объект ее погони не мог уйти слишком далеко.

Где же он... или оно?

Мысли Брайс плавали у нее над головой. Она читала их, словно бегущую строку на стене дома где-нибудь в Центральном деловом районе.

Даже если она не сумеет расправиться с убийцей, хотя бы увидеть, что это за существо и откуда. Ради Даники...

Переулок вывел Брайс на шумную Центральную магистраль, полную бегущих прохожих и сигнализирующих машин. Брайс перепрыгивала через капоты, взбиралась на крыши. Каждое ее движение было выверенным, словно танцевальное па. «Прыжок, поворот, изгиб». Тело ни разу ее не подвело. Зловоние преследуемого существа служило ей маяком. Брайс бежала по улочкам и переулкам, не успевая прочесть их название.

Они оказались вблизи реки. Впереди послышалось рычание, затем грохот. Брайс сориентировалась по звуку. Кажется, оттуда – из прохода между двумя кирпичными зданиями. Скорее всего, там даже не проход, а тупик.

Брайс взмахнула ножкой от стола. Как бы ей сейчас пригодился меч Даники. Успела ли ее подруга выхватить меч из ножен?.. Не успела, потому что меч остался в чулане галереи. Даника плюнула на угрозы Джезибы и не забрала фамильное оружие.

Брайс завернула за угол... Там все было в крови. Куда ни

глянь.

Наконец-то она увидела существо, за которым гналась... Оно не принадлежало ни к одной разновидности ваниров. Может, так и выглядят демоны? Эта смертельно опасная тварь имела гладкую, почти прозрачную серую кожу. Передвигалась на четырех длинных и тонких конечностях. Сходство с человеческим телом если и было, то очень отдаленное.

Думать о сходстве Брайс было некогда. Ее противник нашел себе новую жертву, собираясь попировать на малакиме. Точнее, уже начал зловещий пир.

Лицо ангела было залито кровью. Волосы – тоже. Кровь лилась по вспухшим, исцарапанным щекам и шее. Его белые крылья были помяты и сломаны в нескольких местах. Сильное тело ангела корчило от боли. Тварь вгрызалась ему в грудь. Морда существа сверкала прозрачными зубами, которые с легкостью разрывали кожу и перегрызали кости.

Брайс было не до мыслей и не до ощущений. Сейчас она действовала так, как учил ее Рандалл: быстро и беспощадно. Замахнувшись ножкой стула, Брайс что есть силы ударила существо по голове. Дерево треснуло, но треснула и черепная кость ее противника.

Удар сбросил его с ангела. Существо повернулось на задних ногах. Когти передних ног (или рук) процарапали борозды в каменных плитах.

Существо не имело глаз. Только гладкий лоб, обтянутый серой кожей, а чуть ниже – две глубокие щели, заменявшие

ему нос. Кровь, что текла из виска... была совсем не красного цвета.

Брайс тяжело дышала. Малаким стонал, взывая о помощи. Существо принюхивалось к Брайс.

Брайс отчаянно моргала, пытаясь вернуть зрению ясность и мысленно приказывая «корню радости» и «искателю света» побыстрее убираться из ее кровеносной системы.

Существо кинулось в атаку. Не на нее. На ангела, намереваясь добраться до сердца. Ангел был для него более значительной добычей.

Взмахнув ножкой, Брайс подскочила к противнику ангела и снова ударила по черепу. Отдача была настолько сильной, что у нее завибрировала рука. Существо зарычало и бросилось на нее. Брайс увернулась, но острые прозрачные зубы пропоролы ей бедро.

Брайс закричала от боли. Только бы не потерять равновесие. Существо приготовилось к новому прыжку, намереваясь добраться до ее горла. Брайс взмахнула ножкой. Удар вышиб несколько прозрачных зубов. Демон завопил, и так громко, что фэйские уши Брайс едва выдерживали. Она решила взглянуть на противника.

Демон шипел и царапал камни, а потом... ретировался. Он огибал выступ здания, возле которого лежал малаким. Надо продолжать погоню. Ее противник не настолько быстр. Она проследит за ним, пока не наткнется на патруль Вспомогательных сил или 33-го легиона.

Брайс отошла всего на шаг, когда ангел снова застонал. Ослабевшей рукой он пытался зажимать рану на груди. Но кровь продолжала хлестать. Тела малакимов заживали быстрее. Этот ангел наверняка совершил Нырок, однако раны, нанесенные демоном, были слишком серьезны, а потому существовал риск умереть, не дотянув до утра.

Противник Брайс скрылся между домами. Оттуда донесся чей-то испуганный крик.

«Беги, не стой, – требовал внутренний голос. – Беги же!»

Вспухшее лицо ангела превратилось в сплошной кровоподтек.

Швырнув ножку в лужу ангельской крови, Брайс склонилась над раненым, кусая губы, чтобы не закричать от собственной боли. Бедро пылало. Казалось, туда плеснули кислотой.

Окружающее пространство погружалось в густую, непроницаемую темноту. Только бы не потерять сознание.

Брайс протянула руку, зажала рану ангела, запретив себе ощущать мокрую от крови, растерзанную плоть и рассеченную грудину со следами зубов. Она не ошиблась: демон хотел добраться до сердца. И почти добрался.

– Телефон, – выдохнула Брайс. – У вас есть телефон?

Ангел чуть сдвинул белое крыло, превратившееся в красные лоскуты. Судя по слегка выпирающему карману черных брюк, телефон лежал там.

Брайс сама удивлялась, как ей удалось одной рукой вы-

тащить телефон. Время по-прежнему вело себя странно, то ускоряясь, то вообще останавливаясь. Каждое движение отзывалось болью в раненом бедре.

Стараясь не выронить изящный черный аппарат, Брайс чуть не сломала ногти, когда набирала номер службы спасения.

Ей ответили после первого же сигнала.

– Служба спасения Города Полумесяца, – произнес мужской голос.

– Помогите, – срывающимся голосом взмолилась Брайс. – Помогите.

Пауза показалась ей бесконечной.

– Госпожа, пожалуйста, сообщите, где вы находитесь и что у вас случилось.

– Старая Площадь. Река... нет, в сторону от реки, вблизи улицы Молодого Лебедя...

Брайс поняла, что несет чушь. Она называла место, где был ее дом. А в погоне за демоном она успела забраться довольно далеко. Ей было некогда читать таблички с названием улиц.

– Пожалуйста... пожалуйста, помогите.

Кровь ангела покрыла ей колени, вызывая зуд там, где они были поранены.

А Даника была...

А Даника была...

А Даника была...

– Госпожа, мне нужно знать ваше местонахождение. Тогда мы сразу же пошлем волков.

Брайс всхлипнула. Слабые пальцы ангела коснулись ее раненого колена, будто в знак утешения.

– Телефон, – перебила она оператора. – Его телефон. По номеру можно определить местонахождение. Сделайте это. Найдите нас.

– Госпожа, вы...

– Установите местонахождение этого номера!

– Госпожа, мне нужно немного времени...

Брайс торопливо добралась до служебного меню телефона, где сама нашла номер:

– Сто двенадцать ноль три ноль пять семьдесят семь.

– Госпожа, согласно данным...

– Сто двенадцать ноль три ноль пять семьдесят семь! – кричала она в микрофон, повторяя раз за разом: – Сто двенадцать ноль три ноль пять семьдесят семь!

По крайней мере, она запомнила этот дурацкий номер.

– Госпожа... боги милосердные. – В динамике что-то затрещало. – Они выезжают, – почти шепотом сообщил оператор.

Он задавал ей вопросы о ранах ангела, но пальцы Брайс разжались, и она выронила черный телефон. Наркотики, еще остававшиеся в организме, потянули ее вниз. По тупику, как по водной поверхности, пошла зыбь.

Ее глаза встретились с глазами ангела, полными боли.

Должно быть, ее душа сейчас выглядела точно так же.

А его кровь текла и текла у нее между пальцами и никак не останавливалась.

6

Эта полуфэйка выглядела как Хел.

Нет, не как Хел, мысленно поправил себя Исайя Тибериан, глядя на нее через зеркало-шпион в следственном центре легиона. Она выглядела как смерть. На его памяти так выглядели солдаты, выбравшиеся с залитых кровью пангерских полей сражения.

Она сидела у металлического стола в помещении для допросов и смотрела в никуда. И так – несколько часов подряд.

Ничего похожего на орущую, вырывающуюся особу, которую Исайя с отрядом нашли в одном из темных, грязных переулков Старой Площади. Серое платье на ней было порвано. Из раны на левом бедре лилась кровь. Удивительно, как еще она не потеряла сознание. Девушка находилась в полубезумном состоянии. Возможно, от пережитого ужаса. Или от горя. Или от наркотиков, которыми успела основательно накачаться.

Возможно, от всех трех причин. Учитывая, что полуфэйка была не только источником сведений о нападении, но и в данный момент представляла опасность для себя самой, Исайя распорядился доставить ее в стерильный подземный следственный центр, находившийся под Комитиумом. В качестве свидетельницы, о чем недвусмысленно говорили сопроводительные документы. Не как подозреваемую.

Он протяжно выдохнул, противясь сильному желанию уткнуться лбом в окошко наблюдения. Если бы не легкое гудение светильников первосвета над головой, здесь была бы абсолютная тишина.

Первое погружение в тишину за многие часы. Скоро это блаженство кончится.

Так оно и случилось, словно Урда подслушала его мысли.
– По-прежнему не желает говорить? – раздался за спиной грубый мужской голос.

Исайе понадобилось два века подготовки – на полях сражений и вне их, – чтобы не вздрагивать от звука этого голоса. Чтобы медленно поворачиваться к ангелу, который сейчас наверняка стоит, прислонившись к двери, облаченный в свою неизменную черную форму. Разум и история напоминали Исайе, что этот ангел – его союзник, хотя интуиция, чутье, внутренний голос... хором утверждали обратное.

Хищник. Убийца. Чудовище. Вот кто этот ангел.

Однако темные миндалевидные глаза Ханта Аталара смотрели только в окно. Точнее, на Брайс Куинлан. Ни одно серое перышко его крыльев не колыхнулось. С самых первых дней, когда они только встретились в 17-м легионе в южной части Пангеры, Исайя старался подавлять ощущение, что Хант обитает в некоем пузыре постоянного спокойствия. Спокойствие было обманчивым, как затишье перед бурей. Так все вокруг замирало, когда он появлялся.

Ничего удивительного, если знать, как Хант обращается

со своими врагами и теми, на кого ему укажут.

Взгляд Ханта переместился на Исайю. Ничего удивительного: Хант задал ему вопрос и хотел получить ответ.

– С тех самых пор, как ее сюда доставили, она не произнесла ни слова, – качнув белыми крыльями, сказал Исайя.

Хант снова посмотрел на их «гостью»:

– Поступал приказ перевести ее в другое помещение?

Исайя знал, о каком помещении речь. Были у них комнаты, где имелось все необходимое, чтобы разговорить попадавших туда. Даже свидетелей.

Исайя поправил черный шелковый галстук и не слишком истово вознес молитву пяти богам, прося о том, чтобы к восходу солнца его темно-серый деловой костюм не покрывлся пятнами крови.

– Пока не поступал.

Хант кивнул. Его золотисто-коричневое лицо осталось бесстрастным.

Исайя наблюдал за ним, зная, что сам Хант ничего предлагать не станет. Хвала богам, он явился сюда без своего шлема в виде черепа. Шлем заработал ему прозвище, которое знали во всех частях Города Полумесяца, но произносили шепотом: Умбра Мортис.

Тень Смерти.

Не зная, радоваться или волноваться из-за отсутствия шлема, Исайя молча подал персональному ассасину Микая тонкую папку с досье. Он постарался сделать так, чтобы

его шоколадно-коричневые пальцы не коснулись обтянутых перчатками пальцев Ханта. Перчатки и сейчас были со следами крови и хранили запах. Исайя узнал запах ангела, следовательно второй должен принадлежать Брайс Куинлан.

Кивнув в сторону помещения для допросов, целиком отделанного белыми плитками, Исайя заговорил:

– Брайс Куинлан, двадцать три года, полуфэйка. Тест на кровь, проведенный десять лет назад, подтвердил, что ей доступна фэйская продолжительность жизни. Уровень силы незначителен. Нырок еще не совершала. Имеет полноценное гражданство. Найдена в переулке вместе с одним из наших ангелов. Зажимала ему рану, пытаясь не допустить, чтобы сердце выпало из поврежденной грудной клетки.

Все это звучало сухо, смахивая на историю болезни. Но Исайя знал: Хант учитывает каждую мелочь. Они оба имели такую склонность. Как-никак, они побывали в том переулке. И оба знали: даже здесь, в безопасной комнате наблюдения, было крайне глупо говорить о щекотливых моментах вслух.

Едва они подняли Брайс на ноги, она тут же привалилась к Исайе. Нет, не для того, чтобы дать волю слезам. Боль мешала ей стоять. Хант первым догадался о серьезной ране на бедре.

Они попытались снова уложить ее на землю. Брайс вела себя дико: вырывалась, брыкалась. Из раненого бедра продолжала идти кровь, поэтому Исайя вызвал медведьму. У Брайс была задета артерия. Просто чудо, что она не рух-

нула замертво еще до их приезда.

Хант присел перед ней на корточки, пытаясь осмотреть бедро. Так она дернула ногой и едва не заехала ему по яйцам. Хант смачно выругался, потом снял свой шлем, посмотрел ей в глаза и велел успокоиться.

С того момента она впала в ступор. Просто смотрела на Ханта: отрешенно, как на стену. Он достал из аптечки до-спехов медицинский степлер, чтобы скрепить рану и остано-вить кровь. Брайс даже не вздрогнула. Она просто смотрела на Умбру Мортиса. Смотрела, смотрела, смотрела.

Наложив скобы, он не задержался, а взмыл в ночное небо, отправившись искать и уничтожать врагов. Это у него полу-чалось лучше всего.

Хант только сейчас заметил кровь на перчатках. Выругав-шись, он сорвал их и бросил в металлический мусорный бак у двери. Затем стал листать тоненькое досье Брайс Куинлан. Черные, до плеч волосы слегка покачивались, обрамляя его непроницаемое лицо.

– Ничего особенного. Обычная избалованная завсегда-тайка клубов и танцулек. Это больше по твоей части, – ска-зал Хант, листая страницы. Он чуть скривил рот. – Смот-ри-ка! Вот сюрприз: она живет в одной квартире с Даникой Фендир. Так это же «принцесса сборищ» собственной пер-соной.

Этот эпитет употреблялся только в 33-м легионе, посколь-ку больше никто во всем Лунатионе, включая высшую фэй-

скую знать, не осмелился бы произнести такие слова вслух. Однако Исайя жестом предложил Ханту читать дальше, поскольку тот улетел раньше и не знал всех масштабов случившегося.

Хант прочитал, и его брови изогнулись.

– Чтоб мне поиметь Урду!

Исайя этого ждал.

Темные глаза Ханта округлились.

– Даника Фендир умерщвлена? – Он пробежал еще несколько фраз. – Вместе со всей Стаей Дьяволов... Чтоб мне поиметь Урду, – качая головой, повторил он.

– Дело совершенно глухое, друг мой, – отозвался Исайя, забирая у него папку.

Хант сжал челюсти.

– Я не учуял никаких следов демона.

– Знаю. – Поймав вопросительный взгляд Ханта, Исайя пояснил: – Если бы учуял, сейчас ты бы держал в руках отсеченную голову, а не папку.

Сказанное не было «фигурой речи». Исайя не раз видел победоносные возвращения с охоты за демонами. Головы, приносимые Хантом, являлись не трофеями, а вещественными доказательствами того, что приказ выполнен. Архангелы, под началом которых доводилось служить Ханту, всегда требовали доказательств.

Губы Аталара слегка дрогнули. Наверное, вспомнил, когда в последний раз он представлял подобное доказатель-

ство. Хант скрестил руки на груди. Жест доминирования, который Исайя постарался не заметить. Среди пятерых воинов, входящих в триарию – самый элитный отряд имперского легиона, – существовала негласная иерархия. И триарии (тоже негласно) были маленькой личной гвардией Микая.

Микай назначил Исайю командиром 33-го легиона, но никогда официально не объявлял об этом. Однако Исайя считал, что заслуженно занимает самую верхнюю ступень, поскольку является лучшим воином среди триариев, невзирая на его модный костюм и галстук.

Почему в отряде оказался Хант, толком никто и не знал. Пару лет назад его перевели сюда с Пангеры. Исайя совсем не желал знать подробности перевода.

Официально занятием Ханта была охота и уничтожение демонов, проникавших сквозь трещины Северного Разлома или вызванных запретными магическими ритуалами. Это занятие как нельзя лучше отвечало уникальным способностям Ханта. Только боги знали, скольких демонов он выследил и убил за эти столетия, начиная с 17-го легиона – первого их с Исайей места службы. В какие миры отправлялись души истребленных им демонов, Хант не знал и не желал знать.

Но свое прозвище Хант заработал выполнением тайных (окутанных тенями) поручений архангелов. Сейчас это были поручения Микая. Хант подчинялся непосредственно Домитусу, и остальные триарии старались не лезть в их отношения.

– Наоми только что арестовала Филипа Бриггса по обвинению в массовом убийстве, – сообщил Исайя, упомянув капитана пехоты 33-го легиона. – Бриггс не далее как вчера освободился из тюрьмы. Первый раз он был захвачен Даникой и Стаей Дьяволов у себя в подпольной лаборатории.

То, что волки опередили легион, задевало самолюбие Исайи. Арест, произведенный Наоми, несколько исправил положение.

– Ума не приложу: Бриггс – вполне заурядный человек. И вдруг... вызвать могущественного демона. Как?

– Думаю, вскоре мы это узнаем, – мрачно ответил Хант. Обязательно узнают.

– Неужели Бриггс настолько глуп? Выйти на свободу и тут же устроить массовую бойню.

Нет, дураком Бриггса не назовешь. Он возглавлял мятежников Кереса – ответвление более крупного движения, называемого Офионом. Вот фанатик он первостатейный. Спал и видел, как бы раздуть конфликт, схожий с войной на Пангере.

– Возможно, Бриггс знал, что мы найдем повод водворить его обратно в тюрьму, – возразил Хант. – Знал, что на свободе он проведет считанные часы. Вот и решил потратить это время на расправу с ванирами.

– Ну и мешанина, – покачал головой Исайя.

Применительно к нынешнему столетию – это еще мягко сказано.

– Что-нибудь просочилось в средства массовой информации? – спросил Хант.

– Пока нет, – ответил Исаяя. – Несколько минут назад я получил приказ хранить полное молчание о случившемся. Даже если утром все СМИ только и будут болтать об этом.

Глаза Ханта сверкнули.

– Мне рассказывать некому.

Да, Хант и друзья – понятия несовместимые. Даже среди триариев, после двух лет службы в легионе, Хант держался замкнуто, неумоимо трудясь ради одной цели – свободы. Правильнее сказать, ради хрупкого шанса получить свободу.

– Сколько у нас времени до появления Сабины? – со вздохом спросил Исаяя.

Хант сверился с часами на телефоне:

– Она уже спускается.

В этот момент дверь шумно распахнулась.

– Вот и она, – шепнул Хант.

Внешне Сабина выглядела немногим старше Брайс Куинлан. Тонкокостное лицо, длинные светлые волосы с серебристым отливом. Возраст выдавал гнев, бушевавший в ее светло-карих глазах. Он сразу подсказывал: эта женщина живет не первый век.

– Где вы держите эту суку-полукровку? – спросила Сабина и тут же увидела Брайс через шпионское окно. – Я ей сейчас шею сверну!

Исаяя белым крылом загородил Сабине путь к двери.

Хант как бы невзначай встал по другую сторону. На костяшках его пальцев плясали молнии.

Небольшая демонстрация силы. Исайя собственными глазами видел, как Хант молниями испепелял врагов и разрушал дома.

Что у обычного ангела, что у архангела – магия всегда представляла собой разновидность природных стихий: дождя, бури, иногда торнадо. Исайя умел создавать ветер, способный удерживать вражескую армию. Но только Ханту – первому и, возможно, единственному – удалось подчинить молнии, превратив их из средства устрашения в средство разрушения. Повелевание молниями было одновременно его спасением и проклятием.

Исайя вызвал легкий ветер, который прошелестел в шелковистых волосах Сабины и достиг волос Ханта.

Они всегда работали вместе. Микай это знал и потому два года назад определил Ханта в тот же отряд, где служил Исайя, невзирая на терновые венцы, вытатуированные на лбу обоих. Татуировку Ханта почти целиком закрывали волосы, но тонкая черная полоска оставалась видимой.

Исайя почти не помнил, как выглядел его друг до этого клеймения, произведенного пангеранскими ведьмами. Инфернальные заклинания, добавленные в чернила, делали татуировку несводимой. Это служило памятью о совершённых преступлениях. Помимо клейма, магия ведьм связала большую часть его магической силы.

Черный терновый венец издевательски называли нимбом, в насмешку над древними людьми, которые изображали ангелов с сиянием над головой.

Исайя не пытался закрывать свою татуировку. Терновый венец чернел на его лбу и на лбу почти двух тысяч мятежных ангелов – храбрых, глупых идеалистов, что двести лет назад участвовали в мятеже.

Астерии создали ангелов, поскольку нуждались в безупречных солдатах и верных служителях. Ангелы, наделенные изрядной магической силой, ревностно исполняли отведенные им роли. Пока не появилась архангелица Шахара, прозванная Дневной Звездой. Пока в элитном 18-м легионе Шахары не появился Хант.

Мятежники потерпели поражение и были разбиты. Казалось бы, жестокий и наглядный урок. Однако сорок лет назад люди подняли свой мятеж. Причина, участники и их возможности были иными, но общая идея совпадала. Те и другие считали Республику врагом, а жесткие иерархии – закоснелыми и тормозящими развитие.

Никому из самоуверенных человеческих идиотов не пришла в голову простая мысль: вначале расспросить павших ангелов о причинах провала их восстания, а потом уже поднимать свое. Для людей полтора столетия – седая древность. Мало ли что там не задалось у ангелов? Зато у них... Исайя охотно рассказал бы человеческим вождям, чего нельзя делать, и просветил бы насчет последствий.

Виновные имели клеймо не только на лбу, но и на правом запястье, где чернели буквы «С. И Н. М.».

Эти буквы украшали каждый флаг и документ Республики: четыре буквы, окруженные семью звездами. Они же были вытатуированы на запястье каждого существа, являвшегося республиканской собственностью. Даже если бы Исайя отрубил себе руку, новая выросла бы с теми же буквами. Такой силой обладали ведьмины чернила.

Судьба, худшая, чем смерть: оказаться вечным слугой тех, кого они собирались свергнуть.

Исайя решил уберечь Сабину и не показывать ей, как ведет себя Хант, когда ему мешают.

– Сабина, я понимаю ваше горе, но скажите, что заставляет вас желать смерти Брайс? – осторожно спросил он.

– Она забрала меч! – прорычала Сабина, указывая в сторону шпионского окна. – Эта поклонница волков украла меч Даники. Больше никому. Меча в квартире не нашли. А это фамильный меч!

Исайя знал о пропаже фамильной реликвии семейства Фендир. Но признаков, указывающих на то, что Брайс Куинлан украла меч, не было.

– Какое отношение может иметь меч к гибели вашей дочери?

Перекошенное лицо Сабины выражало гнев и горе высшего накала.

– Даника вечно лезла в самое пекло, – тряхнула волоса-

ми она, явно не собираясь отвечать на вопрос Исайи. – Не умела держать рот на замке. Ни капли хитрости с врагами. И вот чем все кончилось! Эта глупая сучка цела и невредима, а Даники больше нет.

Голос Сабины почти дрогнул.

– Быть такой дурой!

– Дурой относительно чего? – еще осторожнее спросил Исайя.

– Относительно всего! – огрызнулась Сабина и резко мотнула головой, будто сбрасывая горе. – Начиная с выбора этой шлюхи себе в подруги. Еще и поселилась вместе с нею.

Сабина – воплощение гнева и ярости – повернулась к Исайе:

– Расскажите мне всё!

– Фендир, он не обязан рассказывать вам все подробности, – холодно ответил ей Хант.

Будучи командиром 33-го имперского легиона, Исайя по рангу был равен Сабине. Они оба присутствовали на совещаниях у губернатора и оба имели над собой начальство – как в подразделениях, где служили, так и в Домах, к которым принадлежали.

Взгляд Сабины скользнул по Ханту. Ее клыки удлинились.

– Вас, Аталар, я ни о чем не спрашивала.

Глаза Ханта сверкнули. Исайя достал телефон и, отвечая на сообщение, спокойно произнес:

– У нас пока нет цельной картины. Мы продолжаем получать отчеты. Сейчас сюда придет Виктория, чтобы поговорить с госпожой Куинлан.

– Я сама с нею поговорю, – прошипела Сабина.

Чувствовалось, она готова вцепиться Ханту в горло. Он усмехнулся. «Попробуй, – говорила его улыбка. – Узнаешь». Молнии обвили ему запястье.

К счастью для Исайи, дверь комнаты допросов открылась и вошла темноволосая женщина в безупречно сшитом темно-синем костюме.

Костюмы, что носили Исайя и Виктория, были фасадом. Своеобразными доспехами, а также последней попыткой сделать вид, что они вполне нормальные существа.

Неудивительно, что Хант терпеть не мог подобную одежду.

Виктория изящно приблизилась к столу. В лице Брайс ничего не изменилось. Трудно сказать, узнала ли она эту потрясающую женщину, заставлявшую обитателей всех Домов оборачиваться вслед.

Брайс находилась в ступоре уже несколько часов. Кровь по-прежнему проступала сквозь повязку на ее голом бедре. Виктория осторожно пригнулась и сощурила светло-зеленые глаза, над которыми чернел вытатуированный терновый венец. Призрак была одним из немногих существ, двести лет назад примкнувших к восстанию малакимов. Вскоре после этого ее отдали Микаю. Наказание, которому подверглась

Виктория, выходило за рамки татуировок на лбу и запястье. В сравнении с мучениями, выпавшими на долю Исайи и Ханта, которых вначале истязали в застенках астериев, а потом годами гноили в тюрьмах архангелов, с призраком обошлись сравнительно мягко. Однако мягкость была... призрачной. Мучения Виктории продолжались и после того, как окончились мучения ангелов.

– Здравствуйте, госпожа Куинлан.

Брайс не ответила.

Призрак взяла металлический стул у стены и села напротив, скрестив длинные ноги. Достала из кармана жакета блокнот:

– Кто, по-вашему, может быть повинен в бойне, учиненной вчерашним вечером?

Брайс не шевельнулась. Сабина тихо зарычала.

Призрак сложила на коленях белые, как алебастр, руки. Сверхъестественная элегантность говорила о древней силе, обитавшей под внешне спокойной поверхностью.

Своего тела у Вик (так сослуживцы обычно называли Викторию) не было. Хотя она и сражалась в 18-м легионе, ее историю Исайя узнал только здесь, когда десять лет назад попал в Город Полумесяца. Он не спрашивал, как она обзавелась этим телом и кому оно принадлежало до этого. Сама она не рассказывала. Призраки владели телами так же, как люди владели машинами. Более тщеславные и придиричивые меняли тела часто, едва заметив первые признаки старения, од-

нако Виктория сохраняла приобретенное тело дольше обычного. Ей нравилось, как оно сложено и манера движения.

Нынче она оставалась в этом теле, поскольку у нее не было выбора. Такое наказание избрал ей Микай за участие в мятеже. Викторию лишили возможности менять тела, выбирая более молодые и стройные. В этом теле Вик провела двести лет, вынужденная мириться с его медленным разрушением, становящимся все заметнее. Вокруг глаз появились тонкие морщинки. Другие морщины, потолще, испещрили ее лоб, и даже черный терновый венец не мог их скрыть.

– Куинлан находится в шоковом состоянии, – сказал Хант, следя за каждым дыханием Брайс. – Она не будет говорить.

Исайя был склонен согласиться, пока Виктория не раскрыла блокнот и не сказала:

– Насколько я понимаю, вы сейчас не в состоянии полностью контролировать ваше тело и действия.

Она вслух зачитала список наркотиков и спиртных напитков, пропущенных Брайс через свой организм. Человеческую женщину такая смесь давным-давно бы убила. Ванирку низшей породы – тоже.

Хант снова выругался:

– Есть хоть что-то, чего она вчера не успела выпить, выкурить и нюхнуть?

– Дерьмо! – взвилась Сабина. – Чего еще ожидать от полукровки!

Исайя взглянул на Ханта. Этого было достаточно, чтобы

передать предложение.

Не приказ. Он не решался приказывать Ханту. При таком взрывном характере, как у Аталара, вспышка гнева превращала отряды противников в дымящиеся головешки. Даже уменьшенная в десять раз, магия Ханта была опасной.

Хант кивнул, выражая согласие:

– Сабина, вам нужно подняться наверх и подписать документы. – Хант выдохнул, напоминая себе, что Сабина потеряла единственную дочь. – Если вам нужно побыть одной, вас проводят. Но подписать бумаги все равно необходимо.

– Плевать мне на ваши бумаги! Я теперь и так одна! Если понадобится, распните эту суку, но заставьте ее сознаться.

С этими словами Сабина плюнула Ханту под ноги.

Язык Исайи обволокло эфиром. Хант холодно посмотрел на Сабину. Так он смотрел на своих противников перед сражением. Выживших обычно не оставалось.

Похоже, Сабина вспомнила это, поскольку благоразумно выскочила в коридор. Она согнула руку и четырьмя невероятно острыми когтями, появившимися вместо пальцев, полоснула по металлической двери.

Хант улыбнулся, глядя ей вслед. Цель отмечена. Не сегодня и даже не завтра, но в отдаленном будущем...

А еще считалось, будто оборотни лучше ладят с ангелами, чем с фэйцами.

– У нас есть записи видеокамер из «Белого ворона», подтверждающие ваше пребывание там, – все тем же мягким

негромким голосом говорила Виктория. – Есть также записи вашего возвращения домой.

Брайс не реагировала.

Весь Лунатион был нашпигован камерами, имевшими высокое разрешение и чувствительные микрофоны, но Брайс жила в старом доме. Видеокамеры в коридорах и на лестнице не ремонтировались десятки лет. Теперь домовладельцу придется отвечать за нарушение закона. Его скардность практически застопорила расследование. Удалось получить лишь короткую аудиозапись домашних камер. Их микрофоны еще работали. Однако ничего значимого прослушивание этой записи не дало. Все телефоны Стаи Дьяволов были сломаны при нападении. Никто не успел послать даже короткого сообщения.

– Но у нас нет никаких записей о происшедшем в вашей квартире, – продолжала Виктория. – Брайс, вы можете мне что-нибудь рассказать?

Медленно, словно она только сейчас вернулась в свое истерзанное тело, Брайс повернула свои янтарные глаза к Виктории.

– У нее есть семья? – резко спросил Хант.

– Мать и отчим живут в одном из горных городков на севере. Оба – паломники, – сказал Исая. – Сведений о биологическом отце не значится, или же он отказался признать отцовство. Естественно, это фэец, причем занимающий высокое положение, если выхлопотал ей статус полноправной

гражданки.

Большинство полукровок, рожденных человеческими матерями, получали статус перегринов. И хотя Брайс кое-что перепало от красоты и изящества фэйцев, ее лицо было чисто человеческим: кожа, словно припорошенная золотистой пылью, веснушки вокруг носа, высокие скулы, полные губы. А вот шелковистость винно-красных волос и заостренные уши были чисто фэйскими.

– Родителям сообщили?

Исайя провел рукой по своим густым каштановым волосам. Его подняли звонком в два часа ночи. Буквально через минуту он покинул казарму, поспешив сюда, и теперь начал ощущать последствия недосыпа. Скоро начнет светать.

– С матерью случилась истерика. Без конца допытывалась, почему напали на квартиру Брайс и не стоит ли за этим Филип Бриггс. Она видела в новостях, что его освободили вследствие процессуальной ошибки, и считала случившееся его мезьей. Сейчас за ними вылетает патрульный самолет 31-го легиона. Где-то через час они уже будут на пути сюда.

Из динамика доносился ровный голос Виктории, не оставившей попыток вызвать Брайс на разговор:

– Вы можете описать существо, атаковавшее ваших друзей?

Взгляд Брайс вновь стал отсутствующим.

Уличные камеры сумели запечатлеть демона, но изображение было размытым, поскольку демон двигался быстрее

ветра и ухитрялся держаться подальше от объективов камер. Что за тварь уничтожила Стаю Дьяволов, определить так и не удалось. Не помогли даже обширные познания Ханта. Размытое сероватое пятно – это все, что они имели. Замедленное воспроизведение ничего не давало. Зато камеры добросовестно запечатлели босую Брайс Куинлан, несущуюся в погоню.

– Девчонка не готова давать показания, – выдохнул Хант. – Мы понапрасну теряем время.

– Я только не понимаю, почему Сабина так сильно ненавидит Брайс. Почему считает ее виновницей случившегося?

Хант не ответил. Исая указал на две папки, лежавшие у края стола:

– Взгляни на досье Куинлан. До вчерашнего вечера за нею числилось только одно правонарушение: неподобающее поведение во время парада в честь Дня летнего солнцестояния. Резвилась у стены, показывала неприличные жесты, за что ее и арестовали. Ночь провела в отделении, на следующий день заплатила штраф и потом месяц ходила на общественные работы, после чего запись была изъята из постоянного досье.

Исая мог поклясться: на губах Ханта появилось подобие улыбки.

Потом Исая постучал мозолистым пальцем по второй папке, которая была намного толще первой:

– Это только первая часть досье Даники Фендир. Всего их

семь. Начинается с мелких краж в десятилетнем возрасте. Продолжается по нарастающей до самого совершеннолетия, наступившего пять лет назад. Потом все выкрутасы, как по волшебству, прекращаются. Если хочешь знать мое мнение, это она сбивала Брайс с пути истинного и тащила вниз. А потом Брайс, возможно, пыталась вытащить Данику из ямы.

– И при этом нанюхалась столько «искателя света», что до сих пор удивляюсь, как она не скопытилась, – сказал Хант. – Сдается мне, она развлекалась не одна. Был ли с нею кто-то из подруг?

– Две. Юнипера Андромеда. Это фавна, солистка городского балета, и... – Исайя пролистал страницы досье и пробормотал молитву. – И Фьюри Акстар.

Услышав имя наемницы, Хант негромко выругался.

Фьюри Акстар имела лицензию на убийство в полудюжине стран, включая и эту.

– Так Фьюри вчера вечером развлекалась вместе с Куинлан? – спросил Хант.

Они не раз пересекались с наемницей и убедились: от нее лучше держаться как можно дальше. Микай даже приказывал Ханту убрать ее. Дважды.

Но у нее имелось более чем достаточно высоких покровителей. Некоторые из них, если верить слухам, заседали в Имперском сенате. Конечно, Умбра Мортис мог бы превратить Фьюри Акстар в поджаренный ломтик. Однако Микай оба раза отменял приказ, сознавая несоразмерность достигнутой

цели и лавины последствий.

– Да, Фьюри была в клубе вместе с нею, – ответил Исая.

Хант нахмурился. Виктория наклонилась к Брайс, делая очередную попытку поговорить с нею:

– Мы стараемся найти того, кто это сделал. Вы можете сообщить нам хоть что-то?

Перед призраком сидела пустая оболочка.

Виктория умела говорить обворожительным голосом, слыша который многие подпадали под ее обаяние.

– Брайс, я хочу вам помочь. Я хочу найти виновника. Найти и наказать.

Виктория достала телефон и положила его экраном вверх. В комнате, где находились Исая и Хант, на небольшом экране появилось изображение. Оба смотрели то на призрака, то на экран, где появлялись сообщения.

– Эти данные мы скачали с вашего телефона. Вы можете дать пояснения?

Фрагмент линолеумного пола раздвинулся, и оттуда появился небольшой экран. На нем воспроизводились те же сообщения, что сейчас читали Исая и Хант.

Первое было от Брайс: «Вечернее утыкание в телеэкран – занятие для щенят. Приходи поиграть со взрослыми суками».

Затем последовало короткое и не слишком четкое видео. Кто-то захлеб хохотал. Брайс, бросив телефон с включенной камерой на стол, склонилась над полоской белого по-

рошка (это был «искатель света») и с наслаждением вдыхала своим веснушчатым носом. Она звонко смеялась и бурлила эмоциями. Нынешняя Брайс напоминала труп, посаженный на стул.

– Зажигай, Даника-а-а! – кричала в камеру веселящаяся Брайс.

Письменный ответ Даники был вполне ожидаемым. Исайя несколько раз издали видел ее на официальных приемах. По сложившемуся у него мнению, она умела создавать неприятности везде, где появлялась.

«НЕНАВИЖУ ТЕБЯ ДО ЖУТИ. НЕ СМЕЙ ВМАЗЫВАТЬСЯ „ИСКАТЕЛЕМ СВЕТА“ БЕЗ МЕНЯ, ДРЯНЬ!»

И в самом деле «принцесса сборищ».

Через двадцать минут Брайс ответила подруге: «Я только что в туалете трахнулась с одним типом. Не говори Коннору».

Брайс не реагировала. Виктория с каменным лицом и невозмутимостью призрака читала ей вслух сообщения.

«И как, понравилось?» – спросила Даника.

«Немного притупила хотюченьсть».

– Это к делу не относится, – пробормотал Хант. – Надо сообщить Виктории.

– Нам приказано.

– Плевать на приказы! Куинлан на грани срыва, и еще неизвестно, чем он кончится.

Затем Брайс перестала отвечать на сообщения, но Дани-

ка продолжала их слать. Одно за другим. И так – два часа подряд.

«Наши посиделки кончились. Девки, где вы?»

«Почему не отвечаешь на звонки? Сейчас Фьюри позвоню».

«Где эта ДОЛБАНАЯ Фьюри?»

«Юнипера не таскает телефон с собой. С нею и заморачиваться не буду. Где ты?»

«Припереться к тебе в клуб? Стая сваливает через десять минут. Больше не трахайся с незнакомцами в сортире, поскольку мы закатимся вместе с Коннором».

«БРААААЙС! Надеюсь, 1000 уведомлений тебя разозлят».

«Торн предлагает мне больше не слать сообщений. В ответ я послала его. Пусть не лезет не в свое дело».

«Коннор говорит, тебе пора повзрослеть и перестать торчать на сомнительной дури, как последняя лузерша. Я ему сказала, что вряд ли позволю такому чопорному, праведному придурку, как он, идти на свидание с тобой. Ему это не понравилось».

«Сваливаем через пять минут. До скорой встречи, членососка. Зажигай, пока нас нет».

Брайс, не мигая, смотрела на экран, отсвет которого делал ее исцарапанное лицо мертвенно-бледным.

– Камеры в вашем доме почти все сломаны, но у одной еще работала функция записи. Воспроизвести запись? – спо-

койным тоном спросила Виктория.

Из динамиков донеслось приглушенное рычание, затем крики. Коридорная камера, естественно, улавливала лишь самые громкие звуки, доносившиеся из квартиры. И вдруг прорвался чем-то неистовый волчий рев (по-другому не скажешь), повторявший одно слово:

– Пощади! Пощади!

Слова оборвались. Запись продолжалась.

Даника Фендир кричала. Судя по звукам, ее отбросили, она ударилась о мебель, что-то опрокинулось. Запись продолжалась.

Крики не утихали. Секундные паузы были вызваны неполадками в работе камеры. Приглушенное рычание и хрип делались все неистовее. Даника молила о пощаде, всхлипывая, плача и крича.

– Выключить! – распорядился Хант, выходя из комнаты. – Немедленно выключить!

Исайя не успел его остановить. Раньше чем он успел выйти в коридор, Хант уже стремительно распахнул дверь комнаты для допросов.

Но голос Даники продолжал звучать из потолочных динамиков. Запись делала секундные паузы, и снова воздух сотрясался от криков и мольбы о пощаде. Данику раздирали на куски и заживо пожирали.

Молчание убийцы было столь же леденящим кровь, как отчаянные крики Даники.

Виктория обернулась на звук хлопнувшей двери. Лицо вбежавшего Ханта было перекошено от ярости. Крылья за спиной гневно трепетали. Воистину Тень Смерти.

Исайя почувствовал во рту привкус эфира. На кончиках пальцев Ханта извивались молнии.

Аудиозапись продолжалась, наполняя комнату приглушенными, слабеющими криками Даники.

Ступор Брайс сменился взрывом.

Исайя успел окружить стеной ветра себя и Вик. Хант сделал то же самое. Вскочив со стула, Брайс ухватилась за ножку стола и швырнула его в Викторию. Стена ветра частично погасила удар: стол перелетел через голову Вик и ударился в шпионское окно. (Со стороны комнаты допросов оно выглядело обыкновенным зеркалом.)

Расправившись со столом, Брайс запустила в стену стулом, на котором сидела. Удар был такой силы, что стул сплющило.

Потом ее начало выворачивать. Брайс заблевала весь пол. Если бы не стена, возведенная Исайей, туфли Виктории, стоявшие абсурдно дорого, оказались бы испорчены.

Наконец аудиозапись оборвалась. Скорее всего, камера уже не оправилась после очередного сбоя.

Брайс тяжело дышала, глядя на то, что исторг ее желудок. Потом рухнула на колени, и ее снова начало выворачивать. Брайс нагнулась к полу. Концы ее волос погрузились в зловонную массу.

Полуфэйка почти не обладала магической силой. То, что она сделала со столом и стулом... было чисто физическим действием. Взрывом гнева. Даже самые спокойные и сдержанные фэйцы были подвержены припадкам необузданной ярости и не могли совладать с собой.

Хант спокойно приблизился к ней, стараясь не задеть крыльями зловонную жижу.

– Привет, – сказал он, опускаясь на корточки.

Хант потянулся к ее плечу, но опустил руку. Многие ли видели, чтобы руки Умбры Мортиса тянулись к ним без губительных намерений?

– Впечатляет, – усмехнулся Хант, указывая на изуродованные стол и стул.

Брайс наклонилась еще ниже, до боли вцепившись себе в плечи побелевшими пальцами.

– Я хочу домой, – прохрипела она.

Глаза Ханта сверкнули, но он промолчал. Виктория, хмуро косясь на учиненный разгром и лужу блевотины, выскользнула искать уборщиков.

– Мы никак не можем вас отпустить, – сказал Исая. – Ваша квартира – место чудовищного преступления.

Сколько ни наводи там порядок, любой ванир сразу почувствует: здесь произошло массовое убийство.

– Вам небезопасно туда возвращаться, пока мы не узнаем, кто и почему устроил бойню в вашей квартире, – добавил он.

– С-сабина уже... – выдохнула Брайс.

– Да, – как можно мягче ответил Исая. – Все, кто был близко связан с Даникой, уведомлены.

А через несколько часов об этом узнает весь мир.

– Мы можем отвести вас в другое помещение, где есть кровать и душ. Можем найти вам что-то из одежды.

Платье Брайс висело лоскутами, выставляя напоказ почти все, что было под ним. Разрыв на спине обнажал часть затейливого узора татуировки. Шлюхи Мясного Рынка и те одевались скромнее.

В кармане Исаяи зажужжал телефон. Звонила Наоми. Голос у капитана пехотного отделения 33-го легиона звучал напряженно:

– Отпустите девчонку. Немедленно. Выведите ее из нашего здания, и пусть никто не садится ей на хвост. Особенно Хант.

– Это почему? Губернатор отдал нам совсем другой приказ.

– Мне позвонили, – сообщила Наоми. – Сам Рунн-долбанный-Данаан. Был вне себя, что мы притащили ее сюда, не уведомив Дом Неба и Дыхания. Орал что-то насчет фэйской юрисдикции и прочей лабуды. Так что приказ губернатора придется нарушить. Он потом нас отблагодарит за избавление от лишней головной боли. А девчонку отпускайте. Пусть фэйцы обеспечивают ей сопровождение, если им это нужно. Дальше нас это волновать не должно.

Хант, слышавший разговор, смотрел на Брайс Куинлан

спокойным, оценивающим взглядом. Будучи одной из триариев, Наоми Бореас подчинялась непосредственно Микаю. Они не имели права требовать от нее объяснений. Но отменить прямой приказ губернатора из-за шума, поднятого фэйцами...

– Исайя, время дорого, – сказала Наоми. – Выполняйте. И отключилась.

Фэйские уши Брайс подразумевали острый слух, но в остекленевших глазах не было ни намека, что она слышала разговор.

– Вы свободны, – сказал ей Исайя, убирая телефон.

Ноги на удивление крепко держали Брайс. Даже повязка не мешала. Босые ступни были перепачканы кровью и грязью. Одно это заставило Ханта сказать:

– Мы позовем медведю.

Брайс не удостоила его ответом. Прихрамывая, она вышла из кабинета. Хант смотрел на дверь и слушал, как замирает шлепанье босых ног в коридоре.

Долгое время они с Исайей молчали.

– Куда Наоми определила Бриггса? – спросил Хант, выпрямляясь.

Исайя не успел ответить. В коридоре вновь послышались шаги, и это была уже не Брайс.

Даже здесь, в одном из безопаснейших мест города, Исайя и Хант всегда держали оружие при себе. Поэтому первый скрестил руки на груди, чтобы в случае чего вытащить пи-

столет из внутреннего кармана пиджака, а второй опустил, поскольку возле бедра у него был спрятан нож с черной рукояткой.

В помещение для допросов стремительно вошел темно-волосый фэец. В нижней губе болталось серебряное кольцо. Иссиня-черные длинные волосы с одного бока были коротко острижены. Кожаная куртка с подвернутыми рукавами обнажала узор татуировок на руках. Но даже весь этот антураж не мог скрыть наследия династии, к которой он принадлежал.

Рунн Данаан, наследный принц вальбаранских фэйцев. Сын Короля Осени и нынешний обладатель Звездного Меча – легендарного черного меча древних Звезднорожденных фэйцев. Принц имел статус Избранного. Это производило впечатление на фэйцев, но никак не на Исайю и Ханта.

Сейчас меч был прикреплен к спине принца. Казалось, черный эфес втягивает в себя яркий свет плафонов перво-света. Исайя где-то слышал, что меч был выкован из метеоритного иридия в другом мире, где фэйцы жили прежде, чем совершить бросок через Северный Разлом и оказаться на Мидгарде.

Глаза Рунна напоминали два синих пламени, хотя сам он не владел огненной магией. Казалось бы, странно – огненная магия была распространена среди вальбаранских фэйцев. Однако магическими способностями Рунн пошел не в отца. Его магия была такой же, как у фэйцев, населявших

остров Аваллен. Он умел вызывать тени и туман, набрасывая покров не только на физический мир, но и на разум. Ходили слухи, что он владеет телепатией.

Руन्न покосился на лужу блевотины, почувствовал женский запах и спросил:

– Куда вы ее дели?

Хант застыл. Его бесил холодный приказной тон принца.

– Брайс Куинлан освобождена, – ответил Исая. – Несколько минут назад она отправилась наверх.

Должно быть, Руन्न воспользовался служебным входом, иначе бы не разминулся с Брайс. Дежурные ничего не знали о его появлении. Возможно, он применил магию теней и прошел незамеченным.

Принц повернулся, готовясь уйти.

– А тебе-то что до этой Куинлан? – все-таки спросил Хант.

– Она моя родственница, придурок. Мы заботимся о своих.

Значит, дальняя родственница, поскольку у Короля Осени не было родных братьев и сестер. Меж тем принц хорошо знал Брайс, если вмешался.

– Где ты был минувшим вечером? – с усмешкой спросил Хант.

– Пошел ты, Аталар! – огрызнулся Руन्न. – Полагаю, ты слышал, что мы с Даникой присутствовали на встрече с правителями города, где решался вопрос об освобождении Бриггса. Ты успел меня в подозреваемые записать? Отлич-

ная работа!

Слова Рунна становились все язвительнее.

– Если бы я хотел убить Данику, я бы обошелся без гребаных демонов. Кстати, где Бриггс? Хочу с ним поговорить.

– Ждем с минуты на минуту, – ответил Хант, продолжая улыбаться. Молнии по-прежнему плясали у него на костяшках запястья. – И первый выстрел в него принадлежит не тебе, принц. Деньги и влияние твоего отца не всесильны.

Ханта не волновало, что Рунн возглавлял фэйское подразделение Вспомогательных сил и был подготовлен не хуже их собственных элитных бойцов. Да и меч за спиной Данаана не являлся чисто декоративной реликвией.

Хант терпеть не мог всех этих выскочек королевской крови и их закостеневшие иерархии.

– Говорливый ты нынче, Аталар, – сказал Рунн. – Посмотрим, куда тебя заведут твои речи.

– Уже трясусь от страха.

Исайя кашлянул. Испепеляющий Солас, не хватало только потасовки между его триарием и фэйским принцем.

– Вы, случайно, не знаете, были ли у госпожи Куинлан какие-нибудь... странности в поведении накануне убийства или...

– Хозяин «Ворона» мне сообщил, что она была изрядно пьяна и успела нанюхаться «искателя света», – раздраженно перебил его Рунн. – Но такое случается с ней каждую неделю. По меньшей мере один раз.

– А зачем она налегает на выпивку и наркотики? – спросил Исая.

– Она делает то, что хочет, – неохотно ответил Рунн. – Всегда такой была.

Чувствовалось, за этими словами скрывается целая история, причем невеселая.

– Насколько вы близки? – спросил Хант.

– Если тебя интересует, трахаюсь ли я с нею, – вскипел Рунн, – представь себе, нет. Я же сказал – она моя родственница.

– Дальняя родственница, – заметил Хант. – Я слышал, фэйцы очень заботятся о чистоте своей крови.

Рунн выдержал его взгляд. Хант продолжал улыбаться. Помещение наполнилось эфиром – предвестником бури. Исая ощущал ее кожей.

Не пора ли вмешаться, прежде чем Рунн попытается захватить Ханту по зубам, а Хант превратит принца в кучу дымящихся костей?

– Принц, мы спрашиваем не из праздного любопытства. Мы стараемся наилучшим образом выполнять то, что нам поручили.

– Если бы ваши крылатые придурки надлежащим образом следили за Бриггсом, возможно, сегодняшней трагедии удалось бы избежать.

Серые крылья Ханта слегка разошлись. Обычная поза ма-лакима перед поединком. А эти темные глаза... глаза вои-

на, вызывавшего страх. Глаза Падшего ангела. На полях сражений он один косил врагов десятками. Он убивал по приказу архангела, не задавая вопросов, и делал это настолько успешно, что его прозвали Тенью Смерти.

– Выбери выражения, – сказал Хант.

– Держитесь от Брайс подальше! – прорычал Рунн и стремительно вышел.

Вероятно, поспешил догонять свою родственницу. Так что провожатый Брайс обеспечен.

Хант выглянул в коридор:

– Когда Куинлан доставили сюда, ей дали воды. В воде была капсула слежения. Каков срок действия капсулы?

– Три дня, – ответил Исая.

– Даника Фендир была одной из сильнейших ванирок города, – задумчиво сказал Хант, водя рукой по ножнам. – И это еще без Нырка. А в конце она молила о пощаде, как слабая человеческая женщина.

Сабина не оправится от позора, если узнает.

– Демонов, которые убивают подобным образом, я не встречал, – продолжал Хант. – И с такой легкостью исчезают. Я не нашел никаких следов, будто он вернулся прямо в Хел.

– Если за всем этим стоит Бриггс, мы скоро узнаем, какую тварь он вызвал.

Если Бриггс вообще заговорит. Когда его схватили в лаборатории, где он готовил бомбы, он не проронил ни слова, невзирая на все усилия дознавателей 33-го легиона и их кол-

лег из Вспомогательных сил.

– Я отправлю максимально возможное число патрульных. Пусть приглядывают за другими молодыми стаями во Вспомогательных силах, – продолжал Исая. – Если окажется, что демон никак не связан с Бригтсом, атака на Стаю Дьяволов могла быть началом серии таких нападений.

– А если мы найдем демона? – мрачно спросил Хант.

– Тогда, Хант, постарайся, чтобы на этом его пакости кончились.

– Что будет с Брайс Куинлан, когда капсула наблюдения перестанет действовать?

Исая покосился на мебель, которая после общения с Брайс годилась только в утилизатор.

– Если она не дура, то уйдет на дно и до конца жизни не будет привлекать внимание других бессмертных существ.

Брайс стояла перед высокими воротами из слоновой кости. Черные ступени, тянущиеся вдоль туманного берега Костяного Квартала, впивались ей в колени. За спиной серым зеркалом блестела река Истрос, тихая, как всегда в предрассветный час. Такая же тихая, какой стала она сама: опустошенная и потерянная.

Вокруг клубился туман, скрывая все, кроме обсидиановых ступенек, на которых она стояла, и резных костяных ворот, высящихся над головой. Единственной спутницей Брайс была гнилая черная лодка за спиной. Причальной тумбы не было, и она прикрепила древнюю заплесневелую веревку прямо к ступеням. Брайс внесла необходимую плату, поэтому лодка будет дожидаться, пока она не закончит. Пока не скажет все, что необходимо сказать.

Мир живых отодвинулся. Туман плотно скрывал шпили и небоскребы. В нем тонули сигналы машин, голоса и прочие звуки. Брайс пришла сюда с пустыми руками, не взяв ни одного предмета того мира. Среди жнецов и мертвых они не имели никакой ценности.

Брайс была даже рада оставить их, особенно телефон, изрыгавший волны гнева и ненависти.

Последнее голосовое сообщение Итана пришло час назад, выбив ее из ступора бессонницы. Все шесть ночей Брайс не

спала, глядя на темный потолок гостиничного номера, где жила вместе с матерью. Она не отвечала ни на один звонок и сообщение.

Слова Итана застряли у нее в мозгу. Брайс пошла в ванную и там прослушала его сообщение:

«Не приходи сегодня на Отплытие. Тебя там не ждут».

Брайс снова и снова прослушивала две короткие фразы. Первые слова, откликавшиеся эхом в ее умолкнувшем разуме.

Они с матерью лежали в одной постели. Тихо, чтобы не разбудить Эмбер, Брайс встала, быстро оделась и выскользнула из номера. Она спустилась на служебном лифте, вышла в неприметный переулок, где не было камер. Все шесть дней Брайс просидела в номере, тупо разглядывая цветастые обои. И теперь, на седьмой день... Только ради этого и стоило выходить, заставляя тело двигаться, а язык – произносить слова.

Отплытие Даники начнется рано утром. За ним последуют Отплытия остальных членов стаи. Брайс там не будет. Даже без запрета со стороны волков она бы этого не выдержала. Смотреть, как черную лодку с останками Даники отгалкивают от причала. А дальше душе ее подруги предстоит суд, где будет решаться, достойна ли она вступить в пределы священного острова.

Здесь была только тишина. Тишина и туман.

Может, смерть и состоит из тишины и тумана?

Брайс провела языком по сухим, растрескавшимся губам. Она не помнила, когда в последний раз что-то пила или ела. Матери лишь иногда удавалось уговорить ее сделать несколько глотков воды.

Из нее ушел весь свет. Точнее, его потушили.

С таким же успехом она могла сейчас смотреть внутрь себя. Темнота. Тишина. Туман.

Брайс подняла голову и взглянула на узор костяных ворот, высеченных из бивней давным-давно исчезнувшего морского зверя. Если верить легендам, он водился где-то в северных морях. Туман стал гуще. Заметно похолодало. Эти признаки возвещали появление чего-то древнего и ужасного.

Брайс оставалась на коленях, со склоненной головой.

Ее не ждали на Отплытии. И потому она пришла сюда, чтобы проститься с Даникой. Отдать подруге последний долг.

Появилось существо, обитавшее в тумане, и даже река за спиной Брайс содрогнулась.

Брайс открыла глаза и медленно подняла голову.

Часть II

Ров

8

Прошел год и десять месяцев

Брайс Куинлан вывалилась из туалета в «Белом вороне». Оборотень львиной породы тыкался мордой ей в шею, а его широкие руки крепко держали ее за талию. С ним у Брайс был лучший секс, если брать последние три месяца. Может, и за более продолжительный срок. Не исключено, что они встретятся еще.

Наверное, вначале стоило бы узнать его имя. Или не стоило; у них и без имени получилось. А сейчас ей вообще не до имен, поскольку у нее в баре для разных шишек назначена встреча... Хел! Ей надо спешить.

Ритм музыки отдавался у Брайс в костях, отражался от резных колонн. Она не отвечала на эти призывы. Так продолжалось каждый день без малого два года.

– Давай потанцуем, – прогремел ей в ухо золотогривый лев.

Он схватил Брайс за руку, намереваясь утащить в битком набитое танцевальное пространство клуба. Древние камен-

ные плиты пола гудели от музыки.

Брайс упиралась, насколько это позволяли ее туфли на четырехдюймовых каблуках.

– Нет, спасибо. У меня деловая встреча.

Не вранье, но отцепить льва нужно было в любом случае.

Уголки его рта разочарованно опустились. Он смотрел на вызывающе короткое черное платье Брайс и длинные голые ноги, совсем недавно обвивавшие его талию. Да поможет ей Урда, скулы у этого парня были бесподобными. Как и золотистые, удивленно сощурившиеся глаза.

– Ты ходишь на деловые встречи в таком виде?

Да, она ходила, когда клиенты ее начальницы требовали встречу на нейтральной территории, вроде «Ворона», опасаясь камер и заклинаний, существовавших в галерее у Джезибы.

Брайс ни за что не пошла бы сюда по собственному выбору. Она и прежде забредала в клуб крайне редко. Сегодня она пришла пораньше и коротала время в обычном баре, попивая газированную воду. (Бар для важных персон располагался на подиуме.) И вдруг появился этот золотогривый лев с подкупающей улыбкой и широкими плечами. Брайс требовалось сбросить нараставшее внутреннее напряжение, и потому, едва успев допить газировку, она сама потащила парня в туалет. Лев был только рад удовлетворить ее желание.

– Спасибо за скачку, – сказала она льву.

«Как ты сам говоришь, я не знаю и знать не хочу».

Лев далеко не сразу понял, что насчет деловой встречи она не врет. Его загорелые щеки покраснели.

– Я не могу тебе заплатить, – смущенно выпалил он.

Ошеломление Брайс длилось недолго. Она запрокинула голову и рассмеялась.

Нет, это просто замечательно: парень принял ее за одну из шлюх, работающих у Ризо. Владелец «Ворона» называл это священной проституцией. Поскольку клуб возник на руинах древнего храма наслаждений, Ризо считал себя обязанным продолжать традиции.

– Считай это бонусом заведения, – проворковала Брайс и, потрепав льва по щеке, повернулась к сверкающему золотистыми оттенками подиуму под потолком клуба.

Она не позволила себе взглянуть на знакомый закуток между двумя обветшалыми колоннами. Не хватило духу посмотреть на тех, кто сидел там нынче. Явно не Юнипера. Фавна была настолько занята, что лишь иногда выкраивала время на совместный завтрак с Брайс. И уж конечно, не Фьюри, не желавшая отвечать на ее звонки и сообщения и вообще не появлявшаяся в городе.

Ни к чему ей сейчас такие мысли. Брайс расправила плечи и пошла к золотистой лестнице.

Наверху, у самого входа на подиум, стояли оборотни-ягуары, охраняя покой важных посетителей бара. Они отодвинули черный бархатный канат и пропустили Брайс. Вдоль барной стойки из чистого золота стояло два десятка стеклянных

табуретов. Занятых – одна треть. Все посетители – ваниры разных Домов. Людей здесь не было... если не считать полукровку Брайс.

Ее клиент был уже на месте, расположившись в дальнем конце бара. Темный костюм обтягивал крупное тело. Длинные черные волосы, отброшенные назад, открывали лицо с резкими чертами и темно-фиолетовые глаза.

Итак, Максимус Терциан, двухсотлетний вампир, никогда не состоявший в браке и не имевший пары. Сын господина Кедриана – богатейшего из пангеранских вампиров и, если верить слухам, самого чудовищного. Терциан-старший был известен тем, что имел обыкновение наполнять ванну своего холодного горного замка-крепости кровью человеческих девственниц и купаться в их молодости...

«Не очень-то ободряет», – подумала Брайс, приклеивая на лицо улыбку.

Она уселась на соседний табурет и заказала у бармена стакан газированной воды.

– Это я, господин Терциан, – вместо приветствия произнесла Брайс и протянула вампиру руку.

Улыбка вампира была настолько гладкой и безупречной, что женщины, ловившиеся на эту улыбку и готовые ему отдаться, исчислялись тысячами.

– Здравствуйте, госпожа Куинлан, – промурлыкал Максимус, целуя ей руку. Его губы задержались дольше положенного, отчего Брайс захотелось отдернуть руку. – Рад удоволь-

ствию познакомиться с вами, так сказать, во плоти.

Его глаза скользнули по шее Брайс и уперлись в глубокий вырез платья.

– Хотя галерея вашей хозяйки и полна произведений искусства, истинный шедевр – вы.

«Подавись ты своими комплиментами!»

Брайс опустила голову, заставив себя улыбнуться:

– Эти слова вы говорите всем девушкам.

– Нет. Только тем, от которых слюнки текут.

Слабо завуалированное предложение: если она хочет, их вечер кончится подобным образом: он всласть оттрахает Брайс и насосется ее крови. Брайс не сочла нужным сообщить ему, что жгучую сексуальную потребность, не дававшую ей покоя, она уже удовлетворила, но без кровососания. Свою кровь она предпочитала оставить там, где эта жидкость и должна находиться.

Брайс достала из сумочки узкий кожаный вкладыш – точную копию вкладышей «Ворона», куда помещались счета для самых богатых и изысканных посетителей.

– Ваша выпивка за мой счет, – с улыбкой сообщила она, пододвигая вкладыш Максимусу.

Максимус вчитался в документ, подтверждавший его покупку и законное владение бюстом какого-то древнего предводителя вампиров. Бюст, вырезанный из оникса, был изготовлен пять тысяч лет назад. Имени предводителя в архивах не сохранилось. Эта сделка была для Брайс настоящим

триумфом. Она неделями рассылала сообщения потенциальным покупателям, намекая на возможность купить уникальный артефакт и опередить конкурентов. Так она вышла на Максимуса. Начались бесконечные телефонные переговоры и обмен сообщениями. Брайс умело играла на его ненависти к другим представителям вампирской знати, хрупком эго и невыносимом высокомерии.

Брайс с трудом подавляла улыбку, глядя, как Максимус (ни в коем случае не Макс) читает пункты документа. Чтобы не мешать ему (иллюзия уединенности), она отвернулась и стала рассматривать толпу посетителей внизу.

Возле колонны танцевала стайка молодых женщин. Их головы украшали пульсирующие обручи первосвета. Они пели и смеялись, передавая по кругу бутылку искрящегося вина.

От их вида Брайс сдавило грудь. Когда-то она собиралась отпраздновать в «Вороне» свой Нырок. Хотела вести себя раскованнее этих женщин. Веселье должно было начаться сразу после Выныривания и продолжаться до тех пор, пока она не отрубится от выпитого или ее не вышвырнут из клуба.

Если честно, все тогдашние мысли Брайс и были устремлены на торжество. Так поступало большинство совершавших Нырок, стараясь не думать об ужасах, сопряженных с ритуалом.

Но ритуал был необходим, поскольку энергетическая структура первосвета получала энергию от чистого, без малейших примесей, света, который испускал каждый ванир в

момент Нырка. Только во время Нырка появлялась вспышка первосвета: чистая, незамутненная магия, способная исцелять, разрушать и делать еще очень многое в промежутке между этими крайними точками.

Самая первая фракция первосвета, уловленная и помещенная в особый сосуд, всегда использовалась для нужд исцеления. Остальные передавались энергетическим станциям, поддерживали работу транспорта, а также всех машин и приборов. Какая-то часть шла на заклинания, и, наконец, еще одна – на разные темные цели, о которых Республика не распространялась.

Главным элементом Нырка было «отдача» первосвета каждым гражданином. Отчасти это служило причиной, почему Нырок всегда совершался в правительственном центре: в стерильном помещении, которое и поглощало свет совершающего Нырок – переход в бессмертие и обретение истинной силы. Все прослеживалось элевзианской системой, способной через колебания вибраций мировой магии увидеть каждый момент. Близкие родственники иногда следили за Нырком из соседнего помещения, где все стадии показывались на экране.

Сам Нырок был легкой частью ритуала. По сути, выполняющий его падал в глубины собственной силы. Но едва прыгнувший достигал дна, его смертное тело прекращало существование и начинался обратный отсчет.

На возвращение к жизни отводились считанные минуты.

Требовалось успеть раньше, чем мозг окончательно погибнет от нехватки кислорода. Шесть коротких минут, чтобы успеть пробежаться по психической взлетной полосе и в отчаянном, неистовом броске взмыть вверх, навстречу жизни. В случае неудачи ныряющему предстояло соскользнуть в бездонную черную яму, где ждала смерть.

Поэтому кто-то непременно должен был выполнять роль Якоря: служить маяком, спасительным канатом, способным вытащить совершившего Нырок, когда тот оторвется от взлетной полосы. Нырок без Якоря был равносител самубийству. Прыгнувший достигал самого дна своей силы, и там его сердце переставало биться. Никто не знал, продолжала ли душа жить в том сумрачном мире, терялась ли в неведомых глубинах или умирала вместе с телом.

Чаще всего Якорями служили родители, братья и сестры или же надежные друзья. Словом, те, кто не оставит тебя на произвол судьбы. Иногда Якорем становился правительственный служащий, который обладал необходимыми навыками и в случае неправильных действий отвечал по закону. Иные утверждали, что эти шесть минут являлись Поиском – временем, когда ты мог заглянуть в самые потаенные глубины своей души. Но исчерпавший лимит времени терял всякую надежду выжить.

И только после Выныривания, после возвращения в жизнь обреталось бессмертие. Правильнее сказать, процесс старения замораживался и тело становилось почти неподдающим-

ся разрушению. Вернувшийся был залит ярчайшим первосветом, по-настоящему ослепляющим и небезопасным для глаз, если их не прикрыть. Затем глянцевые панели центра принимали и отводили первосвет. Совершившему Нырок оставалась на память капелька первосвета в бутылочке. Такой вот приятный сувенир.

Нынче, когда торжества вроде того, что происходило внизу, отличались буйством и неистовством, «новобессмертные» обычно тратили запас первосвета на подарки друзьям. Брайс намеревалась одарить подруг светящимися обручами и цепочками для ключей с переливчатой надписью: «Поцелуй мою сияющую задницу!» Даника хотела ограничиться светящимися стаканчиками для выпивки.

Вспомнив о Данике, Брайс поспешила затолкать поглубже свою давнюю душевную боль. Как оказалось, вовремя: завершив чтение, Максимус убрал документ во вкладыш и шумно застегнул молнию. Из кармана он достал аналогичный вкладыш и подвинул к Брайс. Передано было небрежно, словно он отодвигал от себя обертку жвачки. Но от суммы чека у Брайс закружилась голова. Она снова улыбнулась. Правда, в глубине души грызло сожаление, что она не получит ни марки комиссионных. Ни с этой сделки, ни со всех прочих в галерее Джезибы. Те деньги уходили в ином направлении.

– Приятно иметь с вами дело, господин Терциан.

Вот и все. Сделка завершена. Пора возвращаться домой, где она заляжет в постель, а Сиринкс устроится в ногах. Луч-

шего способа отпраздновать успех она нынче не знала.

Но на вкладыш легла бледная, сильная рука.

– Вы что же, собираетесь уйти? Так рано? – На лице Максимуса вновь появилась улыбка. – Для столь прелестного создания, как вы, было бы недопустимо уйти сейчас, когда я собираюсь заказать бутылку «Серата».

Игристое вино, производимое на юге Вальбары, стоило не менее ста золотых марок бутылка. Это позволяло придуркам вроде Терциана мнить, что им по карману общество любой женщины.

Брайс подмигнула и попыталась вытащить вкладыш из-под вампирской руки:

– Отчего же, господин Терциан? Для столь прелестного существа, как я, вполне допустимо уйти, оставив вас наедине с «Сератом».

Его рука не выпускала вкладыш.

– За сумму, которую я отвалил вашей начальнице, я склонен думать, что мне положены некие бонусы.

Это что же, в течение десяти минут ее дважды приняли за шлюху? Рекорд! Брайс не испытывала отвращения к древнейшей профессии. К проституткам она относилась с уважением, порою – с состраданием. Но когда ее саму отождествляют с проституткой... такое может привести к нежелательным последствиям. И тем не менее у Брайс хватило выдержки сказать:

– Все гораздо прозаичнее: меня ждет еще одна деловая

встреча.

Рука Максимуса скользнула к ее запястью и обвила достаточно крепко, чтобы показать: он способен усилием мысли переломать ей каждую кость на руке.

В животе Брайс возникло отвратительное чувство пустоты. (Совсем не той пустоты, когда она бывала голодна.) Ей уже приходилось сталкиваться с вампирами и с существами похуже.

– Отпустите мою руку... пожалуйста.

Последнее слово она добавила ради Джезибы, чтобы требование хотя бы внешне звучало вежливо. На один раз ее хватит.

Но Максимус уже разглядывал ее тело с откровенной похотью бессмертного самца, привыкшего вести себя так не один век.

– Некоторым нравится, когда добыча устраивает игру. Дескать, меня так просто не возьмешь. – Он снова улыбнулся Брайс. – Я – из таких. Вы же знаете, я охотно поиграю... до поры до времени.

Брайс выдержала его взгляд, ненавидя таившееся в глубине души желание отпрянуть. Отчасти она признавала в нем хищника, а в себе – добычу. Возможно, ей повезет, если она сумеет убежать раньше, чем ее съедят живьем.

– Нет, благодарю вас.

В баре для важных персон установилась особая тишина. Верный признак того, что сюда направляется более крупный

и опасный хищник. Отлично. Возможно, это отвлечет вампира, а она сумеет высвободить свою руку и завладеть вкладышем с чеком. Если она явится без чека, Джебизба шкуру с нее спустит.

Взгляд Максимуса и в самом деле переместился ко входу в бар. Но его рука еще сильнее сжала руку Брайс. Это заставило и ее обратить внимание на вошедшего.

По бару шел темноволосый фэец и смотрел прямо на нее. Брайс закусил губы, чтобы не застонать. Естественно, совсем не так, как она стонала в туалете, с оборотнем.

Фэец продолжал в упор смотреть на Брайс. Верхняя губа Максимуса поднялась, обнажив удлиненные клыки, которые он жаждал вогнать в тело Брайс.

– Вы – моя! – прорычал Максимус.

Звуки были настолько утробными и звериными, что Брайс едва поняла.

Она шумно выдохнула. Фэец уселся на свободный табурет и заказал выпивку серебристovolосому сиффу-бармену.

– Это мой родственник, – сказала Брайс. – Так что расслабьтесь.

– Что-о? – оторопело заморгал вампир.

От удивления его хватка ослабла. Брайс тут же выдернула руку и убрала в сумочку вкладыш с чеком. Фэйское наследие здорово помогало ей быстро двигаться. В таких ситуациях, как сейчас, быстрота была спасительной. Уходя, Брайс через плечо бросила вампиру:

– Для вашего сведения: я не общаюсь с собственнически и агрессивно настроенными мужчинами.

Максимум опять что-то прорычал, но он знал, кем является «родственник» Брайс, и пойти за ней не решился.

Пусть мир и считает их дальними родственниками, никто в здравом уме не станет домогаться родни Рунна Данаана.

Знай они, что Рунн – ее брат... точнее, сводный брат, во-круг Брайс вообще не крутился бы ни один мужчина. К счастью, окружающие считали Рунна ее дальним родственником, и Брайс такое положение вещей вполне устраивало. Не только из-за личности их отца и тайны, хранить которую она поклялась еще подростком. И не потому, что Рунн был законным ребенком, этим чертовым Избранным, а она – нет.

Рунн уже потягивал что-то крепкое. Взгляд его пронзительных синих глаз не отрывался от Максимуса, обещающая смерть.

Отчасти Брайс хотелось, чтобы братец проучил Максимуса и тот, поджав хвост, помчался в отцовский замок ужасов. Но она ухлопала на сделку столько сил, она сумела заставить вампирского идиота заплатить почти на треть больше реальной стоимости бюста. А ведь Максимусу достаточно позвонить своему банкиру – и чек в ее сумочке превратится в никчемную бумажку.

И потому Брайс подошла к Рунну, переключив внимание с вампира на себя.

Ее брат был в черной футболке и темно-серых джинсах.

То и другое не скрывало выпирающих фэйских мышц, на которые сейчас беззастенчиво пялились посетители бара. Короткие рукава не мешали любоваться и красочнейшей татуировкой на руках, способной вывести из себя отца Рунна. Другими выводящими из себя деталями были несколько колечек, продетых в одно заостренное фэйское ухо, и прическа. Если с одного бока волосы достигали талии, второй был выбрит. Ну просто эталон сыновнего неповиновения, всем своим видом заявляющий: «А пошел ты, папочка!»

Но все это не мешало Рунну оставаться фэйцем, который был старше Брайс на целых пятьдесят лет и постоянно давил на нее, если ей случалось где-то наткнуться на него или его друзей. Порою Брайс умела обходить их стороной. Порою нет.

– Так-так-так, – сказала Брайс, кивком поблагодарив бармена за новый стакан газированной воды.

Она сделала глоток, позволяя пузырькам углекислого газа вымыть назойливое послевкусие оборотня-льва и вампирского придурка.

– Смотрите-ка, кто решил завязать с чопорными музыкальными клубами и начал тусоваться с крутыми ребятами. Похоже, Избранный наконец-то осовременился.

– Я постоянно забываю, насколько ты докучлива, – вместо приветствия ответил Рунн. – И вообще-то, тебя это не касается. Между прочим, я сюда не тусоваться пришел.

Брайс внимательно оглядела брата. Сегодня при нем не

было Звездного Меча. Если не считать красноречивого внешнего вида, никаких особых признаков, что Луна или генетика подвигла Рунна вести фэйский народ к новым высотам. Но Брайс не помнила, когда они в последний раз говорили серьезно. Возможно, Рунн потихонечку вернулся к истокам. Не ахти какая радость, если учесть, сколько дерьма он наворотил, когда уходил, точнее, выламывался из истоков.

– Ты пришел испортить мне вечер? – спросила Брайс. – Или есть другая причина?

– А тебе, как вижу, все еще нравится играть в шлюшку-секретаршу.

Избалованный паршивец. Трудно верилось, что несколько лет подряд они с Рунном были лучшими друзьями. «Динамическим дуэтом» против Мерзавца № 1 (он же их отец). Давняя история; во многом их отношения изменились стараниями Рунна.

Брайс обвела глазами веселящуюся толпу внизу, выскивая двух дружков Рунна, таскавших с ним повсюду. Оба – те еще занозы.

– Как ты вообще сюда прошел? – спросила она.

Чтобы попасть в «Ворон», даже фэйский принц должен был постоять в очереди. Однажды Брайс искренне наслаждалась, глядя, как напыщенных фэйских придурков завернули на входе.

– Ризо – мой приятель, – сказал Рунн. – По вторникам мы с ним играем в покер.

Ничего удивительного. Рунн нашел способ подружиться с владельцем клуба. Ризо относился к редкой породе оборотней, способных превращаться в бабочку. Невысокий, щупленький. Но все это с лихвой восполнялось обаянием его личности. Вечно смеющийся, он буквально порхал по клубу и над головами танцующих, вбирая их веселье, как драгоценный нектар. Ризо весьма придиричиво относился к своему ближнему окружению, однако ему нравилось собирать вокруг себя разнообразных интересных личностей. Делал он это развлечения ради. Брайс и Даника так и не удостоились приглашения во внутренний круг, а вот Фьюри почти наверняка туда входила. Скверно, что Фьюри не желала откликаться на звонки Брайс. Можно было бы спросить.

В этот момент Максимус встал и направился к лестнице. Чувствовалось, он раздосадован. Рунн посмотрел ему вслед и оскалил зубы:

– Мне позвонил Ризо и сообщил, что ты здесь. С этой поганой липучкой.

– Как ты сказал? – изменившимся тоном спросила Брайс.

Она сильно сомневалась, что дипломатичный владелец клуба мог употребить такое выражение. Скорее всего, сообщение Ризо звучало так: «С нею некто, способный погасить танцы». В понимании Ризо, это был аналог Хела.

– Ризо не пошел на риск и не приказал вытолкнуть Терциана взащей. Он подумал, что этот мерзавец вообразил, будто ему все можно, и потому тебе нужна помощь... Неужто

ты не знаешь, что вытворляет папочка Терциана? – спросил Рунн, и глаза брата хищно вспыхнули.

Брайс улыбнулась. Как всегда, одними губами. Ее глаза давно уже не улыбались и не смеялись.

– Знаю, – непринужденным тоном ответила она.

Рунн недовольно покачал головой. Брайс потянулась за стаканом, тщательно контролируя каждое движение, иначе вода выплеснулась бы брату в физиономию.

– А не пора ли тебе домой? – спросил Рунн. – Сегодня будний день. Если не ошибаюсь, часов через шесть тебе нужно быть на работе.

– Спасибо, заботливая мамаша, – огрызнулась Брайс.

Добраться домой, стянуть с себя лифчик – фантастическая перспектива. Опять она припозднилась, опять все тело липкое от пота. Опять тупая усталость, но будет ли результат? Может, сегодня она всерьез измоталась и сумеет уснуть.

Однако Рунн даже не шевельнулся.

– Давай, посланец, говори, – вздохнула Брайс. – Слушаю.

Это было еще одной причиной, заставившей Рунна прийти сюда. Вечной причиной, учитывая их родителя.

– Король Осени требует, чтобы ты залегла на дно, – сказал Рунн, отхлебывая из стакана. – До Встречи на высшем уровне чуть больше месяца, а потому всем непредсказуемым личностям лучше не высовываться.

– Какое отношение Встреча имеет ко мне? – удивилась Брайс.

Такие Встречи (их всегда писали с большой буквы) происходили раз в десять лет. Правящие кланы Вальбары собирались, обсуждая насущные дела и вырабатывая очередной политический курс сообразно новейшим распоряжениям астериев. Каждая территория Республики проводила свою Встречу, поэтому они происходили ежегодно. Брайс до них не было ни малейшего дела.

– Королю Осени необходимо, чтобы все, имеющие отношение к фэйскому народу, вели себя образцово. По слухам, астерии отправляют сюда несколько их любимых руководителей. Ему нужно, чтобы все мы были паиньками: добропорядочными, послушными и так далее. Скажу тебе честно, Брайс, мне на это глубоко нас... Просто мне велели передать тебе: до конца Встречи изволь обойтись без приключений.

– Это значит – воздерживаться от шокирующих поступков?

– По сути, да, – ответил брат, делая новый глоток. – Обрати внимание: накануне Встреч разная шушера всегда вылезает на поверхность и пытается что-то замутировать. Поэтому будь осторожна. Усекла? Кое-кто любым способом постарается заявить о себе и своих планах. Так что проявляй бдительность.

– Не знала, что папочка друг озаботился моей безопасностью.

Прежде их отца это почему-то не волновало.

– Он и не озаботился, – признался Рунн. Серебряное коль-

цо в нижней губе подрагивало в такт словам. – Но я его заставлю.

Синие глаза Рунна наполнились гневом, но предметом его была не сестра. Рунн еще не уступил общепринятым правилам. Не приобрел тщеславного величия, свойственного Избранным.

– И давно ли он с тобой считается? – Брайс сделала очередной глоток.

– Брайс, послушай. Просьба невелика: держись подальше от беды. На всех фронтах. Уж не знаю почему, но эта Встреча для него важна. Помимо всей лабуды о примерном поведении, он был сильно на взводе. Едва сдерживался. – Рунн вздохнул. – Таким нервным я его уже года два не видел. С тех пор...

Рунн опомнился и замолчал, но Брайс поняла, о чем речь. С тех пор как Даника, Коннор и другие...

Стакан в ее руках треснул.

– Спокойнее, – шепнул Рунн. – Расслабься.

Брайс было не разжать рук, не унять перевозванной ярости, бурлившей внутри и требующей выхода...

Тяжелый хрустальный стакан разлетелся вдребезги. Недопитая вода потекла по золотой поверхности стойки. Бармен встрепенулся, но тут же взял себя в руки. Никто из посетителей не решался глазеть на случившееся. На наследного принца вальбаранских фэйцев вообще лучше не смотреть. Спокойнее будет.

Руун взял лицо сестры в ладони.

– Дыши глубоко, – велел он.

Жуткая, бесполезная фэйская сторона ее личности подчинилась. Вопреки всем попыткам Брайс вести себя независимо, тело последовало укорененным инстинктам.

Она сделала вдох, затем другой. Получилось шумно и судорожно. Однако с каждым вдохом ослепляющий гнев утихал, уходил, как морской отлив.

Руун не спускал с нее глаз, пока она не перестала рычать и глаза не обрели привычное выражение. Тогда он убрал ладонь и сам сделал глубокий вдох.

– Брайс, я же только что говорил...

Она встала на шаткие ноги, поправила ремень сумочки, убедившись, что чек Максимуса по-прежнему лежит внутри.

– Послание принято. Я лягу на дно и до самой Встречи буду пай-девочкой.

Руун нахмурился и со своей неизменной фэйской элегантностью слез с табурета:

– Я провожу тебя домой.

– Не трать на меня время.

Брайс почти никого не пускала в свою квартиру. Да и квартира была не ее, но об этом она не распространялась. В ее жилище бывали только мать, Рандалл и иногда Юнипера, когда выбиралась из балетной студии. Остальные туда не допускались. Квартира была святилищем Брайс, и ей не хотелось осквернять стены фэйскими запахами.

Но Рунн не обратил внимания на ее отказ.

– А где твой плащ? – спросил он, оглядывая бар.

– Я пришла без плаща, – сквозь зубы ответила Брайс.

– Это же ранняя весна.

Брайс прошла мимо, жалея, что на ногах у нее эти жуткие туфли, а не сапоги.

– Тогда я не напрасно утеплилась «алкогольным свитерком».

Вранье. Она почти два года не притрагивалась к спиртному. Рунн этого не знал. Остальные тоже.

– Строптивости тебе не занимать, – сказал Рунн, двинувшись следом. – Хорошо еще, что тебя хватило на образование и денежки за обучение не ухнули в яму.

– Представь себе, – бросила ему Брайс, направляясь к лестнице. – Да, я училась, на что нужны мозги и терпение. Не сидела вроде некоторых дома, на гряде папочкиных денег, и не резалась в видеоигры с придурочными друзьями.

Рунн зарычал, однако Брайс уже была на середине лестницы. Вскоре она спустилась на первый этаж и, проталкиваясь сквозь толпу танцующих, оказалась во внутреннем дворе со стеклянной крышей и сохранившимися древними стенами по бокам. Вот и громадные железные входные двери. Брайс не стала замедлять ход и проверять, тащится ли за ней брат. У дверей стояли двое вышибал. Оба полукровки: волк и демонак. Брайс помахала им на прощание. Вышибалы тоже помахали.

Брайс хорошо их знала. Хорошие ребята. Раньше, когда у нее случался изрядный перебор, они всегда заботливо усаживали ее в такси. И водитель знал, что его ждет, если он не доставит свою пассажирку домой в целости и сохранности.

Она прошла квартал, прежде чем учуяла нагоняющего ее Рунна. Это была буря, следовавшая за нею. Он не приближался вплотную – незачем, чтобы их видели вместе, – но держался довольно близко, давая ей почувствовать его запах вместе с его раздражением.

По крайней мере ни один хищник к ней не сунется.

Вестибюль дома, где жила Брайс, представлял собой изящное сочетание мрамора и стекла. За столом консьержа дежурил Маррин – оборотень, превращавшийся в медведя. Махнув ей, он открыл стеклянные двери. Брайс проскользнула внутрь и только там, приложив ладонь к стеклу, оглянулась. Рунн стоял, прислонившись к черному фонарному столбу. На прощание он насмешливо помахал сестре и исчез.

Брайс пожелала Маррину спокойного дежурства и прошла дальше. Лифт поднял ее на шестой этаж, в пентхаус. Брайс вышла в небольшой коридор с кремовыми стенами. Устало вздохнула. Каблуки ее туфель тонули в густом плюшевом ковре кобальтового цвета. Ковер вел от лифта к дверям двух квартир: ее и соседней. Брайс открыла сумочку. В вазе, стоявшей на столике возле входной двери, мерцал шарик первосвета. Его сияние золотило белую орхидею, что перевешивалась через край вазы.

Брайс открыла дверь: вначале повернула ключ, затем приложила палец к панельке рядом с ручкой. Послышалось шипение замков и тающих заклинаний. Дверь открылась. Брайс вошла в свою темную квартиру. Распылитель струил аромат масла сирени. Сирикс приветственно завыл и потребовал, чтобы его вынули из клетки. Но Брайс просто привалилась к двери.

Ей было противно сознавать, что Рунн никуда не исчез, а торчит на улице возле дома. Долбаный наследный принц, предводитель альфа-придурков с собственническими и агрессивными устремлениями. Стоит и пялится в ее темные окна высотой от пола до потолка, дожидаясь, когда в них появится свет.

Если она немедленно не включит свет, братец через три минуты явится сюда. Маррину хватит мозгов не препятствовать ему. Консьерж не самоубийца, чтобы связываться с Рунном Данааном. Этот фэйский баловень судьбы вообще не знает, что такое закрытые двери.

Однако Брайс не была настроена на словесную баталию. Во всяком случае, сейчас.

Она провела рукой по панели освещения возле двери. Вспыхнувший свет залил светлые полы, мебель, обитую белым плюшем, и такие же белые стены. Все убранство находилось в идеальном состоянии, как и без малого два года назад, когда она впервые здесь оказалась.

Даже снимать такую квартиру Брайс было не по карману,

не то что владеть. Но квартира принадлежала Данике и по дурацкому завещанию перешла к Брайс.

Сиринкс урчал, раскачивая клетку. Еще один альфа-придурок с собственническими и агрессивными замашками. Но этот хотя бы небольшой и пушистый.

Вздыхая, Брайс сбросила туфли, наконец-то сняла лифчик и пошла вытаскивать из клетки свою зверюгу.

– Пощадите...

Кровь, заполнившая рот и ноздри обреченного, почти заглушала его стоны, однако он не оставлял попыток:

– Пощадите.

Кровь капала с меча Ханта Аталара на ковер, уже пропитанный кровью. Хант находился в грязной запущенной квартире одного из таких же грязных домов на Лугах Асфоделя. Кровавые брызги покрывали и забрало его шлема, мешая смотреть на последнего оставшегося в живых. Тот стоял на коленях.

Тела других жертв устилали пол гостиной. У одного, обезглавленного, из обрубка шеи продолжала хлестать кровь. Отрубленная голова лежала на продавленном диване, удивленно пялясь в старые, сплюснутые подушки.

– Я расскажу вам все, – умоляюще всхлипывал обреченный, зажимая рукой рану на плече. – Они вам этого не сказали, а я скажу.

Комната была наполнена густым ужасом обреченного, перебивая даже запах крови. Ужас имел отвратительный запах, сравнимый с вонью застоявшейся мочи в переулке.

Рука Ханта, обтянутая перчаткой, плотнее сжала эфес меча. Увидев это, обреченный затрясся. На брюках появилось и стало расплываться пятно, отличавшееся по цвету от крови.

– Я готов рассказать больше, – взвыл обреченный.

Хант покрепче упер ноги в пол и взмахнул мечом.

На ковер с хлюпающим звуком вывалились кишки обреченного. Но крики продолжались.

Работа Ханта – тоже.

* * *

Возвращения Ханта в казарму, находившуюся в Комитиуме, никто не видел.

В это время суток город хотя бы выглядел спящим. Пять зданий, составляющих Комитиум, тоже спали. Однако камеры наблюдения, которыми были напичканы казармы 33-го легиона, расположенные во второй из пяти высотных башен, видели и слышали все.

В коридорах, выложенных белой плиткой, освещение было тусклым, как и положено ночью. Ни намека на суетливое движение, начинавшееся здесь с рассветом.

Сквозь забрало шлема все рисовалось с мрачноватой рельефностью. Аудиорецепторы ловили каждый звук за дверями спален по обеим сторонам коридора. Двое часовых низшего уровня играли в видеоигру, переругиваясь между собой, но стараясь не повышать голоса. Еще одна женщина, тоже на дежурстве, болтала по телефону. Двое ангелов трахали друг другу мозги. К этим звукам добавлялся храп.

Миновав свою дверь, Хант пошел дальше, держа путь к

общим душевым в центре длинного коридора. Попасть туда можно было только через общую гостиную. Все надежды помыться незамеченным испарились, как только он увидел золотистый свет, просачивающийся из-под закрытых дверей, и услышал голоса.

Он слишком устал и хотел поскорее смыть с себя всю кровь и грязь. Не тратя слов на приветствие, Хант пробрался мимо нескольких диванчиков и стульев к двери душевых.

На истертом зеленом диване, возле телевизора, расположилась Наоми, раскинув свои черные крылья. Рядом с нею, в кресле, устроилась Виктория. Они смотрели ключевые спортивные события минувшего дня. На другом конце дивана сидел Юстиниан, так и не сняв черных легионерских доспехов.

С появлением Ханта разговор стих.

– Привет, – сказала Наоми, чья черная коса покоилась на плече.

На ней была обычная черная одежда триариев, хотя потайные карманы с оружием Наоми прятала умело.

Виктория вполне нормально отнеслась к его молчаливому появлению. Поэтому призрак нравилась Ханту больше, чем остальные воины внутреннего круга Микая Домитуса. Симпатия к ней возникла у него еще с давних дней 18-го легиона. Ваниров неангельских пород, примкнувших к мятежу, было немного. В их число входила и она. Если Хант ничего не рассказывал, Вик никогда не лезла с расспросами. Зато Юстиниан...

Ангел повел носом, почуяв кровь на одежде и оружии Ханта. Юстиниан мгновенно понял: здесь кровь не одного человека, и даже присвистнул:

– Ты хоть знаешь, как от тебя разит?

Хант не остановился. Молнии внутри лишь тихонечко шипели.

– Пистолет сделал бы это куда чище, – не унимался Юстиниан.

– Микай приказал мне обойтись без пистолета.

Хант удивился звуку собственного голоса – столько пустоты было там. Так продолжалось не один век. Ему приказывали – он убивал. Но его сегодняшняя расправа, учитывая тяжесть содеянного его жертвами и силу гнева архангела...

– Они не заслужили пистолета, – поправил себя Хант.

Быстрых ударов его молнии – тоже.

– Я не хочу знать, – проворчала Наоми, прибавив громкость телевизора. Пультom она указала на Юстиниана – самого младшего среди триариев. – И тебе нечего соваться, так что лучше заткнись.

Да, они и в самом деле не хотели знать.

Наоми – единственная из триариев, не участвовавшая в мятеже, сказала Ханту:

– Мне Исайя сообщил, что завтра по приказанию Микая вам обоим нужно поиграть в следователей. Дельце одно появилось в пределах Старой Площади. Подробности он расскажет тебе после завтрака.

Мозг Ханта едва отреагировал на услышанное. Исайя. Завтра. Старая Площадь.

– Удачи тебе, дружище, – усмехнулся Юстиниан, качнув пивной бутылкой. – Ненавижу Старую Площадь. Всех этих университетских говнюков и пронырливых туристов.

Наоми и Виктория что-то буркнули в знак согласия.

Хант не стал допытываться ни почему они торчат здесь, ни где сейчас Исайя, раз тот сам не передал распоряжение Микая. Скорее всего, ангел забавлялся с тем симпатичным парнем, с которым у него роман.

Исайя, будучи командиром 33-го легиона, занимался консолидацией сил обороны Города Полумесяца. Таково было непосредственное распоряжение Микая. Приехав сюда более десяти лет назад, Исайя наслаждался каждой секундой своей жизни в этом городе. Хант, проведя здесь четыре года, не нашел город особо привлекательным. Да, чище и упорядоченнее, чем аналогичные города на Пангере. И улицы прямые. Не то что змеящиеся улочки пангеранских городов, идущие то вперед, то назад, пересекая самих себя. Воплощенные неспешности.

Главное, это не Равилис. И правящий здесь Микай – не Сандриела.

Сандриела. Архангелица, губернатор северо-западного квадранта Пангеры. Она была хозяйкой Ханта, пока Микай не выторговал его, пожелав, чтобы Хант очистил Город Полумесяца от всех врагов. Сандриела, сестра-близнец его воз-

любленной, ныне мертвой.

Согласно официальным документам, в обязанности Ханта входило выслеживание и уничтожение демонов, прорывавшихся в Город Полумесяца. Но, учитывая, что демоны появлялись один-два раза в году, Хант сразу и с предельной ясностью понял, для каких целей его перекупил Микай. Губернатору понадобился личный ассасин. Тем же самым Хант занимался пятьдесят три года подряд у Сандриелы, лицо которой было точной копией лица его возлюбленной.

Чтобы обе сестры (или оба брата) носили титул архангела и обладали одинаковой силой – такое бывало очень редко и считалось добрым знамением... Пока Шахара и Хант, командовавший ее войсками, не восстали против всего, что составляло смысл жизни ангелов. И пока Шахара не предала сестру.

После того как мятежники были разгромлены на горе Хермон и Хант попал в рабство, Сандриела оказалась третьей в числе его хозяев. Двое прежних архангелов не сумели его сломить. Сандриела, превосходившая их самоуверенностью, решила, что ей это удастся. Началось со «зрелища ужасов» в подземной тюрьме. Продолжилось на залитой кровью арене в центре Равилиса, где Хант сражался с воинами и побеждал, так и не увидев ни одного достойного противника. Потом Сандриела стала поручать ему то, что он умел делать лучше всего, – незаметно проникать в дома и лачуги, чтобы обрывать чужие жизни. Одну за одной, год за годом, десяти-

летие за десятилетием.

У Сандриелы имелось достаточно причин, чтобы сломить Ханта. Во время трагически короткой битвы на Хермоне он жестоко расправлялся с ее войсками. Молнии Ханта разили солдат Сандриелы, превращая их в обугленные трупы раньше, чем те успевали выхватить мечи. Сандриела была главной целью Шахары. Хант получил приказ уничтожить Сандриелу любым приемлемым способом.

Желание расправиться с Сандриелой появилось у Шахары не на пустом месте. Титулы архангелиц перешли к ним по наследству от родителей, когда безымянный ассасин оборвал жизни отца и матери, исполосовав тела обоих.

У Шахары была своя версия, которую Хант помнил до сих пор: никакого ассасина не было, а родителей убила Сандриела. Сделала она это ради себя и сестры, дабы обе могли править без вмешательства. Доказательств вины Сандриелы так и не нашлось, однако Шахара до последнего дня не сомневалась в причастности сестры.

Гибель родителей и заставила Шахару – Дневную Звезду – восстать против архангелов и астериев. Ей хотелось видеть мир свободным от закоснелых иерархий. Увенчайся мятеж успехом, Шахара затем двинулась бы на штурм хрустального дворца астериев. Но одновременно она жаждала отомстить сестре за чудовищное злодеяние. И орудием мести стал Хант.

Глупцы. Все они тогда были отъявленными глупцами.

Запоздалое признание собственной глупости ничего не меняло. Сандриела считала главным виновником не Шахару, а Ханта. По ее мнению, это он втянул Шахару в мятеж и заставил пойти против родной сестры. И когда они обе схлестнулись в поединке – настолько одинаковые лицом и фигурой, что казалось, будто кто-то из них сражается со своим отражением... Вот тут Хант действительно был виноват, что поединок кончился гибелью Шахары.

Микай хотя бы дал ему шанс на искупление. Хант должен доказать свое полное повиновение архангелам и империи. За это с него когда-нибудь снимут татуировку раба. Через несколько десятков или сотен лет, но, если учесть, что старейшие ангелы доживали до восьмисот... возможно, к старости он заслужит себе свободу. Быть может, умрет свободным.

Четыре года назад, едва Хант появился в Городе Полумесяца, Микай предложил ему сделку. За каждого ангела, убитого им тогда на горе Хермон, он должен будет убивать тех, на кого укажет губернатор. «Смерть за смерть, – сказал Микай. – И когда, Аталар, ты полностью выплатишь долг, мы поговорим о снятии татуировки с твоего лба».

Хант понятия не имел, скольких он тогда убил. Но у Микая имелся список. Архангел был в тот день на поле сражения и видел, как Шахара пала от руки сестры-близнеца. Платить полагалось за гибель каждого легионера. Увидев число погибших, Хант сразу задался вопросом: как определить,

скольких убил он, а сколько пали от рук других мятежников.

Две тысячи двести семнадцать убитых.

Хант считал, что он один никак не мог положить столько. Да, он обрушивал молнии, испепеляя целые отряды, но чтобы так много?

Видя его недоумение, Микай продолжал: «Ты был генералом Шахары. Ты командовал Восемнадцатым легионом. Тебе, Аталар, и искупать вину. Не только свою, но и вину всех, кто сражался в твоём предательском легионе». Потом Микай решил немного подбодрить нового раба: «Задача не такая уж невыполнимая. Часть поручаемых тебе миссий потребует нескольких убийств. Веди себя правильно, повинуйся – и ты сможешь достичь этого числа».

И все четыре года Хант старался вести себя правильно. Повиновался. Сегодняшняя миссия довела общее число совершённых им убийств до восьмидесяти двух. Долбанных восемьдесят два трупа.

Предложение Микая было лучшим, на что он мог рассчитывать. Никакой другой архангел не дал бы ему шанса на искупление. И потому этой ночью он беспрекословно выполнил очередной приказ Микая. По той же причине мысли Ханта были отодвинуты далеко на периферию сознания. Тела он не ощущал, а в голове слышался тупой гул.

Микай был архангелом и вдобавок губернатором, назначенным астериями. Для ангелов – король и закон в одном лице, особенно в Вальбаре, находящейся очень далеко от се-

ми холмов Вечного Города. Если Микай считал кого-то угрозой или ему требовалось осуществить правосудие, его единоличного решения было достаточно. И никто не прибудет сюда разбираться и проводить расследование.

Микаю было достаточно приказать. Обычно он приказывал Ханту.

Приказы приходили в конвертах, которые Хант доставал из своего казарменного почтового ящика. На конверте красовался имперский герб. Имени адресата никогда не было. Только четыре буквы «С. И Н. М.» в окружении семи звезд.

Внутри конверта лежала папка с указанием необходимых данных: имен, дат, преступлений и срока выполнения работы, в которой Ханту не было равных. Иногда Микай пояснял, каким способом надлежит убить ту или иную жертву.

Сегодняшнее распоряжение было лаконичным: огнестрельное оружие не применять. Хант отлично понимал подтекст подобных распоряжений: «Заставь их хорошенько помучиться». И он заставил.

– Когда выйдешь из душа, тебя будет ждать пиво с твоим именем на бутылке, – сказала Виктория.

Их глаза на мгновение встретились. Ничего особенного, просто непринужденное, холодное приглашение.

Хант молча прошел дальше, толкнув плечом дверь душевой. Внутри вспыхнул первосвет. Открыв ближайшую кабинку, он включил воду, задав максимальный нагрев, а сам прошел к стенке, где в ряд тянулись раковины умывальни-

ков.

Существо, смотревшее на него из зеркала, было похоже на жнеца. Пожалуй, даже хуже.

Весь шлем был забрызган кровью. Кровь попала на лицо серебряного черепа. Она же слабо блестела на мелких кожаных чешуйках доспехов, на черных перчатках и парных мечах за спиной. Отдельные капли попали даже на его серые крылья.

Хант стянул шлем, потом уперся руками в раковину.

Яркое зарево первосвета выпячивало черный терновый венец, вытатуированный на лбу. Кожа вокруг татуировки была бледнее, чем в других местах его лица: не светло-коричневой, а почти белой. Татуировка, с которой он научился жить. Но от взгляда собственных глаз Хант поежился. Остекленевшие. Пустые. Казалось, он смотрит прямо в Хел.

Мать назвала его Орионом, что в переводе с древнего языка означало «охотник». Знай она, кем он станет, вряд ли дала бы сыну такое имя.

От его перчаток на безупречной фарфоровой белизне раковины остались красные пятна.

Хант со свирепой быстротой снял перчатки. Вода в душевой кабине почти достигла температуры кипятка. Он снял оружие, затем доспехи, оставив на белых плитках пола еще несколько кровавых разводов.

Раздевшись окончательно, он встал под беспощадные, обжигающие струи.

Всего десять утра, а вторник уже пошел наперекосяк.

С дежурной улыбкой Брайс стояла возле письменного стола, отделанного железным деревом. Улыбка предназначалась фэйской паре, бродящей по выставочному залу галереи.

Из динамиков, скрытых внутри деревянных панелей высокого, в два этажа, зала, лились нежные звуки скрипки. Увертюра симфонии, которую Брайс включила, едва зажужжал сигнал переговорного устройства. Женщина явилась сюда в клетчатой юбке золотисто-коричневых тонов и белой шелковой блузке. Ее спутник был в строгом сером костюме. Учитывая наряд пары, им бы вряд ли понравилась ритмическая мешанина с обилием басовых, которой Брайс подбадривала себя по утрам.

Осмотр продолжался десять минут. Времени прошло достаточно, чтобы уже можно было вежливо спросить:

– Разрешите узнать: вы ищете что-то определенное или просто осматриваете нашу коллекцию?

Фэец-блондин (выглядел он старше мужчин своего возраста) отмахнулся от вопроса и повел спутницу к ближайшей экспозиции – фрагментам мраморного барельефа из развалин Моры. Их удалось спасти из рухнувшего храма. Фрагмент был величиной с кофейный столик; основное пространство занимала фигура гиппокампа, стоящего на задних но-

гах. Эти существа – наполовину лошади и наполовину рыбы – когда-то водились в лазурных водах Раганского моря на Пангере, но были истреблены во время древних войн.

Чувствуя, что Брайс ждет ответа, фэец холодно выдавил:
– Осматриваем.

Его рука лежала на изящной талии женщины. Оба разглядывали волны, вырезанные с потрясающим обилием деталей.

– Приятного осмотра, – произнесла Брайс, нацепив дружную дежурную улыбку. – Я всегда к вашим услугам.

Женщина кивком поблагодарила ее, а фэец надменно усмехнулся. Спутнице это не понравилось.

Тишина в выставочном зале стала почти осязаемой.

Едва открыв им дверь, Брайс сразу поняла: мужчина привел свою спутницу с целью произвести на нее впечатление покупкой какого-нибудь безумно дорого экспоната или создать видимость, что это ему по карману. Возможно, пара находилась в стадии подготовки к династическому браку и оба прощупывали друг друга, прежде чем предпринять дальнейшие шаги.

Будь Брайс чистокровной фэйкой... правильнее сказать, если бы отец признал ее своей дочерью, возможно, подобные игры ожидали бы и ее. Рунну, особенно учитывая его статус Звезднорожденного, в один прекрасный день придется вступить в династический брак. Это произойдет, когда отыщется молодая женщина, признанная подходящей для продол-

жения драгоценного королевского рода.

Дети у Рунна могли появиться и до этого, но их не признают отпрысками королевской крови, если только Король Осени не согласится на это, сочтя их достойными.

Фэйская пара миновала мозаику из внутреннего двора некогда величественного дворца в Альтиуме, затем остановилась возле яшмового ларца с головоломками, принадлежавшего какой-то принцессе из давно исчезнувшей северной страны.

Большинство древностей было приобретено Джезибой в разных уголках Мидгарда; из-за таких поездок хозяйка редко появлялась в галерее. Но и Брайс от нее не отставала, умело находя, покупая, а затем выгодно перепродавая экспонаты.

Фэйцы подошли к коллекции статуй из Сетмека, изображавших богов и богинь плодородия, когда переговорное устройство вновь зажужжало.

Брайс взглянула на настольные часы. До следующей назначенной встречи было еще целых три часа. Наплыв посетителей – такого галерея практически не знала, учитывая запредельные цены экспонатов. Но может, ей сегодня повезет и она сумеет что-то продать.

– Одну минуту, – пробормотала Брайс, склоняясь над массивным столом, чтобы вывести на компьютер изображение с наружной камеры.

Она едва успела кликнуть по значку, как звонок повто-

рился.

Увидев, кто стоит на тротуаре возле двери, Брайс замерла. Вторник и в самом деле пошел наперекосьяк.

* * *

Это внешне непримечательное двухэтажное здание из песчаника находилось в одном квартале от берега Истроса. Окон оно не имело. Только надпись на бронзовой табличке справа от тяжелой железной двери подтверждала, что Хант Аталар не ошибся адресом.

Название галереи было выгравировано архаичным жирным шрифтом: «Антикварная галерея „Грифон“». Под надписью расположилось изображение нескольких глазающих сов, которые словно подзадоривали посетителей войти. Чуть ниже чернела решеточка переговорного устройства и стилизованная бронзовая кнопка.

Исайя (по обыкновению, он был в костюме и при галстуке) так долго пялился на кнопку и решетку, что Хант не выдержал:

– Ты же сам знаешь, что тут нет никаких заклинаний.

Учитывая личность владелицы, это было весьма странно.

Исайя посмотрел на него и поправил галстук.

– Напрасно я не выпил вторую чашку кофе, – пробормотал он и ткнул пальцем в кнопку.

Из недр галереи донесся приглушенный сигнал вызова.

Ответа не последовало.

Хант внимательно оглядел фасад здания, рассчитывая заметить скрытую камеру. Никаких признаков. Ближайшая к зданию камера торчала на хромированной двери бомбоубежища. До нее было полквартала.

Хант еще раз осмотрел фасад. Чтобы Джебизба Рога не напичкала камерами все пространство внутри и снаружи? Быть такого не может.

Хант решил поискать энергетические поля с помощью молний. Их язычки, почти невидимые на утреннем солнце, запрыгали по тонкому слою заклинаний, покрывавших камень стен, раствор и дверь. Умный, хладнокровный слой, тихо посмеивающийся над любой попыткой проникнуть внутрь.

– Похоже, самой Роги в галерее нет, – заключил Хант.

Исайя вновь нажал кнопку, уже требовательнее. У них были приказы и ограниченное время, поэтому Исайя и без второй чашки кофе находился на взводе.

Возможно, причина такого поведения Исайи была иной. Он вернулся в казарму только в пятом часу утра. Хант воздержался от вопросов. Он лишь слышал, как Наоми и Юстиниан сплетничали в общей гостиной, прикидывая, насколько велики шансы, что Исайя переберется из казармы к своему новому другу.

Хант не стал вмешиваться и говорить, что такого не случится. Исайя и так имел достаточно свободы и подчинял-

ся Микаю лишь из-за щедрой еженедельной зарплаты, которую Микай платил всем триариям. Здесь губернатор нарушал закон, запрещавший платить рабам. Деньги, накапливаемые Исайей, покупали чью-то свободу, равно как Хант, выполняя отвратительные поручения Микая, зарабатывал собственную.

– Может, ее нет на месте, – сказал Исайя, нажав кнопку в третий раз.

– Здесь она, – возразил Хант.

Он чуял ее запах, оставшийся на тротуаре: сирень, мускатный орех и что-то еще, чему он не мог найти название. Что-то похожее на блеск первых звезд, когда только-только стемнело.

Еще через мгновение из решеточки донесся мелодичный женский голос (явно не голос Джезибы):

– Я не заказывала пиццу.

Вопреки своему настроению и неумолимому тиканию внутренних часов Хант усмехнулся.

Исайя пошелестел белыми крыльями, очаровательно улыбнулся и произнес:

– Мы из Тридцать третьего легиона. Нам необходимо видеть Брайс Куинлан.

– Я занята с клиентами, – уже жестче ответил мелодичный голос. – Приходите позже.

Хант не сомневался, что истинный смысл «приходите позже» означал: «Проваливайте отсюда».

Очаровательная улыбка Исаяи сделалась напряженной.

– Госпожа Куинлан, мы по очень важному делу.

Из решетки донеслось низкое гудение. Затем:

– Прошу прощения, но вам придется записаться в очередь. Как насчет встречи... через три недели? Двадцать восьмое апреля у меня свободно. Я запишу вас на полдень.

Что-что, а у этой девки есть яйца. Ханту такое даже понравилось.

Исайя инстинктивно встал пошире. Это была типичная боевая стойка легионера, вбитая им в подсознание с первых дней службы.

– Не трудитесь записывать. Говорить вам с нами придется не в конце апреля, а сейчас.

Ответа не было. Похоже, она вообще отошла от переговорного устройства.

Хант зарычал. Проходивший мимо фавн испуганно припустил по тротуару, цокая изящными копытами.

– Избалованная богемная девица. Чего еще ты от нее ожидал?

– Хант, она вовсе не дурочка, – возразил Исайя.

– Все, что я видел и слышал, предполагает обратное.

Хант помнил досье Брайс, которое читал пару лет назад. Добавив к этому прочитанное сегодня утром плюс снимки, он получил ясное представление о грядущей встрече. Девчонка явно не понимала, что всеми ужимками делает себе только хуже. Вся ее бравада улетучится в первые же секун-

ды, когда они начнут разговор.

– Давай-ка убедимся, действительно ли она занята с клиентами, – сказал Хант, кивнув в сторону двери.

Он пересек улицу и встал возле припаркованной синей машины. Какой-то пьяный уличный художник воспользовался ее капотом как холстом и с помощью аэрозольных баллончиков изобразил (причем очень подробно) здоровенный мужской член с крылышками. Это была издевка над крылатым мечом – эмблемой 33-го легиона. А может, пьяница, сам того не ведая, нарисовал истинный смысл возвышенной эмблемы.

Исайя тоже заметил рисунок и усмехнулся, встав рядом с Хантом.

Прошла минута. Хант стоял как вкопанный, не сводя глаз с железной двери. Сегодня у него имелись дела посерьезнее, чем игры со взбалмошной девицей, но приказ есть приказ. Через пять минут к галерее подкатил сверкающий черный седан. В этот момент железная дверь открылась.

Машина стояла больше, чем многие человеческие семьи зарабатывали за всю жизнь. Водитель-фэец вылез из машины и почти мгновенно оказался по другую сторону, чтобы открыть пассажирскую дверцу. Из галереи вышла фэйская пара. Каждый жест красивой фэйки был исполнен небрежной уверенности, говорившей о привычке к богатой, привилегированной жизни, которую она вела с рождения.

Тонкую шею женщины украшало бриллиантовое ожере-

лье, где каждый бриллиант был величиной с ноготь Ханта. Ожерелье стоило не меньше машины, если не больше. Лицо мужчины, наоборот, было напряженным. Он забрался в машину и захлопнул дверцу раньше, чем это сделал бы вышколенный водитель. А богатая фэйка уже стремительно шагала по улице с телефоном в руке, требуя от того (или той), с кем говорила: «Ради спокойствия Урды, больше никаких свиданий вслепую».

Внимание Ханта вернулось к железной двери, возле которой стояла фигуристая красноволосая девица.

Дождавшись, пока седан скроется за углом, Брайс только теперь позволила себе заметить пару ангелов. Она нагнула голову. Шелковистая масса волос перевесилась через плечо ее белого облегающего платья. Брайс лучезарно улыбнулась, помахала рукой. Маленький золотой амулет на ее шее поймал солнечный луч и вспыхнул.

Широко раскинув серые крылья, Хант пошел прямо на нее. Янтарные глаза Брайс смерили его с ног до головы. Точнее, от татуировки на лбу до носков сапог. Ее улыбка стала еще лучезарнее.

– До встречи через три недели, – весело произнесла Брайс и захлопнула дверь.

Хант был уже на середине улицы и не заметил надвигающейся машины. Водитель успел затормозить. Тормоза заскрежетали, но ему самому хватило ума не закричать, увидев молнии, окружившие кулак Ханта. Этим кулаком Хант

ударил по кнопке переговорного устройства:

– Вот что, Куинлан. Не заставляйте меня понапрасну тратить время.

Исайя пропустил обалдевшего водителя и встал за спиной Ханта, щуря свои карие глаза. Тон Брайс ничуть не изменился:

– Моя начальница не приглашает в свою галерею легионеров. Извините.

Хант с размаху хватил кулаком по железной двери. Удар такой силы сплющивал машины, рушил стены и дробил кости. И это еще без помощи бури, бушевавшей в его жилах. Однако дверь галереи лишь слегка вздрогнула. Молнии Ханта, как мячики, отскочили от ее поверхности.

Что ж, в таком случае он обойдется без угроз. Помимо физических, у него имелись другие, не менее действенные способы давления на противника. И потому, отбросив общие фразы, Хант прорычал в решеточку переговорного устройства:

– Мы здесь по причине убийства!

Исайя вздрогнул и торопливо оглядел улицу и небеса – не слышал ли кто.

Хант скрестил руки на груди и стал ждать.

Железная дверь зашипела, щелкнула и приоткрылась.

«Попал в яблочко», – подумал Хант.

На улице ярко светило солнце, но его зрение мгновенно приспособилось к приглушенному свету внутри галереи. С

первого шага он старался охватить как можно больше подробностей, включая и пути к отступлению.

Полы двухсветного демонстрационного зала утопали в плюшевых коврах цвета сосновой хвои. По краям располагались ниши с мягкой подсветкой экспонатов: фрагментов древних фресок и росписей, ванирских статуй – настолько странных и редких, что Хант не знал, кого они изображают.

Посередине зала стоял громадный письменный стол, облицованный железным деревом. На краешке восседала Брайс Куинлан. Ее белоснежное платье показывало все округлости и изгибы фигуры.

Хант неторопливо улыбнулся, оскалив зубы.

Он ждал, что до нее дойдет, с кем она имеет дело. Ждал, что она съезжится, начнет шарить по стенке стола в поисках тревожной кнопки, вытащит пистолет или придумает еще какой-нибудь невысказанный способ защиты от таких, как он.

Может, она и впрямь была душой, поскольку в ответ тоже улыбнулась, до крайности пересластив улыбку. Ногти, покрытые красным лаком, лениво постукивали по безупречно чистой поверхности стола.

– У вас есть пятнадцать минут.

Хант не стал ей говорить, что их встреча продлится значительно дольше.

Исайя повернулся, намереваясь закрыть дверь, однако Хант знал: дверь уже закрылась. Сама. Разведка легиона сумела собрать достаточно сведений о галерее «Грифон».

Ознакомившись с материалами, Хант узнал много полезного. Например, о дверях. Небольшая дверца в стене, слева от стола, вела наверх, в кабинет Дджезобы Роги. Там имелось внутреннее окно во всю стену, позволявшее видеть всю галерею. А простая железная дверь справа вела на подземный этаж, где было собрано то, о чем легионерам знать не полагалось. Скорее всего, заклинания на обеих дверях были еще мощнее, чем на входной.

Исайя умел страдальчески вздыхать, что он и сделал, посчитав это прелюдией к словам:

– Сегодня, в первом часу ночи, на границе Мясного Рынка произошло убийство. Жертва, как мы полагаем, вам знакома.

Хант внимательно следил за лицом Брайс. Она по-прежнему сидела на краешке стола, но глаза у нее чуть расширились. Ногти перестали выстукивать ленивую дробь. Брайс всего раз моргнула. Вероятнее всего, у нее в голове уже крутился список потенциальных жертв, и в любом случае это не сулило ей ничего хорошего.

– Кто? – только и спросила она.

Ее голос оставался спокойным. Из конического распылителя, стоявшего за компьютером, выплывали облачка дыма, неся ясный, чистый аромат перечной мяты. Ничего удивительного. Брайс принадлежала к числу фанатичных приверженцев ароматерапии. Как и из других, из нее вытянули марки, пообещав, что ароматы цветов и трав сделают ее счастли-

вее, успешнее в постели или помогут вырастить второе полушарие мозга в дополнение к уже имеющемуся.

– Максимус Терциан, – ответил ей Исаяя. – По нашим сведениям, у вас была с ним встреча в «Белом вороне», на подиуме, где у них бар для высокопоставленных посетителей. Через два часа его не стало.

Хант мог поклясться, что Брайс слегка понурила плечи.

– Значит, Максимус Терциан мертв...

Ангелы кивнули.

– И кто это сделал? – Брайс искоса посмотрела на них.

– А вот это мы и пытаемся выяснить, – дипломатично ответил Исаяя.

Хант был наслышан о Терциане-младшем – наглom вампире, не привыкшем встречаться с отказами. Богатый папочка-садист прекрасно научил его изворотливости и всегда вытаскивал из любых, даже самых отвратительных историй. Если не кривить душой, гибель Максимуса ничуть не опечалила Ханта. Одной дрянью на Мидгарде меньше. Но впереди маячила головная боль под названием Терциан-старший. Когда отец узнает, что его любимое чадо убили... Сегодняшняя встреча была лишь началом этой головной боли.

– Не исключено, что вы – последняя, кто видел Максимуса живым, – продолжал Исаяя. – Не смогли бы рассказать о встрече с ним? Нам важна каждая мелочь.

Брайс мельком взглянула на обоих:

– Это вы так высказываете подозрение, не я ли его убила?

– А вы, похоже, не очень-то огорчены гибелью Терциана, – слегка усмехнулся Хант.

Рассерженные янтарные глаза Брайс скользнули по его лицу.

«Надо признать, смотреть она умеет», – подумал он. За такой взгляд мужчины способны на любые сумасбродства.

Когда-то и он творил такие же сумасбродства ради Шахары. Это стоило ему татуировок раба на лбу и запястье. Ханту вдруг сдавило грудь.

– Уверена, кто-то уже рассказал вам, что мы с Максимумом расстались отнюдь не по-дружески. Встреча касалась завершения сделки. Он кое-что приобрел у галереи. Когда деловая часть окончилась, он подумал, что ему... полагается дополнительный бонус в виде интимного общения со мной.

Хант не усомнился в правдивости ее слов. Именно так и привыкли себя вести отец и сын Терцианы. Поведение, которое вполне могло послужить основанием для расправы.

– Я не знала и не желала знать, куда его понесло после «Ворона», – продолжала Брайс. – Если его убили в окрестностях Мясного Рынка, полагаю, он собирался за деньги получить там то, что от меня хотел получить даром.

Резкие, холодные слова.

Лицо Исайи приобрело каменное выражение.

– Вы хотите сказать, что поведение Терциана в вашу последнюю встречу отличалось от того, как он держался раньше?

– Это была первая и единственная встреча. Прежде мы общались лишь по электронной почте и телефону. Но я не особо удивилась. Судя по его телефонным разговорам, я ждала чего-то подобного.

– Почему вы не встретились с ним здесь? – спросил Хант. – Зачем понадобилось устраивать встречу в «Вороне»?

– Ему захотелось окружить нашу встречу ореолом секретности. Он утверждал, что в стенах галереи моя начальница обязательно сделает запись, чего ему не хотелось. Это одна причина. Была и другая. Ему хотелось произвести впечатление на окружающих. Дескать, смотрите, как он проворачивает сделки. Мне пришлось засунуть всю документацию во вкладыш для счетов. В такой же вкладыш Максимус положил и свой чек... Как он погиб? – вдруг спросила Брайс, стойко выдерживая взгляд Ханта.

Вопрос был задан в лоб. Она не улыбнулась и не подмигнула. Эта девчонка привыкла, что ей отвечают на вопросы, подчиняются и вообще относятся к ней всерьез. Ее родителей богачами не назовешь (такой вывод Хант сделал, прочитав досье Брайс), однако ее квартира в пятнадцати кварталах отсюда стоила сумасшедших денег. Или Джезиба щедро ей платила, или Брайс втихаря занималась какими-то делишками, о которых не знало даже бдительное око разведки легиона.

– Мы не вправе разглашать подробности, – вздохнул Исая.

– Увы, мне нечем вам помочь, – покачала головой Брайс. – Мы с Терцианом заключили сделку, затем он начал приставать ко мне, получил отпор и ушел.

Камеры видеонаблюдения и свидетельские показания посетителей «Ворона» это полностью подтверждали. Но ангелы явились сюда совсем не за этим. Их приказ был совсем иным.

– А когда в баре на подиуме появился принц Рунн Данаан? – спросил Исаяя.

– Если вы всё знаете, зачем тогда спрашиваете у меня? И между прочим, вы так и не представились, – добавила Брайс раньше, чем они успели ответить на ее вопрос.

Хант не понимал ни выражения ее лица, ни расслабленного языка ее тела. Их контакт с Брайс оборвался в ту же ночь, когда ее доставили в следственный центр легиона. Тогда никто из них ей не представился. Да и запомнила ли она вообще их лица, пребывая в наркотическом дурмане?

Исаяя выровнял свои ослепительно-белые крылья.

– Я – Исаяя Тибериан, командир Тридцать третьего имперского легиона. А это Хант Аталар, мой...

Исаяя осекся, словно вспомнив, как давно им обоим не требовалось представляться и сообщать свой чин. Хант пришел ему на помощь, сказав:

– Его заместитель.

Если Исаяя и удивился, услышав такие слова, его лицо обаятельного юноши ничего не выдало. Официально Исаяя

был начальником Ханта – как в триарии, так и во всем 33-м легионе, даже если дерьмовщина, которой занимался Хант, делала его ответственным только перед губернатором.

Однако Исаяя никогда не подчеркивал своего старшинства. Помнил, кто был командиром до Падения.

Можно подумать, сейчас это что-то значило.

Значило, поскольку в тот день Исаяя положил на горе Хермон не менее трехсот имперских легионеров. А Хант сейчас отдувался за всех мятежников, в том числе и за него, выплачивая Республике долг чужими жизнями и выполняя условия сделки Микая.

Брайс, конечно же, заметила татуировки на их лбах. Хант внутренне приготовился к язвительному замечанию. Ваниры и даже люди до сих пор любили отпустить какую-нибудь пошлую шуточку насчет «Легиона Падших» и неудавшегося мятежа. Однако Брайс сказала совсем другое:

– Значит, вы расследуете преступления на стороне. Я думала, это территория Вспомогательных сил. Неужели в Тридцать третьем нет дел поважнее, чем играть в полицейских?

Исаяя привык производить неизгладимое впечатление на всех. Увидев, что Брайс не растаяла в лучах его обаяния, он довольно сухо спросил:

– Есть ли у вас те, кто сможет подтвердить ваше перемещение после ухода из «Белого ворона»?

Брайс выдержала взгляд Исаяи. Затем стрельнула глазами

в Ханта. Он до сих пор не мог проникнуть сквозь маску скуки на ее лице. Спрыгнув со стола, она немного приблизилась к ангелам и встала, скрестив руки:

– Только мой консьерж... и Рунн Данаан. Но вы ведь и это знаете.

Хант не представлял, как вообще можно ходить на таких каблучищах. Как можно дышать в столь обтягивающем платье? Загадка. Платье было достаточно длинным и скрывало место шрама, полученного Брайс в ту жуткую ночь около двух лет назад. Или же она заплатила медведье, и та удалила шрам. Судя по тому, что она любила одеваться изысканно и носить короткие платья, шрам явно был удален сразу же.

Тусовочным девицам не нравились шрамы. Шрамы мешали им щеголять в купальных костюмах.

– Вы причисляете Рунна Данаана к своим друзьям? – качнув крыльями, спросил Исайя.

– Он мой дальний родственник, – пожала плечами Брайс. Но весьма заинтересованный дальний родственник, если пару лет назад мигом примчался в следственный центр. И в баре для важных персон он тоже оказался как нельзя вовремя. Если он покровительствовал Куинлан... чем не мотив расправиться с Максимумом? Такую версию не стоит отбрасывать, даже если Рунн и его отец превратят расследование в кошмар.

Брайс язвительно улыбнулась, словно ей в голову пришла та же мысль:

– Можете недурно развлечься, поговорив с ним.

Хант стиснул зубы. Брайс, покачивая бедрами, прошествовала ко входной двери, словно нарочно давая им полюбоваться ее туго обтянутым задом.

– Не торопитесь, госпожа Куинлан, – сказал Исайя.

Тон командира был спокойным, но намекал, что шутить он не намерен.

Хант спрятал улыбку. Ему всегда нравилось смотреть, как Исайя сердится. Естественно, если предметом злости Исайи был кто-то другой.

Куинлан этого еще не знала, а потому, небрежно обернувшись, спросила:

– А почему?

Хант внимательно следил за ее лицом, одновременно слушая, как Исайя преподносит причину их внезапного визита:

– Нас послали не только для расспросов о вашем местонахождении.

– Хотите купить какой-нибудь милый пустычок для губернатора? – спросила Брайс, обведя рукой галерею.

– Какое интересное совпадение, – усмехнулся Хант. – Вы упомянули губернатора. Он, кстати, направляется сюда.

Реакция – неторопливое моргание. И опять ни следа страха.

– Зачем?

– Микай послал нас собрать сведения о вашем местонахождении прошлой ночью. Далее вам следует подготовиться

к разговору, в котором будет участвовать и ваша начальница.

Ханта крайне редко привлекали к расследованиям, и потому приказ изрядно его шокировал. Но, учитывая, что они с Исайей были свидетелями инцидента двухлетней давности, губернатор выбрал их кандидатуры как наиболее подходящие.

– Микай направляется сюда, – повторила Брайс, и у нее дрогнуло горло.

– Он будет здесь через десять минут, – сообщил Исайя и кивком указал на настольный телефон. – Думаю, госпожа Куинлан, самое время позвонить вашей начальнице.

– Зачем? – снова спросила Брайс.

Хант уловил, как изменился ритм ее дыхания. Что ж, пора бросать бомбу.

– Затем, что с Максимусом Терцианом расправились способом, идентичным тому, каким были убиты Даника Фендир и Стая Дьяволов.

То есть остался не «чистенький» труп, а расчлененное, превращенное в месиво тело.

Брайс на мгновение прикрыла глаза.

– Но их... их убил Филип Бриггс. Он вызвал демона, чтобы с ними расправиться. И он находится в тюрьме... Вот уже без малого два года, – уже резче добавила она.

Бриггс находился в месте похуже, чем тюрьма, но это к делу не относится.

– Мы знаем, – ответил Хант, сохраняя бесстрастное лицо.

– Он никак не мог убить Терциана. Разве можно вызвать демона, сидя в тюрьме под постоянным наблюдением? Он...

Она умолкла, нервно сглатывая. Возможно, поняла, зачем Микай спешит в галерею. И тогда, и сейчас после общения с нею люди... нет, ваниры, а теперь и вампир... словом, общавшиеся с нею через несколько часов погибали.

– Вы думаете, это не Бриггс? Думаете, он не убивал Данику и остальных из ее стаи?

– Мы ничего не можем утверждать наверняка, – перебил ее Исая. – Обстоятельства гибели Стаи Дьяволов никогда не раскрывались, поэтому у нас есть все основания полагать, что нынешнее убийство не было подражательным.

– Вы встречались с Сабиной? – сухо спросила Брайс.

– А вы? – поинтересовался Хант.

– Мы с нею стараемся не пересекаться.

Возможно, это было единственным разумным решением, принятым Брайс Куинлан. Хант помнил, каким ядом исходила Сабина, глядя на Брайс через шпионское окно. Мать Даники ничего не забыла. Сабина просто выжидала. События двухлетней давности отодвинулись вдаль, и теперь нелепая безвременная смерть Брайс Куинлан выглядела бы трагической случайностью.

Брайс вернулась к столу, стараясь не приближаться к ангелам. Надо отдать ей должное: ее походка осталась ровной и уверенной. Даже не взглянув на Исая и Ханта, она подняла телефонную трубку.

– Мы обождем снаружи, – предложил Исайя.

Хант хотел было возразить, но Исайя выразительно на него посмотрел.

Ничего. У них с Куинлан еще будет время попкикироваться.

* * *

Брайс сжимала трубку так, что костяшки пальцев побелели. На другом конце линии раздался гудок. Второй. Потом...

– Доброе утро, Брайс.

У Брайс громко стучало сердце, отдаваясь в руках, ногах и животе.

– Сюда явились двое легионеров... – Она сглотнула. – Командир Тридцать третьего легиона и... – Она торопливо выдохнула. – И Умбра Мортис.

Она и без их представления узнала Исайю Тибериана. Он постоянно мелькал в вечерних выпусках новостей и колонках городских сплетен. Обаятельный командир 33-го легиона, которого трудно не узнать.

Узнала она и Ханта Аталара, хотя тот никогда не появлялся на телеэкранах. Все знали, кто такой Хант Аталар. Это имя Брайс слышала с детства, в горном Нидаросе. Рандалл рассказывал ей о своей военной службе на Пангере, о сражениях, в которых участвовал. Упоминая Ханта, он всегда переходил на шепот. Умбра Мортис. Тень Смерти.

Но в те времена легендарный ангел еще не работал на Микая Домитуса. Он подчинялся архангелице Сандриеле, летая в составе ее 45-го легиона. Говорили, он занимается охотой на демонов. И кое-чем похуже.

– Что им понадобилось? – прошипела Джезиба.

Брайс еще крепче сжала трубку:

– Минувшей ночью был убит Максимус Терциан.

– Обжигающий Солас!

– Убит тем же способом, что Даника и ее стая.

Брайс торопливо прогнала туманные картины прошлого, вдыхая светлый, успокаивающий аромат мятных испарений, исходящих из распылителя на столе. Этот дурацкий пластмассовый конус она купила через два месяца после гибели Даники. Расчет был прост: ароматерапия поможет ей коротать рабочее время и разгонять рои мыслей, угрожавших съесть ее изнутри. Под конец недели она купила еще три распылителя, разместив их у себя дома.

– Похоже, Филип Бриггс не убивал Данику, – почти шепотом сообщила Брайс.

Почти два года она упорно цеплялась за эту версию. Трагедия отодвигалась все дальше, а Брайс продолжала верить: еще немного – и следствие найдет доказательство вины Бриггса. Все выглядело достаточно логичным: мятежник хотел отомстить Данике за раскрытие его сообщников и несостоявшийся взрыв в «Белом вороне». За несколько недель до первого ареста его задержали за покупку черной соли, с по-

мощью которой вызывают демонов. Тогда решили, будто он хотел добавить соль в самодельные бомбы, чтобы повысить их убийную силу.

Данику убил демон, явившийся с самого дна – из Ямы. Для вызова этого чудовища требовалась черная соль. Случившееся не могло быть совпадением. Едва освободившись, Бриггс тут же обзавелся черной солью, вызвал демона и напустил тварь на Данику и Стаю Дьяволов. Не ограничившись этими убийствами, демон серьезно покалечил ангела из 33-го легиона, несшего патрульную службу. А демона Бриггс преспокойно отправил обратно. На допросах мятежник отрицал свою причастность и ничего не говорил о породе демона, но факт оставался фактом: почти два года в Городе Полумесяца не слышали о демонах. Бриггс оставался за решеткой. Дело закрыли.

Без малого два года Брайс цеплялась за эти факты. Пусть ее прежний мир распался на куски, виновник случившегося находился за решеткой. Пожизненно, заслужив все ужасы, на какие способны его тюремщики.

Джезиба долго и шумно дышала в трубку. Потом спросила:

– Ангелы тебя в чем-нибудь обвинили?

– Нет. – «Пока нет». – Но сюда направляется губернатор.

Снова пауза. И вопрос:

– Чтобы тебя допросить?

– Надеюсь, что нет. – Брайс предпочитала, чтобы ее тело

оставалось в нынешней конфигурации. – Но он хочет поговорить и с вами.

– Отец Максимуса уже знает о смерти сына?

– Без понятия.

– Мне нужно кое-куда позвонить, – сказала Джезиба, обращая эти слова больше к себе. – И успеть до появления губернатора.

Брайс прекрасно поняла, зачем это надо: чтобы отец Максимуса не нагрязнул в галерею, требуя ответов и обвиняя Брайс в гибели сына. Такого кошмара она бы не выдержала.

– Губернатор появится уже совсем скоро, – сказала Брайс, вытирая липкие ладони о платье.

С внутренней стороны железной двери, ведущей в библиотеку, послышалось деликатное постукивание. Следом раздался шепот Лехабы:

– Биби, у тебя все хорошо?

Брайс зажала рукой микрофон трубки:

– Леле, возвращайся на свой пост.

– Здесь были два ангела?

– Да, – сквозь зубы ответила Брайс. – Спускайся вниз и следи, чтобы Сиринкс не шумел.

Лехаба вздохнула так, что ее вздох был слышен через шесть дюймов железа. Но поскольку огненная спрайта больше не произнесла ни слова, она либо спустилась вниз, либо затаилась и подслушивала. Брайс это не волновало. Главное, чтобы Лехаба и химер вели себя тихо.

– Когда Микай здесь появится? – продолжала сыпать вопросами Джезиба.

– Через восемь минут.

Джезиба задумалась.

– Хорошо.

Брайс удивило, что хозяйка не стала выговаривать себе больше времени, особенно когда погибший был клиентом галереи.

Но даже Джезиба старалась не злить архангела. Или, может, проявила крупицу сочувствия, услышав, что Максимус погиб такой же жуткой смертью, как и Даника. Тогда Джезиба и не подумала хоть как-то поддержать Брайс. Через две недели после гибели Даники она приказала Брайс возвращаться на работу, пригрозив превратить ее в свинью.

– Мне незачем тебе напоминать о мерах предосторожности, – сказала Джезиба.

– Я все проверю и перепроверю.

Брайс об этом уже позаботилась, пока ангелы штурмовали дверь.

– Тогда, Куинлан, ты знаешь, как себя вести и что делать, – сказала Джезиба.

В трубке послышался шелест постельного белья или одежды, а также ворчание двух мужских голосов. Потом запищали короткие гудки.

Шумно выдохнув, Брайс занялась последними приготовлениями.

Архангел появился ровно через семь минут, о чем возвестил звонок.

Успокаивая сбившееся дыхание, Брайс чуть ли не в десятый раз оглядела галерею, убеждаясь, что все находится там, где надо. Нигде ни пылинки, а вся контрабанда надежно спрятана внизу.

Когда Брайс пошла открывать, у нее гудели ноги, старая боль в бедре вгрызалась в кость, но руки оставались спокойными.

Архангел был великолепен. Ужасающе, до неприличия великолепен.

Хант Аталар и Исайя Тибериан стояли у него за спиной, почти столь же великолепные. Исайя вновь одарил Брайс улыбкой, которую явно считал обворожительной. Что же до Ханта, его темные глаза подмечали каждую мелочь.

Брайс склонила голову и почтительно отошла. Ее дурацкие каблукы покачивались, норовя уцепиться за ковер.

– Добро пожаловать, ваша милость. Прошу вас.

Карие глаза Микая Домитуса пожирали Брайс. Его сила давила ей на кожу, убирая воздух из зала и ее легких. Взамен пространство наполнялось ощущениями полуночных бурь, секса и смерти.

– Полагаю, ваша начальница будет общаться с нами по ви-

деосвязи, – сказал архангел, входя в галерею и оставляя позади залитую солнцем улицу.

Долбанный Хел! Что за голос! Шелковый, стальной и каменный одновременно. Такой голос способен довести женщин до оргазма простым нашептыванием непристойных словечек им на ухо.

Но даже если бы он не произнес ни слова, личность губернатора говорила сама за себя каждым движением, каждым вздохом. На планете сейчас было десять архангелов, управлявших территориями Республики. Все они носили титул губернатора и подчинялись только астериям. Магия обычного ангела, считающегося сильным, была способна разрушить дом. Сила архангела – сровнять с землей целый город. Трудно сказать, откуда появлялась эта дополнительная сила, отделявшая архангела от ангела. Иногда она передавалась по наследству; обычно так происходило в династиях, за чистотой крови в которых тщательно следили астерии. Порою – проявлялась в совершенно заурядных семьях.

Брайс плохо знала историю Микая. На уроках, вместо того чтобы слушать нудный рассказ учителя, она с подростковым восторгом глазела на потрясающе красивое, совершенное лицо архангела.

– Госпожа Рога ожидает нашего вызова, – ухитрилась произнести Брайс, стараясь не дышать слишком шумно.

Губернатор прошел мимо, задев своим белоснежным крылом ее голую ключицу. Если бы не два ангела за спиной,

Брайс вздрогнула бы всем телом.

Исайя лишь кивнул, сопровождая Микая к приготовленным стульям у стола. Однако Хант Аталар задержался. Их глаза встретились. Затем он посмотрел на ее ключицу, словно перо Микая оставило там отметину. Ей показалось, что татуированный венец на его лбу потемнел.

И может, ей тоже показалось, что аромат секса, исходящий от архангела, сменился запахом гнили.

Астери и архангелы легко могли бы найти иной способ притушить силу Падших, но они поработили мятежных ангелов с помощью ведьминых заклинаний, вплетенных в узоры татуировки на лбу. Терновые венцы. Издевательский вариант короны. И еще одна рабская татуировка на запястьях: «С. И Н. М.».

Это были начальные буквы слов: «Сенат и народ Мидгарда». Грубейшая и глупейшая ложь. Можно подумать, что сенат – нечто достойное уважения, а не жалкая марионетка правителей. Можно подумать, что сенат принимал хоть какое-то участие в управлении. В такое верили лишь малые дети и глупцы. Каждый, кому хватало извилин, понимал: настоящими правителями Мидгарда были астери. Императоры и императрицы, властвующие так давно, что это назвали вечностью. Когда очередное тело становилось негодным, их гнилые души переходили в новое, чтобы править дальше.

Брайс вытолкнула эти мысли из головы и закрыла входную дверь, едва не задев серые перья Ханта. Черные глаза ангела

предостерегающе сверкнули. В ответ она улыбнулась, передав улыбкой то, что не решилась бы сказать вслух: «Я стеснивалась с существами похуже тебя, Умбра Мортис. Зыркай глазами и рычи, сколько тебе угодно».

Хант моргнул – единственный признак удивления, но Брайс уже повернулась и пошла к столу, стараясь не хромать, хотя боль так и вгрызалась ей в ногу. Она притащила из библиотеки третий стул, отчего нога запротестовала еще сильнее.

Аталар ошибся: она не обращалась к медведьмам для удаления шрама в верхней части бедра. Спасибо, что он не выпирал под платьем. Растирать больное место на виду у непрошенных гостей она не решалась.

– Что желает ваша милость? Кофе? Чай? Чего-нибудь покрепче?

Брайс заранее принесла бутылки с минеральной водой, расставив их по маленьким столикам между стульями.

Архангел занял средний стул. Брайс вежливо улыбнулась ему, и сейчас же его взгляд приклеился к ней. Брайс показала, что ее окутали шелковым покрывалом.

– Благодарю, но мне ничего не нужно, – сказал Микай.

Брайс вопросительно посмотрела на Ханта и Исаяю, усевшихся по обе стороны от архангела.

– Им тоже, – ответил за подчиненных Микай.

«Что ж, как вам угодно». Брайс обошла стол, сунула руку под выступающую кромку столешницы, нажала медную

кнопку и вознесла молитву милосердной Ктоне, чтобы ее голос оставался спокойным. Хотя бы голос, поскольку в мозгу неотступно бурлила мысль: «Бриггс не убивал Данику. Бриггс не убивал Данику. Бриггс не убивал Данику...»

Стенная панель за спиной Брайс отодвинулась, явив взорам большой экран. Вспыхнул индикатор включения. Брайс потянулась к телефону и набрала номер.

Бриггс, конечно же, чудовище, хладнокровно планировавший убийство ни в чем не повинных людей, ванитов, фэйцев. Его место – в тюрьме. Но к убийству Даники он был непричастен.

Убийца Даники по-прежнему разгуливал на свободе.

Джезиба ответила после первого звонка.

– Экран готов? – спросила она.

– Готов и ждет вашего включения.

Брайс ввела в компьютер необходимые коды, стараясь игнорировать плотоядные взгляды Микая. Губернатор смотрел на нее, как на... стейк, поданный ему на съедение. Сырой, еще стонущий стейк.

– Подключаю, – сообщила Брайс.

Через мгновение Джезиба Рога появилась на экране, и они обе повесили трубки.

За спиной колдуньи виднелся роскошный гостиничный номер, оформленный с пангеранским великолепием: стены, облицованные белыми панелями и украшенные позолотой, плюшевые ковры кремового цвета и бледно-розовые портье-

ры. У дальней стены стояла просторная кровать под балдахином, на которой Джезиба вполне могла поместиться в компании двоих мужчин, голоса которых Брайс слышала при первом звонке.

Джезиба развлекалась столь же усердно, как и работала, путешествуя повсюду и выискивая новые экспонаты для галереи. Основных способов добычи было два: посещение археологических раскопок и заигрывание с высокопоставленными клиентами, владевшими древностями.

На подготовку к видеобеседе у Джезибы было менее десяти минут, большую часть которых она потратила на очень важные звонки. И тем не менее перед Микаем и ангелами она предстала в безупречном темно-синем платье свободного покроя, позволяя им любоваться великолепным женским телом. Уши и шею Джезибы украшал речной жемчуг. Ее короткие пепельные волосы красиво смотрелись в золотистом сиянии ламп первосвета: по бокам – короче, на макушке – длиннее. Непринужденность в сочетании с легким шиком. Лицо Джезибы...

Ее лицо было одновременно юным и мудрым, нежным, как у проснувшегося ребенка, и чуточку бедовым. В светло-серых глазах сверкала магия – зовущая и смертельно опасная.

У Брайс не хватало смелости спросить, почему несколько веков назад Джезиба дезертировала из стана ведьм, почему примкнула к Дому Пламени и Тени, возглавляемому Коро-

лем Подземья, и какие его поручения она исполняла. Нынче Джезиба именовала себя колдуньей. Ни в коем случае не ведьмой.

– Доброе утро, Микай, – поздоровалась Джезиба.

Приятный, обезоруживающий голос, совсем не то что у других обитателей Дома Пламени и Тени – грубые хрипы жнецов и вкрадчивые голоса вампиров.

– Здравствуйте, Джезиба, – промурлыкал Микай.

Джезиба слегка улыбнулась, словно уже тысячу раз слышала подобное мурлыканье от тысячи других мужчин.

– При всем удовольствии смотреть на ваше обаятельное лицо я бы все же хотела знать о причинах этой встречи. Если, конечно, вы не использовали дело Даники как предлог, чтобы поговорить с нашей милой Брайс.

«Дело Даники». Хант внимательно наблюдал за нею, но ей удалось сохранить вежливо-бесстрастное лицо. Неужели ангел услышал, как заколотилось ее сердце, и уловил запах вспотевших ладоней?

Но Брайс наградила его скупающим взглядом.

Микай откинулся на спинку стула, скрестил свои длинные ноги и сказал, даже не посмотрев на Брайс:

– Вашей помощнице не откажешь в соблазнительности, однако я намерен говорить о серьезных вещах.

Брайс игнорировала то, как он ее охарактеризовал, игнорировала чувственные нотки в голосе. Значит, она соблазнительная, подобно куску десерта на тарелке. Она привыкла к

подобным фразам, но... Хел бы побрал этих высокомерных ванирских мужчин!

Джезиба изящно взмахнула рукой с серебристыми ногтями, показывая, что вся во внимании.

– Полагаю, мои триарии уже сообщили госпоже Куинлан об убийстве, происшедшем минувшей ночью. Убийство оказалось точной копией убийств Даники Фендир и Стаи Дьяволов, совершенных без малого два года назад.

Брайс замерла, запретив чувствам откликаться на слова Микая. Она тайком глотала успокоительные пары перечной мяты, приплывавшие из распылителя.

– Но они сообщили не все, – продолжал Микай. – Тогдашние убийства и недавнее схожи не только по... методу исполнения. Между ними есть и другая взаимосвязь.

Ангелы едва заметно напряглись. Чувствовалось, такой поворот сюжета и для них оказался полной неожиданностью.

– Вот как? – разыграла удивление Джезиба. – Должна ли я платить за эти сведения?

Воздух галереи потрескивал от мощной, холодной магической силы, однако лицо архангела оставалось непроницаемым.

– Я поделюсь этими сведениями, чтобы мы смогли объединить усилия.

– Для чего? – спросила Джезиба, изящно выгнув светлую бровь.

– Разумеется, для того, чтобы Брайс Куинлан помогла

найти настоящего убийцу.

Брайс застыла как мертвая. Ханта интересовало: знала ли она, что это зримый признак ее фэйского наследия? Никакое самообладание здесь ни при чем. Замирать неподвижно способны только фэйцы.

Ее начальница – колдунья с лицом юной девы – вздохнула: – Неужели уровень компетентности в вашем Тридцать третьем легионе стал настолько низок, что вам всерьез потребовалась помощь моей ассистентки? – Учтивый тон едва ли мог сгладить жесткость вопроса. – Хотя, думается, у меня уже есть ответ. Вы ложно обвинили Филипа Бриггса.

Услышав столь вызывающее заявление, Хант не рискнул улыбнуться. Немногие оставались в живых, говоря подобным образом с Микаем Домитусом, да и с любым другим архангелом тоже.

Он задумался о четырехсотлетней колдунье, занимавшей собой треть экрана. Хант знал расхожие слухи о Джезибе. Говорили, что она подчиняется Королю Подземья и тех, кто ее злит или донимает, превращает в животных. Когда-то она была ведьмой, но по неизвестным причинам покинула свой клан. Вероятно, по очень скверным причинам, если прикнула к Дому Пламени и Тени.

– Я ничего об этом не знаю, – почти шепотом сказала Брайс. – Понятия не имею, кому понадобилось убивать Мак-

симуса Терциана.

Взгляд Джезибы стал резче.

– Знаешь или нет, это значения не имеет. Ты работаешь у меня, а не в Тридцать третьем легионе.

Микай поджал губы. Хант внутренне собрался.

– Джезиба, я только из любезности пригласил вас на встречу. – Карие глаза архангела недовольно сощурились. – Судя по всему, Филип Бриггс непричастен к тем убийствам. Но факт остается фактом: Даника Фендир и Стая Дьяволов накрыли его в лаборатории, где все свидетельствовало о его намерении взорвать самодельную бомбу в ночном клубе «Белый ворон». Случись такое, мы бы имели сотни невинных жертв. И хотя тогда из-за несовершенства законодательства его ненадолго освободили, за эти годы было собрано достаточно доказательств его причастности к более ранним преступлениям. И потому у властей нет оснований освобождать Бриггса. Он останется за решеткой, отбывая срок за упомянутые ранние преступления как главарь ныне бездействующей секты Кереса и организатор мятежей среди людей.

Ханту показалось, что Куинлан облегченно вздохнула. Но Микай еще не закончил свою речь:

– Поскольку Бриггс непричастен к данным преступлениям, печальная реальность такова: настоящий убийца по-прежнему находится в нашем городе и не утратил способности вызвать демона. Забавы ради или из мести – этого мы не знаем. Не стану скрывать: мой Тридцать третий легион

и Вспомогательные силы исчерпали свои возможности. Но через месяц с небольшим – Верховная Встреча. Среди участников найдутся те, кто выставит эти убийства как доказательства моей неспособности контролировать ситуацию в городе, не говоря уже о всей территории Вальбары. Словом, меня обвинят в слабом руководстве.

Вот так. Микай не больно-то заботился о поимке опаснейшего убийцы. Он спасал исключительно свой имидж.

Еще месяц назад Хант вместе с другими триариями начал готовить отряды и подразделения 33-го легиона к Встрече – помпезному, но бессодержательному съезду вальбаранских руководителей, проходящему раз в десятилетие. Правящая толпа соберется, выскажет свое недовольство и претензии. Возможно, будут и гости – несколько таких же придурков с другого берега Хальдренского моря.

Хант еще не бывал на здешних Встречах, зато вдоволь навидался их на Пангере, где правители делали вид, будто обладают свободой воли. Встреча растягивалась на целую неделю. Ваниры спорили и шумели, пока председательствующий архангел не излагал свою точку зрения, которая становилась законом. Вряд ли Микай поведет себя по-иному. Исайя помнил прежнюю Встречу и предупредил Ханта: архангелу и в этот раз захочется поиграть мускулами, продемонстрировав показную мощь 33-го легиона в наземном и воздушном парадах. Естественно, легионеры должны будут нацепить все имперские регалии.

Хант заблаговременно начистил свой золотой нагрудник. Его выворачивало от одной мысли, что придется надевать официальные доспехи с семью звездами герба астериев на груди, под самым сердцем.

Пока Микай говорил, Джезиба разглядывала свои серебряные ногти.

– На грядущей Встрече ожидается что-нибудь интересное и захватывающее? – спросила она.

Чувствовалось, Микая задел легкомысленный тон и сам вопрос.

– Состоится официальное признание новой королевы ведьм.

– Я слышала о кончине Гекубы, – не меняясь в лице, сказала колдунья.

Без намека на горе или злорадство, просто констатируя факт.

Но Куинлан напряглась. Казалось, она вот-вот закричит, требуя, чтобы разговор вернулся к убийству.

– И кое-что еще, – добавил Микай. – Астерии посылают к нам Сандриелу с отчетом сената по конфликту с мятежниками.

На голове Ханта шевельнулся каждый волос. Даже всегда хладнокровный Исайя окаменел.

Сюда явится Сандриела.

– Сандриела прилетит в Комитиум на следующей неделе. По просьбе астериев до начала Встречи она будет моей го-

стью.

Месяц. Это чудовище женского пола целый месяц будет отравлять воздух в Городе Полумесяца.

Джезиба с неподражаемым изяществом наклонила голову. Она не принадлежала к жнецам, однако двигалась, как они.

– И чем же моя помощница должна помочь в отыскании убийцы?

Гнев, неистовство, оцепенение – все это Хант затолкал в дальний угол души. Глубже, еще глубже, пока это известие не превратилось в очередную волну на поверхности черной бурлящей ямы. Он заставил себя сосредоточиться на разговоре, а не на мысли о психопатке, которая вскоре окажется здесь.

Микай вперился глазами в Брайс. Та настолько побледнела, что веснушки на переносице стали похожи на брызги крови.

– Госпожа Куинлан – единственная, кто видел демона, вызванного убийцей.

– А как тот ангел в переулке? – отважилась спросить Брайс.

В лице Микая ничего не изменилось.

– Он ничего не помнит о нападении. Оно было внезапным.

Упреждая вопросы Брайс, Микай поспешил добавить:

– Учитывая деликатный характер расследования, я ре-

шил, что называется, действовать неформальным образом и просить госпожу Куинлан помочь в раскрытии этих убийств, пока они не стали серьезной проблемой.

Иными словами, архангел стремился хорошо выглядеть перед властями. Перед Сандриелой, которая непременно сообщит обо всем астериям и их марионеточному сенату.

Непойманный убийца, что способен вызвать демона, с легкостью убивающего ваниров, как простых смертных? Сандриела с большим удовольствием сообщит об этом астериям. Особенно если происшедшее может стоить Микаю его поста и если она сама не прочь перебраться в Город Полумесяца. Что такое северо-западный квадрант Пангеры по сравнению с Вальбарой? Микай потеряет не только свой пост. Его рабы: Хант, Исая, Юстиниан и многие другие – станут собственностью нового губернатора.

Сандриела ни за что не признает сделку, заключенную Микаем с Хантом.

Микай повернулся к Ханту и, жестоко кривя губы, сказал: – Ты уже догадался, Аталар, кого Сандриела привезет собой.

Хант застыл.

– Поллукс тоже с большой радостью сообщит о своих изысканиях.

Поллукс Антониус, командир триариев Сандриелы. У него было прозвище Маллеус, в переводе с древнего языка означавшее «молот». За глаза его и звали Молотом. По же-

стокости и бессердечности он не уступал Сандриеле, но при этом был отчаянно глуп.

Джезиба кашлянула, привлекая внимание к себе:

– И вы до сих пор не знаете, демон какой породы бесчинствовал на наших улицах?

Она откинулась на спинку стула и недовольно поджала полные губы.

– Нет, – сквозь зубы процедил Микай.

Так оно и было. Даже Хант не смог определить породу, а уж он уничтожил столько демонов, что сбился со счета. Обилие пород делало бесполезными попытки классификации. Демоны различались внешностью и умственными способностями: начиная от кошачье-собачьих гибридов и до человекоподобных принцев-оборотней, правивших семью пределами Хела, каждый из которых был мрачнее и ужаснее предыдущего. Пустое пространство, Ров, Каньон, Ущелье, Пропась, Бездна и самый худший из всех – Яма.

Учитывая скорость и манеру расправы, этот демон наверняка был из Ямы. Возможно, ручная тварь самого Пожирателя Звезд. Только в глубинах Ямы могло появиться существо, никогда не видевшее света и не нуждавшееся в нем.

Ханту было на это плевать. Привык демон к свету или нет, рукотворные молнии все равно превратят злобную тварь в кусок шипящего мяса. Одна быстрая вспышка – и демон поспешит убраться или будет подыхать, корчась от боли.

Сквозь бурю мыслей в голове Ханта донесся голос Брайс:

– Вы говорили, что между теми убийствами и этим есть взаимосвязь помимо... способа расправы.

Микай посмотрел на нее. Надо отдать ей должное: Куинлан не опустила глаз.

– Максимус Терциан и Даника Фендир были друзьями.

Брови Брайс сдвинулись.

– Даника не знала Терциана.

Микай вздохнул и возвел глаза к обшиту деревом потолку:

– Сдается мне, в ее жизни было немало того, о чем она вам не рассказывала.

– Если бы она дружила с Максимусом Терцианом, я бы об этом знала, – гнула свое Брайс.

– Советую быть осторожней в своих утверждениях, госпожа Куинлан, – сказал Микай, магия которого прошелестела по галерее.

Никто не позволял себе подобный тон в разговорах с архангелом – особенно те, чья магическая сила была почти равна нулю. Этого было достаточно, чтобы Хант на время забыл о прибытии Сандриелы и сосредоточился на разговоре.

– Вы не станете отрицать, что были знакомы как с Даникой, так и с Максимусом Терцианом, – продолжал Микай. – И в ночь тех убийств, и в этот раз вы находились в «Белом вороне». Такое сходство... вызывает определенный интерес.

– Вы подозреваете Брайс? – напрямую спросила Джезиба.

– Пока что нет, – холодно ответил Микай. – Но все воз-

можно.

Пальцы Куинлан сжались в кулаки. Костяшки побелели. Сейчас она наверняка сдерживалась, чтобы не плюнуть в лицо архангелу. Но она нашла выход гневу, поменяв тему:

– А что дало расследование убийства других членов Стаи Дьяволов? Может, кто-то из них был целью нападения?

– Мы проверяли эту версию и отбросили как несостоятельную. В фокусе нашего внимания остается только Даника.

– Вы всерьез думаете, что я смогу найти то, чего не смогли найти Вспомогательные силы и Тридцать третий легион? – напряженно спросила Брайс. – Почему бы астериям не отправить сюда кого-то уровня Лани?

Вопрос распространился по залу, как рябь по воде. Высказывая такое желание, Куинлан явно не была тупицей. Джезиба выразительно посмотрела на помощницу, посылая ей молчаливое предостережение.

Упоминание Лидии Сервос – известнейшей в Республике охотницы за шпионами – никак не подействовало на Микая.

– Как я уже говорил, мне нежелательно, чтобы сведения об этих... событиях распространились за пределы моего города, – ответил он.

Хант умел не только читать между строк, но и слышать между слов, и сейчас он услышал то, что осталось недоступным для Брайс. Лидия была оборотнем, превращавшимся в лань (отсюда и ее прозвище). Находясь в составе триариев Сандриелы, она напрямую подчинялась и докладывала асте-

риям. Вдобавок она являлась любовницей Поллукса.

Молот и Лань – гроза полей сражения, сокрушители врагов Республики. Хант несколько раз видел Лань в крепости Сандриелы и всегда торопился уйти подальше, настороженный непроницаемостью ее золотистых глаз. Лидия была столь же красива, сколь безжалостна была она в преследовании и истреблении шпионов и мятежников. Отличная пара для Поллукса. Возможно, еще более удачной парой оказалась бы Гарпия, но Хант старался не думать о непосредственной заместительнице Сандриелы и всегда избегал встреч с нею.

Усилием воли Хант подавил нарастающий ужас.

– Аналитики, занимающиеся статистикой преступлений, с большой долей вероятности предполагают, что Даника знала своего убийцу, – сказал Микай и нарочно выдержал паузу, нервируя Брайс. – И хотя она не была полностью откровенна с вами, вы остаетесь той, кто знал Данику Фендир лучше, чем кто-либо. Я уверен, что ваша проницательность окажет нам большую помощь.

Джезиба наклонилась к экрану – воплощение изящества и сдержанной силы.

– Прекрасно, губернатор. Насколько я понимаю, вы временно забираете у меня Брайс. В таком случае я бы хотела получить компенсацию.

Микай улыбнулся. Такую улыбку Хант видел у него несколько раз, после чего архангел обрушивал на противни-

ка ураган и сминал в ключья.

– Невзирая на вашу преданность Королю Подземья и его покровительство, на которое вы рассчитываете, вы остаетесь гражданкой Республики.

«И обязаны подчиняться мне». Последнюю фразу зачем было произносить вслух.

Джезibu это не смутило.

– Губернатор, я уверена, что вы прекрасно знаете местное законодательство. В частности, раздел пятьдесят семь. Там сказано: если правительственный чиновник прибегает к услугам лиц, не находящихся в его подчинении, эти услуги оплачиваются.

– Я понял. Оцените сумму компенсации и пришлите мне счет.

Шелест крыльев был единственным признаком нетерпения Микая. Но голос, когда он обратился к Куинлан, звучал вполне доброжелательно:

– У меня нет иного выбора, а вскоре не останется и времени. Если кто и может восстановить то, чем занималась Даника в последние дни жизни, так это вы. Вы – единственное связующее звено между жертвами.

Брайс молча смотрела на него.

– Мне думается, положение, занимаемое вами в галерее, дает вам доступ к тем, кто не захочет общаться ни с Тридцать третьим легионом, ни со Вспомогательными силами. Исайя Тибериан будет сообщать мне обо всех ваших успехах и вни-

мательно следить за ходом расследования.

Карие глаза Микая переместились на Ханта. Казалось, он заметил и напряженность в теле подчиненного, и откровенную панику при известии о скором появлении Сандриелы.

– Хант Аталар – опытный охотник на демонов. На него я возлагаю функции защиты. Он будет оберегать вас во время поисков того, кто стоит за всем этим.

Брайс сощурилась. Хант молчал. Он никак не выказал два противоположных чувства – недовольство и облегчение.

По крайней мере, у него появилась официальная причина, позволяющая не торчать в Комитиуме и не попадаться на глаза Сандриеле и Поллуксу. Но оказаться в роли няньки... Это явно не зачтется Микаем в уплату долга...

– Отлично, – заключила Джезиба. – А ты что скажешь, Брайс?

Янтарные глаза Брайс были полны холодного огня.

– Я найду их, – тихо сказала она, спокойно выдерживая взгляд архангела. – А потом я хочу, чтобы вы стерли их с лица планеты.

Что ж, Куинлан вполне можно было назвать «девкой с яйцами». Глупая, самоуверенная, но в смелости ей не откажешь. Правда, такое сочетание способно оборвать ее жизнь раньше, чем она совершит Нырок.

Микай, похоже, тоже это понял.

– Решать участь убийцы мы оставим нашей судебной системе, – улыбнулся он.

Бюрократическая чушь, особенно если учесть, что все пространство зала было пронизано силой архангела. Конечно же, он выполнит желание Куинлан, поскольку их желания совпадали.

– Вот и хорошо, – пробормотала Брайс.

Джезиба Рога покосилась на помощницу: лицо Брайс по-прежнему пылало холодным огнем.

– Только постарайся остаться в живых. Иначе мне придется ухлопать кучу сил и времени на подготовку замены. Мне такая мысль просто претит.

Брайс встала на своих туфлях с абсурдно высокими каблуками. Обошла вокруг стола, перебросила волну красных волос через плечо. Выющиеся кончики прошелестели по выразительному изгибу ее зада.

Микай встал, скользнув глазами по Брайс, словно и он заметил эту часть ее фигуры.

– Визит окончен, – произнес он.

Платье Брайс было настолько облегающим, что Хант заметил напрягшиеся мышцы бедер, когда она открывала входную дверь. Она чуть поморщилась, но тут же ее лицо приняло прежнее выражение.

Архангел и Исаяя вышли. Хант выходил последним. Брайс наградила его холодной торжествующей улыбкой и начала закрывать дверь, не дав ему окончательно выйти на пыльную улицу. Он вставил ногу между дверью и косяком. Заклинания зашипели и защекотали ему кожу, словно стара-

ясь выпихнуть ногу и восстановить порядок.

– Что-то еще? – спросила Брайс, и ее янтарные глаза вспыхнули.

Хант тоже улыбнулся, но улыбка вышла резкой.

– Сегодня же составьте список подозреваемых. Внесите туда всех, кто по каким-то причинам мог желать смерти Даники и ее стаи.

Если Даника знала убийцу, не исключено, что и Брайс он тоже знаком.

– И еще составьте список всех мест, где Даника бывала в последние дни жизни, и список ее занятий.

Брайс отрешенно улыбнулась, затем нажала кнопку рядом с дверью. Заклинания обожгли ногу Ханта не хуже концентрированной кислоты.

Хант отпрыгнул. На руках вспыхнули молнии, готовые защищать от врага, которого не было.

Дверь закрылась. Из решетки переговорного устройства донеслось:

– Я вам позвоню. А до этого прошу не беспокоить.

Да хранит его долбаная Урда!

Оба ангела и архангел вспорхнули на крышу галереи. Микай смотрел на обнесенный стеной город, раскинувшийся внизу. Предполуденное солнце золотило белоснежные крылья архангела, заставляя светиться пряди его волос. Хант молча смотрел на игру солнечных лучей. Рядом застыл Исаяя.

Довольно скоро Ханту наскучило смотреть на Микая, и он стал разглядывать плоскую крышу с выступами устройств кондиционирования и вентиляции. Одновременно он вел наблюдение за входной дверью.

Микай слегка качнул крыльями – единственный признак того, что он сейчас заговорит.

– Время играет против нас.

– Вы всерьез считаете, что Куинлан способна найти того или тех, кто управляет демоном? – спросил Хант, вкладывая в вопрос собственное недоверие.

Микай наклонил голову вбок. Древний, смертельно опасный хищник, оценивающий свою жертву.

– Это дело заставляет нас использовать все виды оружия, какие есть в нашем арсенале, включая самые странные.

Вздыхнув, архангел продолжил созерцание города.

Лунатион строился как образец древних прибрежных городов вокруг Раганского моря. Он был почти точной их ко-

пией: стены из песчаника, сухой климат, оливковые рощи и небольшие фермы, раскиданные по склонам дальних холмов к северу от города. Даже храм богини-покровительницы, возведенный в самом центре. Но в отличие от прочих городов, этому было позволено приспособливаться к меняющимся условиям. Прямызна и упорядоченность планировки вместо лабиринта кривых улочек. Высотные здания Центрального делового района, словно копья, устремлялись к небу, значительно перекрывая ограничения по высоте, принятые в городах Пангеры.

Это была инициатива Микая. Он воспринимал город и как дань древним традициям, и как мост в будущее процветание. Он даже поддержал название Город Полумесяца, вытеснившее официальное Лунатион.

Микая называли сторонником прогресса и терпимости.

Хант часто думал об ощущениях, какие возникли бы у него, вцепись он архангелу в горло. Он столько раз мысленно это представлял, что сбился со счета. Вот он посылает молнию в красивое лицо Микая... в совершенную маску, за которой скрывается жестокий и требовательный мерзавец.

Возможно, со стороны Ханта это было нечестно. Микай родился, чтобы управлять, и никогда не знал иной жизни, чем жизнь одного из высших правителей планеты. Почти бог, не привыкший к сомнениям в его праве на власть. Малейшая угроза его правлению безжалостно подавлялась.

Мятеж, поднятый Шахарой и тремя тысячами воинов,

был не чем иным, как угрозой, даже если почти всех своих триариев Микай набрал из числа Падших. Он дал им второй шанс. Подобное милосердие до сих пор оставалось для Ханта загадкой.

– Сабина наверняка уже подбирает, кого из своих втиснуть в это дело, – продолжал архангел. – Думаю, она явится ко мне и выскажет все, что думает по поводу прокола с Бриггсом.

Он бросил ледяной взгляд на ангелов:

– Я хочу, чтобы мы, а не волки нашли убийцу.

– Мертвого или живого? – сухо спросил Хант.

– Живой предпочтительнее. Но пусть уж лучше он будет мертвым, чем сбежит от нас.

– Как расследование повлияет на мою квоту? – рискнул спросить Хант. – Оно может занять не один месяц.

Исайя напрягся. Однако уголки рта Микая изогнулись вверх. (И на том спасибо.) Он молчал. Хант не осмеливался даже моргать.

– А как тебе, Аталар, такое предложение: ты расследуешь это дело быстро, еще до открытия Встречи, и я понижу твой долг до десяти.

Казалось, от слов архангела ветер перестал дуть.

– То есть мне останется только десять заданий?

Это не укладывалось в рамки логики. У Микая вообще не было причин что-либо ему предлагать. Зачем, если Хант и так целиком и полностью зависел от каждого его слова?

– Да, только десять заданий, – как ни в чем не бывало ответил Микай.

Будто его слова не были бомбой, брошенной прямо в сердце Ханта.

Не исключено, что архангел решил поиздеваться и свои задания растянет на десятилетия, но... Пылающий Солас, твою мать!

– Об этом, Аталар, никому ни слова, – добавил архангел. Он не считал нужным распространить предостережение и на Исайю, что свидетельствовало о его доверии к командиру триариев.

– Согласен, – с максимальным спокойствием произнес Хант.

Однако взгляд Микая сделался безжалостным. Он оглядел Ханта с ног до головы. Затем вперил глаза в крышу, распространив взгляд на галерею у них под ногами и оставшуюся там Куинлан.

– Своего «игруна» из штанов не выпускай и воли рукам не давай! – прорычал Микай. – Иначе недолго лишиться всего перечисленного.

Разумеется, Хант мог бы вырастить себе и руки, и член. Любой бессмертный, совершивший Нырок, был способен вырастить почти любую часть тела, если только ему не оттяпали голову или не покалечили так, что серьезно повредили артерии. Но восстановление... оказалось бы медленным и болезненным. И потом, оказаться без члена, пусть даже на

несколько месяцев, никак не улыбалось Ханту.

Меньше всего его тянуло трахаться с этой полукровкой, когда между ним и потенциальной свободой оставалось десять убийств.

– Мы будем действовать профессионально, – ответил за двоих Исайя.

Микай поглядел в сторону Центрального делового района. Его белоснежные крылья дрогнули.

– Через час жду у себя в кабинете, – сказал он Исайе.

Исайя поклонился архангелу в пояс. То был пангеранский обычай, от которого у Ханта топорщились волосы на затылке. Он был вынужден так кланяться, иначе недолго оказаться ошипанным, как курица, или вообще лишиться крыльев. Первые десятилетия после Падения состояли из сплошных жестокостей.

Доказательством служили крылья, развешенные по стенам тронного зала астериев.

Но Исайя всегда умел соблюдать правила игры и выдерживать протоколы и иерархическую дребедень. Он умел одеваться, как они, есть, как они, и трахаться, как они. Благодаря своей дипломатичности, он поднялся из Падших ангелов до чина командира триариев. Выступи Микай на губернаторском совещании у астериев (после Дня зимнего солнцестояния) с предложением снять с Исайи рабскую татуировку, Хант ничуть не удивился бы.

И не надо никого убивать, пытать и мучить.

Едва взглянув на ангелов, Микай взмыл вверх. За считанные секунды он уменьшился до белого пятнышка в синем небесном море.

Исайя шумно выдохнул, хмуро поглядывая на шпили пяти башен Комитиума – этой короны из стекла и стали в самом сердце Центрального делового района.

– Думаешь, это ловушка? – спросил у друга Хант.

– Он не любитель таких каверз, – ответил Исайя. – Он говорил всерьез. Время действительно подпирает Микая, иначе он не стал бы тебе это предлагать.

А вот Сандриела и большинство других архангелов не брезговали подобными трюками.

– Что меня и удивляет. Я же его собственность. Его слово для меня закон.

– Возможно, на него подействовал скорый приезд Сандриелы. Понял, что твоя... лояльность ему гораздо выгоднее.

– Повторяю еще раз: я же его раб.

– Тогда я не знаю, что и думать. Может, захотел проявить великодушие, – снова покачал головой Исайя. – Не отталкивай руку, которую тебе протягивает Урда.

– Знаю, – выдохнул Хант.

Как всегда, правда состояла из разных кусков, причудливым образом слепленных вместе.

– Ты сможешь найти этого вызывателя демонов? – спросил Исайя.

– У меня нет иного выбора.

Особенно когда Микай предложил ему новую сделку. Хант пробовал на вкус сухой ветер, почти не вслушиваясь в хрипловатую песню воздушных потоков, шелестящих в листве священных кипарисов. Ими была обсажена улица внизу. В городе их, посаженных в честь богини-покровительницы, насчитывались тысячи.

– Ты его найдешь, – сказал Исая. – Знаю, что найдешь.

– Если сумею отделаться от мыслей о приезде Сандриелы, – устало произнес Хант, запуская руки в волосы. – Просто не верится, что она скоро будет здесь. Вместе с куском дерьма по имени Поллукс.

– Ты хоть понимаешь, какую наваристую кость бросил тебе Микай? Оберегать Куинлан во сто крат лучше, чем торчать в Комитиуме и мозолить глаза Сандриеле.

Микай прекрасно знал, какие чувства испытывает Хант к Сандриеле и Поллуксу.

– Можешь петь хвалебные гимны щедрости Микая, но не забывай, что этот придурок встретит Сандриелу с распростертыми объятиями.

– Сандриела едет сюда не по собственному желанию, – возразил Исая. – Это приказ астериев. Стандартная процедура. Они всегда посылают на такие встречи кого-то из архангелов в качестве своих представителей. В прошлый раз это был губернатор Эфраим. Микай и его встречал с распростертыми объятиями.

– Но факт остается фактом: она проведет в этом долбаном

Комитиуме целый месяц, – сказал Хант, косясь в сторону башен. – Лунатион – не ее место. Здесь не позабавишься, как у себя дома.

Большинство Падших разбросало по всему свету. Остальные были мертвы. И потому Сандриела не знала лучшего развлечения, чем бродить по подземным застенкам своего замка, набитым человеческими мятежниками, и выбирать одного, двоих или троих. Арена в центре ее города служила для уничтожения узников, для чего изобретались всевозможные способы. Побоища насмерть, публичные истязания, натравливание на узников Низших и диких зверей... Изобретательность Сандриелы не знала предела. Хант все это видел собственными глазами, порою удивляясь, как до сих пор жив.

Пангеранские мятежники не унимались, а значит, подземные застенки были переполнены. Сандриела и Поллукс наслаждались сверх меры, поглощая волны боли, текущие с арены.

От этой мысли Хант оцепенел.

– Поллукс – угроза безопасности нашего города, – сказал он.

Молот обожал убивать и пытаться. Даже в гостях.

– Поллуксу не дадут распоясаться. Микай знает, что он за тип и чего от него ждать. Если астерии и приказали Микаю радушно встретить Сандриелу, он не позволит ее любимцу чувствовать себя как дома.

Исайя умолк. Его взгляд сделался отрешенным. Кажется, он что-то обдумывал.

– Но я могу сделать так, чтобы за все время пребывания Сандриелы ты ни разу не попался ей на глаза.

– Если это связано с обещанием Микая оттяпать мне «игруна», я не хочу.

– Микай тебе приказал вести расследование вместе с Куинлан, – тихо рассмеялся Исайя. – Такие приказы делают тебя предельно занятым. Особенно если тебе поручена защита Брайс.

Хант вяло улыбнулся:

– Я буду настолько занят, что ни разу не появлюсь в делах Комитиума.

– Конечно не появишься. Ты обоснуешься на крыше напротив дома Куинлан и будешь за нею следить.

– Я спал и в худших условиях.

– Я тоже, – напомнил Исайя.

– Мне не составит труда следить за Куинлан, и не только для ее защиты.

– Ты всерьез ее подозреваешь? – нахмурился Исайя.

– Сам толком не знаю, – пожал плечами Хант. – Микай тоже ее не исключает. Пока она не докажет обратное, останется в моем списке.

Хел знает, кто значится в списке подозреваемых у Куинлан. Исайя кивнул, словно прочел его мысль.

– Надеюсь, ты не сообщишь Микаю, что я намерен круг-

лосуточно следить за нею?

– Если он заметит, что ты не ночуешь в казарме, мне придется сказать. Но никак не раньше. Зачем добавлять ему головной боли?

– Спасибо.

Обычно это слово отсутствовало в лексиконе Ханта – во всяком случае, по отношению к тем, кто с крыльями. Но сейчас он не лукавил. Исайя всегда был лучшим из ангелов – лучшим из Падших и из всех легионеров, с которыми доводилось служить Ханту. С такими навыками и белоснежными крыльями, Исайя должен был бы служить в астерианской гвардии, однако он, как и Хант, не годился туда по происхождению. В элитном легионе астериев служили только высокородные. А прекрасных солдат, вроде Исайи, обходили вниманием.

Хант, со своими серыми крыльями и кровью просторожденного, не мог и мечтать о столь заоблачном месте службы. Когда его пригласили в элитный 18-й легион Шахары, он счел это достаточной привилегией. И Шахару он полюбил почти сразу – за то, что увидела и оценила боевые качества. Его и Исайи. В 18-м все были такие. Шахара выбирала воинов не по статусу, а по умению и навыкам.

– Забери свои вещички из казармы, – сказал Исайя, махнув в сторону Комитиума. – Мне до встречи с Микаем нужно заглянуть еще в одно местечко.

Хант выразительно посмотрел на него. Исайя даже помор-

щился:

– Нанесу визит принцу Рунну. Надо проверить алиби Куинлан.

Занятие, дерьмовее которого трудно придумать. Одинаково противное Ханту и Исайе. Но протокол есть протокол.

– Хочешь, сходим вместе? – предложил Хант, зная, что больше ему нечем поддержать друга.

Уголок рта Исайи дрогнул.

– В прошлый раз, оказавшись с Рунном в одном помещении, ты сломал ему нос. Учитывая прошлый опыт... не хочу.

Мудрый шаг.

– Он это заслужил, – процедил Хант.

К чести Микая, архангел нашел это событие (или «инцидент», выражаясь словами Наоми) забавным. Не каждый день фэйцы столь ощутимо получали от них по мордам. Так что даже губернатор втайне злорадствовал над поражением Рунна. Случилось это в прошлом году, во время празднования Дня весеннего равноденствия. Ханту дали целую неделю отпуска. Микай назвал это «временным отстранением от должности», но сопроводил щедрой добавкой к жалованью. И скостил Ханту долг на три смерти.

– Я тебе потом позвоню – узнать, как дела.

– Удачи.

Исайя наградил его усталой, вымученной улыбкой – единственный намек на тяготы всех лет, прожитых с двумя рабскими татуировками, – и отправился разыскивать фэйского

наследного принца Рунна Данаана.

* * *

Брайс прошла по выставочному залу, шипя от боли в ноге, затем решительно сбросила туфли на высоком каблуке. Один ударился о стену, заставив вздрогнуть древнюю вазу.

– Когда ты прибьешь на стену яйца Ханта Аталара, не забудь мою просьбу, – послышался сзади холодный голос Джезибы. – Сделай снимок.

Брайс подняла голову. Видеоэкран вновь ожил. Колдунья сидела на прежнем месте.

– Вы всерьез хотите встрять во все это? – спросила у нее Брайс.

Джезиба откинулась на позолоченную спинку стула. Отдыхающая королева, не меньше.

– А что, старомодная месья уже не нравится?

– Я представить не могу, кому могла понадобиться смерть Даники и ее стаи. Никто не приходит на ум.

До сегодняшнего утра все было так логично: освободившийся Бриггс решил отомстить и вызвал демона. Даника решительно противилась его освобождению и поплатилась. Но если Бриггс не виноват, если он находится за решеткой, а Максимуса Терциана убили... Брайс не знала, с чего начать.

Но она займется расследованием. Найдет виновного, кто

бы это ни был. Хотя бы ради того, чтобы Микаю Домитусу стало стыдно. Как он смел намекнуть на ее заинтересованность в гибели лучшей подруги? Однако... Брайс скрипнула зубами. Она найдет виновного и виновных, и те пожалеют, что родились.

Стараясь не хромать, Брайс подошла к столу и уселась на край.

– Должно быть, губернатор в отчаянном положении.

И к тому же спятил, раз обратился к ней за помощью.

– Мне нет дела, в каком он положении, – сказала Джезиба. – Если желаешь, играй в мстительного детектива. Но не забывай: ты по-прежнему работаешь у меня. Встречи с клиентами не должны отходить на второй план.

– Знаю, – буркнула Брайс, жуя щеку изнутри. – Если некто настолько силен, что способен вызывать демона для грязных делишек, вероятно, я тоже могу погибнуть.

Очень даже вероятно, учитывая, что она еще не совершила Нырок и не знала, когда этот день наступит.

– Тогда держи Аталара поблизости, – посоветовала Джезиба, сверкнув серыми глазами.

Брайс это задело. Можно подумать, она – слабая маленькая девчонка, которой для защиты требуется большой сильный воин.

Даже если это отчасти и было так. По большей части.

Абсолютно так, если вызов демона повторится.

Но... составить список подозреваемых. Как это вам? И

второе задание: список мест, где бывала Даника в последние дни жизни... От этой мысли Брайс напряглась всем телом.

Возможно, она и примет защиту Аталара, но пусть этот самоуверенный придурок не рассчитывает на легкую победу.

У Джезибы зазвонил телефон.

– Отец Максимуса, – сообщила она и сурово поглядела на Брайс. – Если из-за твоих детективных игр с Умброй Мортисом я начну терять клиентов, превращу тебя в черепаху.

Джезиба поднесла телефон к уху. Экран погас.

Брайс сделала затяжной выдох и только потом нажала кнопку, вернув панели на место.

Тишина в галерее напоминала веревку, угрожавшую сдавить тело. Проклятая тишина, вгрызающаяся в кости. Даже Лехаба на этот раз не подслушивала. Никаких постукиваний по железной двери, чтобы хоть немного разогнать отвратительную тишину. Никаких признаков присутствия маленькой и неисправимо настырной огненной спрайты.

Брайс положила руку на холодную поверхность стола и прильнула к руке лбом.

Даника никогда не упоминала о знакомстве с Терцианом-младшим. Они вообще не говорили о нем. И вот с этого пустого места ей придется начинать?

Без Бриггса, лишённого роли главного злодея, прежние убийства, как и вчерашнее, теряли всякий смысл. Спрашивается, зачем демон выбрал их тогдашнюю квартиру на третьем этаже в доме, где предположительно существует видео-

наблюдение? Нет, убийство Даники и остальных нужно отнести к числу преднамеренных. Убийство Терциана-младшего – тоже. А то, что Брайс вчера пересеклась с этим мерзопакостным вампиром, – нелепое совпадение.

Брайс дотронулась до амулета на шее, заставив его качаться взад-вперед.

Позже. Думать об этом она будет вечером, потому что... Брайс взглянула на часы и тихо выругалась.

Через сорок пять минут у нее встреча с другим клиентом. А прежде ее ждет лавина писанины – оформление документов на свадгардское резное панно, купленное вчера.

А может, заняться поиском другой работы? Папка с данными тайно жила в ее компьютере под ложным названием.

Джезиба, возложившая на нее закупку бумаги всех видов: от туалетной до принтерной, никогда бы не додумалась поинтересоваться содержимым папки «Приобретение офисных принадлежностей. Март». Но вместо накладных в папке лежало сопроводительное письмо, резюме и наполовину заполненные анкеты на должности в десяти разных местах.

Некоторые имели дальний прицел. Например, «помощник куратора Художественного музея Города Полумесяца». Можно подумать, ее когда-нибудь возьмут на такую работу, если у нее нет степени ни по истории, ни по искусству! Особенно если учесть, что большинство городских музеев считали галереи вроде «Грифона» сомнительными и противозаконными.

Другие заявки. «Персональный помощник юриста госпожи такой-то». Ничуть не лучше нынешней работы. Другой антураж, но снова начальница и прежнее «сделай это, сделай то».

Но эти заявки были для Брайс отдушиной. Должна же она найти способ мирно расстаться с Джезибой, учитывая свои долги, хотя... Стоит заикнуться, что она хочет уйти, и Джезиба со злости тут же превратит ее в какую-нибудь отвратительную тварь. От простого открытия заветной папки, от постоянной шлифовки резюме Брайс становилось легче. Иногда.

Однако если убийца Даники вновь заявил о себе, если нахождение на этой тупиковой работе может помочь... Тогда все ее резюме – напрасная трата времени.

Темный экран ее телефона едва отражал свет потолочных ламп. Вздохнув еще раз, Брайс ввела пароль и открыла цепочку сообщений.

«Ты не пожалеешь. Я давно подумываю о том, как буду тебя баловать. И о том, как здорово мы проведем время вместе».

Брайс помнила сообщения Коннора наизусть, но, когда читаешь их с экрана, становится больнее. Настолько больно, что чувствуешь каждую часть тела и темные остатки души. Поэтому она всегда читала.

«Веселись. Увидимся через пару дней».

Белый экран жег ей глаза.

«Напиши, когда благополучно вернешься домой».

Брайс закрыла окно сообщений. Открывать голосовые сообщения она не отваживалась. Для этого нужно оказаться на нисходящей спирали, что тянется прямо к смерти. Такие состояния посещали ее несколько раз в месяц. Опять услышать смех Даники...

Брайс снова и снова глотала воздух, медленно выдыхая.

Она обязательно найдет двуногую тварь, вызвавшую демона. Ради Даники, ради Стаи Дьяволов она это сделает. Сделает что угодно.

Брайс вновь взялась за телефон и стала набирать групповое сообщение, адресованное Юнипере и Фьюри. Она не ждала, что Фьюри ответит. Коллективные сообщения были скорее традицией; обмен посланием происходил только между нею и Юниперой. Брайс отстучала половину сообщения: «Филип Бриггс не убивал Данику. Убийства возобновились, и я...» Она удалила написанное. Микай настаивал на секретности расследования, а если ее телефон взломают... Нет, она не будет по-глупому рисковать, чтобы не оказаться вне поисков.

Фьюри все равно уже знает о случившемся. Это так называемая подруга до сих пор не ответила ни на одно сообщение... Брайс отпихнула раздражающую мысль. Юнипере она расскажет при личной встрече. Если Микай прав и выбор жертв как-то связан с Брайс, она обязательно должна предупредить Юниперу. Новых потерь она просто не вынесет.

Брайс оглянулась на запечатанную железную дверь, растерла саднящую ногу и встала.

Вниз она спускалась в полной тишине.

Рунн Данаан остановился перед высоченными дубовыми дверями отцовского кабинета, делая упражнения по успокаивающему и охлаждающему дыханию.

Причиной была отнюдь не пробежка длиной в тридцать кварталов: от его неофициальной резиденции над дешевой забегаловкой на Старой Площади до внушительной мраморной отцовской виллы в самом центре Пяти Роз. Рунн выдохнул и постучался.

Печальный опыт научил его не врываться в отцовский кабинет.

– Входи.

Холодный мужской голос прошел сквозь двери и сквозь Рунна, но Рунн умело замаскировал сердцебиение и вошел, плотно закрыв за собой дверь.

Личный кабинет Короля Осени был просторнее большинства домов на одну семью. Вдоль всех стен, уходя на высоту двух этажей, тянулись полки, уставленные книгами и артефактами. Седая древность соседствовала с днем сегодняшним. Часть предметов имела магические свойства. Прямоугольное пространство разделялось надвое золоченым балконом. Подняться туда можно было по винтовым лестницам спереди и сзади. Высокие окна (они выходили во внутренний двор виллы), плотно закрытые тяжелыми бархатными

портьерами, не пропускали ни лучика утреннего света.

Внимание Рунна, как всегда, привлек планетарий – действующая модель, показывающая положение семи планет, лун и солнца. Планетарий был выполнен из чистого золота. В детстве это чудо механики завораживало Рунна. Тогда он еще по глупости верил, будто что-то значит в жизни отца. Затаив дыхание, Рунн следил, как отец делает наблюдения и расчеты, внося результаты в записную книжку. Все записные книжки отца были в черных переплетах. Однажды Рунн не удержался и спросил, что именно отец ищет.

«Повторяющиеся узоры», – ответил Король Осени, не вдаваясь в подробности.

В кабинете было четыре массивных рабочих стола, каждый из которых загромождали книги, а также стеклянные и металлические устройства. Отец сидел за одним из столов и проводил эксперименты со своими долбаными «повторяющимися узорами». Прежде чем туда подойти, Рунн прошел мимо стола, где в стеклянном шаре, поставленном на горелку, пузырилась радужная жидкость. Горелку отец, скорее всего, сделал сам. Рунн это заключил по облачкам фиолетового дыма, клубящегося вокруг нее.

– Мне стоит надеть защитный костюм? – спросил Рунн, приближаясь к столу, где отец вглядывался в большую, не менее фута длиной, призму на тонкой серебряной подставке.

– Излагай свое дело, принц, – коротко бросил ему отец, продолжая всматриваться в окуляр на вершине призмы.

Рунна подмывало спросить, как бы городские налогоплательщики отнеслись к отцовским занятиям, узнай они, на что один из семи правителей тратит свои дни, но он воздержался. Шесть низших правителей назначались Микаем, а не избирались демократическим путем. Проводились бесконечные заседания и совещания, создавая для населения иллюзию контроля, но главный порядок вещей был прост: губернатор правил городом, а правители – каждый своим районом. Помимо этого, 33-й легион подчинялся непосредственно губернатору, а Вспомогательные силы – правителям города. Последние состояли из отрядов сообразно районам и породам тех, кто туда входил. Дальше начиналась путаница и неразбериха. Волки считали командирами Вспомогательных сил своих оборотней, тогда как фэйцы настаивали, что руководство силами принадлежит им. Это порождало рознь и сказывалось на действиях отрядов.

Рунн уже целых пятнадцать лет возглавлял фэйское подразделение Вспомогательных сил. Отец так повелел, и он подчинился. Иного выбора у него не было. Хорошо, что всю свою жизнь Рунн тренировался, выковывая из себя умелого, беспощадного убийцу.

Однако никакой радости это ему не доставляло.

– В городе начинается какая-то крупная заваруха, – сказал Рунн, останавливаясь по другую сторону стола. – У меня только что побывал Исая Тибериан. Минувшей ночью убили Максимуса Терциана, причем тем же жутким способом,

каким были убиты Даника и ее стая.

Отец тронул один из верньеров наверху призмы.

– Я получил сообщение еще ранним утром. Оказывается, Филип Бриггс не был их убийцей.

– И когда вы собирались уведомить меня? – спросил оцепеневший Рунн.

– Разве я тебе подотчетен, принц? – спросил отец, отрываясь от окуляра.

Естественно, нет, о чем говорил отцовский титул. Хотя по уровню власти отец и сын были близки, но факт оставался фактом: даже имея статус Звезднорожденного и обладая Звездным Мечом, Рунн всегда оставался на ступеньку ниже отца. Пройдя Испытание, а затем совершив Нырок (это было пятьдесят лет назад), он так и не решил, считать ли свое положение благом или проклятием. С одной стороны, превзойди он отца – игровое поле изменилось бы в его пользу. С другой – нынешнее положение Рунна укоренило в нем дух соперничества.

Он видел, как отец поступал с соперниками, и не хотел входить в их число.

– Эта информация крайне важна. Я уже связался с Флинном и Декланом, велел им усилить патрулирование улиц в Пяти Розах. Мы прочедем каждый закоулок.

Отцу Рунна было без малого пятьсот лет. Большую часть жизни он носил корону Короля Осени и все это время оставался первостатейным придурком. Самое удивительное – он

не выказывал признаков старения. Для фэйцев такой возраст считался преклонным. Подобно рубашке, выдержавшей слишком много стирок, они теряли форму, выцветали и соскальзывали в смерть.

Похоже, Рунну придется еще несколько веков играть в принца. Стучаться в дверь и ждать позволения войти. Преклонять колени и подчиняться.

По всему Мидгарду насчитывалось едва ли с десятков фэйских принцев. За долгие годы Рунн перезнакомился со всеми. Но Звезднорожденным был только он. Один из всего фэйского народа.

Как и Рунн, остальные принцы служили при самодовольных, тщеславных королях, разбросанных по всей планете. Одни управляли городскими районами, другие – обширными сельскими территориями. Иные принцы веками дожидались трона, считая каждое десятилетие, как смертные люди считают месяцы.

Это всегда злило Рунна. Всегда. Вместе с печальным фактом, что все, чем он владел, оплачивалось мерзавцем, забавлявшимся со своей дурацкой призмой: от «резиденции» над баром до виллы в районе Пяти Роз и бесценного антиквариата. Эти вещицы отец подарил ему, когда он прошел Испытание и выиграл Звездный Меч. Рунн лишь навещался на виллу, предпочитая жить в доме, который он делил с двумя лучшими друзьями.

Дом тоже был куплен на отцовские деньги.

Официально деньги поступали от «жалованья», получаемого Рунном как командиром патрульных отрядов Вспомогательных сил. Но на чеке, приходящем каждую неделю, стояла подпись отца. Без нее чек был просто бумажкой.

Король Осени снял с призмы окулярную площадку.

– Командир Тридцать третьего сказал что-то существенное?

Встреча отца и сына угрожала окончиться скандалом.

Во-первых, Тибериан дотошно выспрашивал у него о том, куда Брайс отправилась из «Ворона». Рунн едва сдерживался, чтобы хорошенько не отделать настырного ангела, даже если тот и являлся командиром 33-го легиона. Затем Тибериану хватило наглости спросить, где и как провел минувшую ночь сам Рунн.

Рунн не стал говорить командиру, что вчера ему отчаянно хотелось сделать из Максимуса Терциана отбивную. Паршивый вампир позволил себе хватать Брайс за руку.

Сестренка откусила бы ему голову за это. Она смогла отшить вампира самостоятельно, избавив Рунна от политического кошмара, каким могла стать кровная вражда между двумя Домами. Не только между Домами Неба и Дыхания и Пламени и Тени, но и между кланами Данаан и Терциан. Хуже того, в конфликт были бы втянуты все фэйцы и вампиры Вальбары и Пангеры. Фэйцы очень серьезно относились к кровной вражде. Вампиры тоже.

– Нет, – запоздало ответил Рунн. – Если не считать, что

Максимус Терциан погиб через несколько часов после деловой встречи с Брайс.

Отец сдвинул призму, скривив губы:

– Я же велел тебе предупредить эту девчонку, чтобы си-дела тихо.

«Эту девчонку». Брайс для их отца всегда была «этой девчонкой» или просто «девчонкой». За двенадцать лет отец ни разу не произнес ее имени. С тех самых пор, как она в первый и последний раз побывала на этой вилле.

Визит Брайс изменил все. Она тогда была игривой, дурашливой тринадцатилетней девчонкой, которой не терпелось встретиться со своим настоящим отцом и его соплеменниками. Познакомиться с Рунном, не подозревавшим, что у него есть сводная сестра. Более шестидесяти лет он считал себя единственным ребенком отца.

Король Осени настаивал на том, чтобы визит прошел втайне, не говоря о другом условии: «Не раньше, чем Оракул прошепчет твое будущее». Появление Брайс обернулось настоящей катастрофой не только для нее, но и для Рунна. У него до сих пор схватывало грудь, когда он вспоминал, в каком состоянии Брайс покидала виллу. Ее глаза, полные гневных слез. Уходя, она ни разу не обернулась. Обращение отца с Брайс раскрыло Рунну истинную натуру Короля Осени... и отец этого не забыл.

В последующие три года Рунн часто приезжал в родительский дом Брайс. Она была светлым пятном в его жизни. Са-

мым светлым пятном, если быть честным с собой. Между ними установились прекрасные отношения, пока дурацкая, постыдная ссора не сделала их врагами. Брайс до сих пор его ненавидела. Он не винил ее, помня, что сам был во всем виноват. Зачем он произнес слова, о которых сразу же пожалел? Но слова вырвались, и отношения брата и сестры прекратились.

– Брайс и Максимус встретились раньше, чем я смог ее предупредить. Я появился, когда они уже прощались.

Рунну позвонил Ризо Сергатто – владелец «Белого ворона». Голос оборотня-бабочки, обычно такой веселый и насмешливый, звучал предельно серьезно. Рунн помчался в «Белый ворон», не успев обдумать возможные последствия своего вмешательства.

– По мнению Тибериана, я – ее алиби. Я ему сказал, что проводил Брайс домой и оставался у нее в то время, когда произошло убийство.

В отцовском лице ничего не изменилось.

– И все равно девчонку не красит, что пару лет назад и вчера она появлялась в клубе и общалась с жертвами за считанные часы до их гибели.

– Брайс никак не связана с этим убийствами, – напряженно произнес Рунн. – Невзирая на ее алиби, губернатор тоже должен в это поверить, поскольку Тибериан сообщил, что теперь Тридцать третий легион берет ее под охрану.

Не будь ангелы высокомерными придурками, это выгля-

дело бы очень благородно с их стороны. К счастью, Рунна навестил не самый высокомерный из их стаи.

– Эта девчонка всегда потрясающе умела появляться там, где ей вообще делать нечего.

Рунна захлестывал гнев, который пока ему удавалось контролировать. Магия теней помогала ему в этом, скрывая его истинное состояние. Еще одна причина для отцовской неприязни: кроме дарований Звезднорожденного, унаследованная Рунном магия принадлежала роду матери – фэйцам, которые правили Авалленом. Этот северный остров, окутанный туманом, был священным сердцем фэйского народа. Отец Рунна не задумываясь сжег бы Аваллен, если бы смог. Рунн не умел вызывать пламя, как отец и большинство вальбаранских фэйцев. Свои авалленские способности он предпочитал не афишировать, особенно умение создавать тени и проходить сквозь них. Эти способности отец воспринимал как непростительное оскорбление.

Между отцом и сыном установилась тишина, нарушаемая лишь звуками от планетария в противоположном конце кабинета, где золотые планеты кружились по своим орбитам.

Отец взял призму и поднес к первосвету одной из трех хрустальных люстр.

– По словам Тибериана, губернатор не хочет распространения сведений об убийствах, но я бы хотел получить у вас разрешение предостеречь мою мать.

Каждое слово Рунн буквально выталкивал из себя, стара-

сь не скрипеть зубами:

– Я бы хотел получить у вас разрешение.

Отец взмахнул рукой:

– Разрешаю. Она внемлет предостережениям.

Всю свою жизнь мать Рунна кому-то подчинялась.

Она послушается и затаится, да еще с радостью согласится на дополнительную охрану виллы, находившейся в одном квартале от виллы Рунна. Будет сидеть взаперти, пока весь этот кошмар не кончится. Рунн подумал, что ему стоит провести сегодняшний вечер с матерью.

Она не была королевой. Не была даже супругой или парой. Его чудесная добрая мать была выбрана для единственной цели – продолжения рода. После нескольких столетий правления Король Осени решил обзавестись наследником. Мать происходила из благородной династии, отпавшей от авалленского двора. Свой долг мать выполняла с радостью, благодарная за вечные привилегии. За все семьдесят пять лет жизни Рунна он не слышал от нее ни одного дурного слова об отце. Мать ни разу не пожаловалась на избранную ею участь.

Даже когда у отца начались тайные, оказавшиеся катастрофическими отношения с Эмбер, мать не проявила ни капли ревности. Женщины были у него и до Эмбер (причем немало), и после нее. Однако никто другой не был официально избран для продолжения королевского рода. Брайс несколько раз виделась с матерью Рунна, и та отнеслась к ней

по-доброму и очень заботливо.

Рунн не знал, восхищаться ли матерью за то, что она ни разу не пожаловалась на жизнь в золотой клетке. А может, это с ним что-то не так, раз подобная жизнь вызывала у него отвращение?

Возможно, он никогда не сумеет понять свою мать, однако Рунн гордился полученным от нее наследием. Управление тенями отделяло его от высокомерного мерзавца, забавляющегося призмами и прочими прибабасами. Материнское наследие служило Рунну постоянным напоминанием: смотри сам не стань властолюбивым, подавляющим других. Правда, авалленская родня матери была немногим лучше. Особенно его двоюродные братья и сестры.

– Может, вам стоит самому позвонить ей и предостеречь, – предложил Рунн. – Она оценит вашу заботу.

– У меня есть другие дела, – невозмутимо ответил отец.

Отцовская холодность всегда изумляла Рунна. Он не понимал, как при пламени, бурлящем в жилах, отец был настолько холоден.

– Сам сообщишь. И впредь прошу не давать мне советов, как я должен выстраивать отношения с твоей матерью.

– У вас нет отношений. Вы осеменили ее, как кобылу, а затем отпустили пастись.

Воздух в кабинете наполнился искрами.

– Но ты, Звезднорожденный, только выиграл от такого... осеменения.

Рунн не осмелился произнести слова, готовые сорваться у него с языка. «Мой дурацкий титул прибавил тебе влияние в империи и среди других королей, но он все равно стоит у тебя поперек горла. Тебя бесит, что твой сын, а не ты извлек Звездный Меч из Пещеры Принцев в темном сердце Аваллена. Ты не можешь смириться, что твой сын, а не ты стоял среди саркофагов, в которых покоятся давно умершие Звезднорожденные принцы, и был признан достойным извлечь меч из ножен. Сколько раз ты пытался это сделать в молодости? Сколько изысканий ты предпринял в этом кабинете, пытаясь найти способы завладеть мечом, не будучи Избранным?»

Отец поманил его согнутым пальцем:

– Мне нужен твой дар.

– Зачем? – удивился Рунн.

Его способности Звезднорожденного ограничивались искоркой звездного света на ладони. Куда интереснее были способности управлять тенями. Когда он перемещался по городу, окруженный тенями, даже температурные датчики самых совершенных камер слежения не могли его засечь.

Отец поднял призму.

– Направь в нее луч звездного света, – велел он.

Не дожидаясь ответа, отец снова приник к окуляру на вершине призмы.

Обычно Рунну для вызова звездного света требовалось изрядно сосредоточиться, а потом несколько часов мучиться

головной болью, но... Ему самому стало любопытно попробовать.

Коснувшись указательным пальцем кристалла призмы, Рунн закрыл глаза и сконцентрировался на дыхании. Пощелкивание механизма планетария стало его проводником, ведя все ниже и ниже, в черную яму внутри его, мимо бурлящего колодца теней, к нише, находящейся под ними. Там, свернувшись, словно спящее животное, покоилось его единственное зернышко радужного света.

Рунн осторожно положил зернышко на воображаемую ладонь, разбудил и стал осторожно поднимать. Казалось, он несет в ладони воду, стараясь не расплескать. Рунн поднимал зернышко все выше. Его магическая сила потрескивала от предвкушения, теплая и прекрасная. Единственное, что Рунну нравилось в самом себе.

Рунн открыл глаза и увидел, что звездный свет танцует на кончике пальца, преломляясь сквозь призму.

Отец подкручивал верньеры на окулярной площадке, успевая другой рукой делать пометки.

Семечко звездного света бодрствовало недолго. Вскоре оно сделалось сонливым и распалось в окружающем воздухе.

– Еще немного, – приказал король.

Рунн стиснул зубы, как будто этим мог удержать звездный свет от исчезновения.

Очередный щелчок на окулярной площадке, очередная запись, произведенная древней холодной рукой. Отец все за-

писи делал на древнем полузабытом языке фэйцев, на котором их предки говорили, когда впервые появились на Мидгарде, пройдя через Северный Разлом.

Звездный свет вздрогнул, вспыхнул и погас. Король Осени что-то раздраженно проворчал, но Рунн не расслышал. Голова раскалывалась, будто изнутри по ней лупили молотком.

Усилием воли Рунн несколько подавил боль и увидел, что отец закончил свою писанину.

– Что вы делаете с этой призмой? – спросил Рунн.

– Изучаю движение света сквозь мир. Ищу способы, как это можно изменить.

– Разве университетские ученые занимаются не тем же?

– Их интересы расходятся с моими. – Отец пристально посмотрел на Рунна и вдруг заявил: – Настало время искать женщину для надлежащего брака.

– Вы о себе? – удивился Рунн.

– Не играй в дурачка. – Отец закрыл записную книжку и откинулся на спинку стула. – Ты в долгу перед своим родом и обязан произвести наследника для расширения наших союзнических связей. Оракул провозгласила, что ты будешь честным и справедливым королем. Это – первый шаг в том направлении.

Все фэйцы, достигшие тринадцати лет, приходили к Оракулу. Приход к ней был одним из двух Великих Ритуалов, означавших вступление во взрослую жизнь: вначале Оракул,

а затем – через несколько лет или десятилетий – Испытание.

При воспоминании о первом Ритуале у Рунна заурчало в животе. Визит к Оракулу был во многом хуже Испытания.

– Я не собираюсь жениться.

– Брак – это политический союз. Произведи на свет наследника, а затем можешь странствовать по чьим угодно постелям.

– Я не собираюсь жениться! – прорычал Рунн. – И уж тем более вступать в династический брак.

– Ты сделаешь то, что тебе велят.

– Почему-то вы не обременили себя узами брака.

– Мне не требовались союзники.

– А нам теперь они требуются?

– На всякий случай напоминаю: за морем полыхает война.

С каждым днем ее накал нарастает. Велика вероятность, что она перекинется на Вальбару. Я не намерен вступать в войну, не имея поддержки.

Молоток в голове стучал, будто пульс. Рунн очумело смотрел на отца. Король Осени был предельно серьезен.

– Вы намерены заставить меня жениться ради надежных союзников в будущей войне? – все-таки спросил Рунн. – Разве мы не являемся союзниками астериев?

– Являемся. Но война – особое время, когда легко меняется расклад сил и первенствование. Мы должны продемонстрировать свою значимость и влияние.

Рунн задумался над словами отца:

– Вы говорите о браке с женщиной не фэйской породы?

Чувствовалось, отец сильно встревожен, если рассматривает столь редкий вариант.

– Месяц назад не стало королевы Гекубы. Новой королевой ведьм Вальбары провозглашена ее дочь Гипаксия.

Это не было новостью для Рунна. Он знал о смерти прежней королевы. Гипаксия Энадор была молода, не старше двадцати шести лет. Всем хотелось увидеть ее лицо, но снимков не существовало. Мать держала Гипаксию затворницей в своей горной крепости.

– В следующем месяце, на Встрече, ее воцарение будет официально признано астериями, – продолжал отец. – Вскоре после этого я свяжу ее с фэйским народом.

– Вы забываете, что у Гипаксии есть право голоса. Велика вероятность, что она просто посмеется над такой перспективой.

– Ее мать связывала с нами давняя дружба. Мои шпионы доносят, что Гипаксия продолжит традиции Гекубы. Поначалу новое положение вызовет у нее растерянность и неуверенность, поэтому она с благодарностью примет руку дружбы, которую мы ей протянем.

У Рунна возникло смутное чувство, что Король Осени затягивает его в самое сердце сплетенной паутины.

– Я не женюсь на ней.

– Ты – наследный принц вальбаранских фэйцев. У тебя просто нет выбора.

Лицо отца так сильно напомнило ему лицо Брайс, что Рунн даже отвернулся. Удивительно, как до сих пор никто не догадался об их близком родстве.

– Рог Луны до сих пор не найден, – вдруг сказал отец.

– Ну и что? Какое отношение Рог имеет к навязываемому мне браку?

– Я хочу, чтобы ты его нашел.

Рунн посмотрел на закрытую записную книжку, потом на призму.

– Рог Луны исчез два года назад.

– А теперь я хочу, чтобы он нашелся. Изначально Рог принадлежал фэйцам. Общий интерес к его пропаже поугас. Теперь самое время обрести реликвию.

Отец постучал пальцем по столу. Что-то его раздражало, если не сказать, злило. Как командир фэйского подразделения Вспомогательных сил, Рунн был в курсе ежедневных дел отца. Что же сегодня намечено у Короля Осени? Встречи с напыщенной фэйской знатью, тренировка с личной гвардией и...

– Полагаю, ваша утренняя встреча с Микаем прошла успешно? – осторожно спросил Рунн.

Отцовское молчание подтвердило его подозрения. Янтарные глаза Короля Осени впились в Рунна, подмечая каждую мелочь и прежде всего – выражение лица.

– Микай пожелал обсудить повышение обороноспособности города на случай, если война перекинется к нам. Губер-

натор открыто заявил, что фэйцы... уже не те, какими были.

Рунн замер:

– Фэйские отряды Вспомогательных сил ничем не уступают волкам.

– Речь не о военной силе, а о нашей силе как народа. – Отец не скрывал своего отвращения. – Фэйцы давно теряют былые позиции. Наша магия слабеет с каждым поколением. Совсем как вино, которое все больше разбавляют водой.

Он хмуро посмотрел на Рунна:

– Вспышкой звездного света первый Звезднорожденный принц был способен ослепить врагов. Тебя хватает лишь на секундную искорку.

Рунн стиснул зубы:

– Если губернатор задел вас за живое, при чем тут я?

– Он оскорбил нашу силу. – Отцовские волосы полыхали огнем. Казалось, еще немного – и они расплавятся. – По его словам, вначале мы отдали Рог, а два года назад позволили святыне исчезнуть.

– Рог украли из Храма Луны. Эти обвинения не по адресу.

Рунн почти ничего не знал о реликвии и не придавал значения ее исчезновению.

– Мы позволили превратить святыню нашего народа в приманку для туристов, – резко проговорил отец. – И я хочу, чтобы ты нашел Рог.

«И тогда ты ткнешь им в физиономию Микая», – сердито подумал Рунн.

Мелочное тщеславие. В этом был весь его отец.

– Рог не обладает магической силой, – напомнил отцу

Руинн.

– Это символ, а символы всегда имеют собственную силу. Отцовские волосы вспыхнули еще ярче.

Руинн подавил стойкое желание съежиться. Все мышцы напряглись от воспоминания о пылающей отцовской руке, которая однажды обхватила его руку и прожгла до кости. Тогда ему не помогли никакие тени.

– Руинн, найди Рог. Если война придет на Вальбару, нашему народу остро понадобится плачущий символ.

Янтарные глаза Короля Осени пылали. Они были куда красноречивее слов.

Руинн догадывался еще об одной причине столь сильного отцовского возбуждения. Микай снова предложил отцу, чтобы Руинн сменил его в должности правителя Пяти Роз. Слухи об этом циркулировали годами. Архангел, конечно же, знал, как предложение взбеленит Короля Осени. Особенно в преддверии Встречи. Знал Микай и другое: обидные слова о тающей силе фэйского короля – неплохой способ взнудать фэйские отряды Вспомогательных сил. А уж будет война или нет – значения не имело.

Руинн отодвинул свои умозаключения и спросил:

– А почему бы вам самому не заняться поисками Рога?

Отец выдохнул, поморщив длинный тонкий нос, и огонь превратился в тлеющие угли. Кивком он указал на руку Руин-

на, где совсем недавно пылала искорка звездного света:

– Я и занимаюсь. Почти два года.

Руин удивленно заморгал.

– Когда-то Рог принадлежал Пелиасу – первому Звездно-рожденному принцу. Ты убедишься, что подобное вызывает к подобному. Сами поиски могут открыть тебе то, что недоступно другим.

В своей нынешней жизни Руин не утруждал себя чтением, ограничиваясь сводками новостей и докладами по линии Вспомогательных сил. Перспектива зарыться в древние книги, рассчитывая на озарение, когда убийца остается на свободе...

– Если мы заберем Рог себе, бед от губернатора не оберешься.

– Так сохрани это в тайне, принц.

Отец снова открыл записную книжку, показывая, что разговор окончен.

Вся затея была не чем иным, как политическим давлением на самолюбие. Микай рассердил отца, усомнился в его силе, и теперь отец собирался показать губернатору, какое положение на самом деле занимает фэйский народ.

Руин скрипнул зубами. Ему надо выпить, и чем крепче будет эта долбаная выпивка, тем лучше.

Он пошел к двери. Голова гудела. Боль после вызова звездного света накатывала на него с каждым словом из недавних отцовских фраз.

«Я же велел тебе предупредить эту девчонку, чтобы сидела тихо».

«Найди Рог».

«Подобное вызывает к подобному».

«Династический брак».

«Произведи на свет наследника».

«Ты в долгу перед своим родом».

Руинн захлопнул дверь и только где-то на середине коридора позволил себе засмеяться. Громко. Хрипло. Папочка-придурок так и не узнал, что сын соврал ему о словах Оракула, произнесенных несколько десятилетий назад.

Удаляясь от отцовской виллы, Руинн все отчетливее слышал отрешенный шепот Оракула. Он помнил дым, клубящийся вокруг нее, и себя, дрожащего на мраморном полу.

«Ваш королевский род прервется на тебе, принц».

Сиринкс царапал окно. Его обеспокоенная физиономия припечаталась к стеклу. Целых десять минут он без умолку шипел. Брайс устала за день и теперь мечтала только об одном – развалиться на угловом диване и смотреть свое любимое реалити-шоу, которое передавали по вторникам. Однако поведение химера заставило ее повернуться и взглянуть на причину беспокойства Сиринкса.

Ее домашний любимец, ростом чуть побольше терьера, пыхтел и царапал высокое окно. Заходящее солнце делало его золотистую шкуру красно-оранжевой. Длинный хвост с кисточкой на конце напоминал львиный. Сейчас этот хвост колыхался взад-вперед. Сложенные ушки были плотно прижаты к круглой голове. Складки кожи и длинные волосы на шее (не сказать чтобы грива) дрожали от урчания, а непропорционально большие лапы, оканчивающиеся птичьими когтями, сейчас находились...

– Прекрати! Ты процарапаешь стекло!

Сиринкс обернулся через круглое мускулистое плечико, поморщился (совсем как собака) и сощурил темные глаза. Брайс ответила ему сердитым взглядом.

Ее день был долгим, непонятным и утомительным, особенно после вестей от Юниперы. Подруга написала, что Фьюри сообщила ей о невиновности Бриггса и новом убий-

стве. Юнипера советовала Брайс быть осторожной. Вряд ли обе подруги знали о ее причастности к расследованию убийства и об ангеле, отправленном работать вместе с нею, но сообщение слегка задело Брайс. Фьюри по-прежнему не желала встречаться с нею. Даже кроткая Юнипера не заглянула к ней, а ограничилась сообщением.

Похоже, завтрашний день будет таким же изматывающим, если не хуже. Брайс вовсе не хотелось устраивать поединок характеров с тридцатифунтовым химером, даже если это и принесло бы некоторую разрядку.

– Ты уже гулял, – напомнила она Сиринксу. – И пообедал дважды.

Сиринкс ответил невразумительным звуком и снова ца-рапнул окно.

– Прекрати! – вяло прошипела Брайс, хотя и старалась говорить властным тоном.

Она делала вид, что обладает властью над зверюгой, а Сиринкс ей в этом подыгрывал.

Брайс со стоном выбралась из уютного гнездышка подушек и протопала по паркету и ковру к окну. Внизу еле-еле ползли машины. Это работники, жившие за городом, торопились вернуться домой. Принаряженная публика шла в модные рестораны, коими был усеян берег реки. Река находилась совсем близко – в конце квартала. Заходящее солнце окрашивало город и его жителей в красные, золотистые и розовые тона. Пальмы и кипарисы покачивались на прият-

ном весеннем ветерке. А еще... на крыше противоположного дома сидел ангел и смотрел прямо на ее окно.

Брайс сразу узнала эти серые крылья и темные, до плеч волосы. Широкие плечи она тоже узнала.

Защита, о которой говорил Микай.

Дерьмо собачье, а не защита! Все понятно: губернатор по-прежнему ей не доверял, невзирая на алиби.

Брайс одарила Ханта Аталара ослепительной улыбкой и задернула тяжелые шторы. Между складками обнаружился вопящий Сиринкс. Его хвост раскачивался маятником.

– Наслаждался зрелищем? – сердито спросила Брайс, встав в классическую позу домохозяйки: руки, упертые в бока.

Сиринкс показал ей весь набор своих острых зубов, заурчал и отправился на диван, где улегся на теплые подушки. Олицетворение отчаяния.

На экране телевизора появилась заставка реалити-шоу. И сейчас же зазвонил ее телефон на кофейном столике.

Номер был незнакомым, но Брайс не удивилась, услышав ворчливый голос Ханта:

– Откройте шторы. Я тоже хочу посмотреть эту передачу.

Брайс вытянула голые ноги, уложив их на столик.

– Вот не знала, что ангелы залипают на примитивные передачи.

– Я бы предпочел матч по солнечному мячу. Он сейчас идет на другом канале, но готов удовольствоваться тем, что

есть.

Умбра Мортис, смотрящий состязание ухажеров. Мысль была настолько смехотворной, что Брайс поставила передачу на паузу. Ничего, пропустит рекламный блок.

– Аталар, что вы делаете на крыше?

– Выполняю приказ.

Храни ее боги!

– Защита моей персоны не предполагает вторжения в мою личную жизнь.

Вообще-то, здорово, что ее охраняют, но Брайс пока не была готова отказаться от личных границ.

– Другие не согласились бы с вашими словами.

Брайс приготовилась возразить, но он не дал:

– У меня есть четкие распоряжения, и я не могу их нарушить.

У Брайс свело живот. Нет, Хант Аталар ни в коем случае не нарушит данных ему распоряжений.

Такое не позволялось ни одному рабу, будь он ваниром или человеком. Брайс решила сменить тему и спросила:

– Откуда вы узнали мой номер?

– Он значится в вашем досье.

Брайс ударила пяткой по столу:

– Вы побывали у принца Рунна?

Брайс не пожалела бы золотой марки, чтобы посмотреть лобовое столкновение ее брата с персональным ассасином Микая.

– Туда ходил Исая, – проворчал Хант. Брайс улыбнулась. – Стандартный протокол.

– Смотрите, как интересно. Ваш начальник поручил мне найти убийцу, но вас все равно потянуло проверять мое алиби?

– Правила дурацкие, но не я их устанавливаю. Это вам понятно, Куинлан?

Брайс хмыкнула.

– Откройте шторы.

– Нет уж, спасибо.

– Могли бы пригласить меня к себе и облегчить мне работу.

– Ни в коем случае.

– Почему?

– Потому что вашу работу вы прекрасно можете выполнять и на крыше.

Смешок Ханта пробрал ее насквозь.

– Нам приказано добраться до самой сути убийств. Мне очень неприятно вам это говорить, дорогая, но нам придется по-настоящему сблизиться.

Надо же, как он произнес это словечко – «дорогая». Небрежно, снисходительно, даже унизительно. Брайс скрипнула зубами.

Она встала, под пристальным взглядом Сирикса прошлепала к окну и раздвинула шторы ровно настолько, чтобы увидеть ангела. Хант стоял на соседней крыше, прижав к уху те-

лефон и слегка развернув крылья, словно балансировал на ветру.

– Даже если вам очень нравится роль спасателя слабых женщин, расследование поручено мне. Вы не более чем поддержка.

Крыши разделяло достаточное расстояние, но Брайс увидела расширенные глаза ангела.

– Может, пропустим стадию дурацких перебранок? – спросил он.

Сирикс тыкался ей в икры, затем просунул морду между ее ногами и стал глазеть на ангела.

– Как называется ваша домашняя зверюшка?

– Химер.

– Такие стоят недешево.

– Стоил.

– Да и квартира у вас из весьма дорогих. Смотрю, колдунья хорошо вам платит.

– Естественно, – ответила Брайс.

Сказанное одновременно было и правдой и враньем.

Ангел взмахнул крыльями:

– Теперь у вас есть мой номер. Звоните, если что-то пойдет не так, если почувствуете тревогу или вам что-то понадобится.

– Например, пицца?

Брайс отчетливо увидела средний палец Ханта, поднятый над головой. И впрямь Тень Смерти.

– С такими крыльями из вас получился бы отличный посыльный, – сказала Брайс, хотя ангелы Лунатиона никогда не опускались до подобных работ.

– Не закрывайте шторы, Куинлан.

Он отключился. Брайс насмешливо помахала Ханту и плотно зашторила окно.

Едва она устроилась на диване, ангел прислал ей сообщение:

«Ваша квартира имеет защитные заклинания?»

Брайс расширила глаза и отстучала ответ: «Я что, выгляжу душой?»

«В городе творится дерьмовщина, против которой у вас есть первоклассная защита, однако вы предпочитаете испытывать мое терпение, устанавливая границы. Думаю, это достаточно характеризует уровень вашей разумности».

Брайс поморщилась и большими пальцами набрала ответ: «Улетайте-ка вы восвояси».

Она нажала кнопку отправки раньше, чем разум подсказал ей, что подобные слова в адрес Умбры Мортиса весьма опрометчивы.

Хант не ответил. Брайс с довольной улыбкой потянулась за пультом.

Глухой удар в стекло заставил ее подпрыгнуть. Сиринкс с воплем помчался к портьерам, мотая пушистой головой. Брайс вскочила и, тоже подойдя к окну, отдернула шторы.

За окном парил Падший ангел и сердито смотрел на нее.

На этот раз Брайс не ответила ему таким же взглядом. У нее колотилось сердце. Она открыла окно. Ветер от крыльев Ханта взъерошил ей волосы.

– Что еще?

Его темные глаза лишь моргнули. «Изумительно» – это застряло у Брайс в мозгу, когда она смотрела на его обаятельное лицо с резкими волевыми скулами.

– Вы можете облегчить себе расследование или, наоборот, усложнить его.

– Я не...

– Послушайте...

Ветер трепал темные волосы Ханта. Шелест его крыльев заглушал шум уличного движения. Люди и ваниры с одинаковым любопытством глазели на него.

– Вам не нравится, когда за вами наблюдают, возятся – называйте как хотите. – Он скрестил мускулистые руки. – Нам обоим не предоставили право выбора. А потому, чем понапрасну тратить время и силы на споры со мной, не лучше ли вам заняться списком подозреваемых и списком перемещений Даники?

– Почему бы и вам не перестать указывать мне, что я должна делать в свое свободное время?

В комнате ощутимо запахло эфиром.

– Я намерен быть с вами честен и прям! – прорычал Хант.

– Я польщена.

Ноздри ангела раздулись.

– Я сделаю все, чтобы найти виновника убийств. Если понадобится, привяжу вас к стулу, пока вы не составите оба списка.

– Насильственное сотрудничество, – усмехнулась Брайс. – Потрясающе.

Глаза Ханта помрачнели.

– Советую... меня... не злить, – с расстановкой произнес он.

– Конечно, конечно. Ведь вы – Умбра Мортис.

– Мне плевать, Куинлан, как вы меня называете, пока вы делаете то, что вам говорят, – сверкнул зубами Хант.

Проклятый альфа-придурок!

– Бессмертие – достаточно долгий срок, чтобы научиться повелевать другими, – бросила ему Брайс.

Она стояла, уперев руки в боки. Возбужденный Сиринок выплясывал у ее ног.

Оторвав взгляд от Брайс, ангел с интересом посмотрел на химера. Сиринок вдруг завилял хвостом. Хант усмехнулся.

– А ты смышленный зверь, как я погляжу. Смышленнее своей хозяйки, – сказал он, с упреком посмотрев на Брайс.

Брайс мысленно нарекла ангела «королем альфа-придурков».

Однако Сиринок не только вилял хвостом. Он стал охорашиваться, словно хотел понравиться Ханту. Брайс овладело глупое желание спрятать химера от Ханта, от всего и всех. Сиринок принадлежал ей, и только ей, и она была не в вос-

торге при мысли, что кто-то вломился в их маленький уютный пузырь.

– У вас есть оружие? – вдруг спросил Хант.

Чисто мужской блеск в глазах говорил ей, что он в этом сомневается.

– А вы вломитесь ко мне снова, тогда и узнаете, – невинным голоском произнесла Брайс и закрыла окно перед самым носом Ханта.

* * *

Хант прикидывал, какие беды ему грозят, если он утопит Брайс Куинлан в реке Истрос. После начала сегодняшнего утра любые наказания от Микая или превращение в свинью колдовством Джезибы Роги начинали ему казаться вполне заслуженными.

Он стоял, прислонившись к фонарному столбу. С небес сыпалась туманная морось. Хант до боли стиснул челюсти. В это время узкие улицы Старой Площади были заполнены работниками, приехавшими из пригородов. Кто-то спешил на работу в бесчисленные магазинчики и галереи, иные направлялись к небоскреbam Центрального делового района, маячившим в полумиле отсюда. Разумеется, все замечали его крылья, потом выражение лица – и старались обойти стороной. Ханту не было до них никакого дела.

Ангел взглянул на часы телефона. Четверть девятого. Он

и так ждал довольно долго, прежде чем позвонить. Хант набрал номер. Ему ответили после двух гудков.

– Умоляю, скажи, что Брайс жива, – часто дыша, протаторил Исаяя.

Судя по голосу, он сейчас находился либо в казарменном спортзале, либо наслаждался обществом своего друга.

– На данный момент, да.

В телефоне что-то пискнуло. Похоже, Исаяя уменьшил скорость беговой дорожки.

– Мне нужно знать, почему ты позвонил так скоро? – (Пауза.) – Почему ты на улице Самсон?

Местонахождение Исаяя определил по маячку на телефоне Ханта, что не помешало Ханту хмуро покоситься в сторону ближайшей видимой камеры. Камеры наверняка были спрятаны и в листве пальм и кипарисов, окаймлявших тротуары, и замаскированы под головки распылителей, торчащих из мокрой травы цветочных клумб. Не исключено, что и в столбе, который Хант сейчас подпирал, тоже имелась камера.

Кто-то всегда наблюдал. В этом долбаном городе, на континенте, в мире кто-то всегда наблюдал. Камеры были сделаны из особо прочных материалов и окружены заклинаниями, а потому могли выдержать бомбовый удар. Даже если смертельная магия серных ракет астерианской гвардии сравняет город с землей, камеры запечатлеют и это.

Пространство над улицей пересекла стайка перепелов.

Наверняка не птицы, а семейство птичьих оборотней.

– Кстати, ты знаешь, что химеры способны открывать замки и двери, а также перемещаться между двумя точками с легкостью перехода из одной комнаты в другую? – хрипло спросил Хант.

– Нет. А что? – спросил Исая, продолжая восстанавливать дыхание.

Куинлан об этом тоже не знала, раз устроила своему любимцу домик в ящике. Может, она это делала ради уюта своей зверюшки, чтобы у него было его персональное место, по аналогии с собачьей конурой. Если бы не целая сеть охранных заклинаний вокруг ее квартиры, Сирикс давно улизнул бы оттуда.

Химер принадлежал к низшему классу ваниров. Все Низшие (их так и называли) обладали не особо сильными, но интересными магическими способностями, что обуславливало их высокую стоимость на рынке. За тысячи лет их положение ничуть не изменилось. Сенат и астерии противились любой попытке законодательно изменить положение Низших, и они так и оставались собственностью, которую покупали и продавали. Аргумент властей был прост: Низшие слишком опасны. Они не понимают законов, а их магия в определенных случаях может оказаться разрушительной, если ее не сдерживать особыми магическими татуировками и различными заклинаниями.

Власти умалчивали, что торговля Низшими – весьма до-

ходное занятие.

И потому Низшие оставались Низшими.

Хант поочередно сложил крылья. Капельки воды стекали по его серым перьям, как маленькие бриллианты.

– Это уже сущий кошмар, – сказал Хант.

Исайя кашлянул:

– Ты следил за Куинлан всего одну ночь.

– Точнее, десять часов. Пока на рассвете ее зверь не появился рядом со мной. Я задремал, и он решил меня разбудить... укусом в задницу, после чего исчез с крыши, вернувшись в квартиру. Через несколько секунд Куинлан вышла из спальни, раздвинула шторы и увидела, как я, будто последний идиот, почесываю укушенный зад. Тебе известно, какие острые зубы у этого звереныша?

– Нет.

Хант мог поклясться, что слышит улыбку в голосе Исайи.

– Когда я подлетел к окну – потребовать объяснений, она врубила музыку на всю мощь и начисто игнорировала мое присутствие.

Хант даже не пытался проникнуть в квартиру через окно. За ночь он убедился: квартира Брайс окружена цепью заклинаний, способных выдержать напор целой стаи ангелов. Ему оставалось лишь сердито смотреть через стекло, пока Куинлан не вышла из спальни, в одном черном спортивном лифчике и трусиках. Тогда он вернулся на крышу. Брайс смотрела на его отступление, и улыбка на ее физиономии была

как у довольной кошки.

– Я не видел ее до самого выхода на пробежку. Она побегала, даже не взглянув на меня.

– И ты отправился на улицу Самсон, чтобы предаться грустным размышлениям. Что за срочность?

– Да пойми, придурок: я могу убить ее раньше, чем мы найдем настоящего убийцу.

Хант уже был измучен, а ведь расследование даже не началось.

– Ты просто зол, что она не пугается и не заискивает перед тобой.

– Можно подумать, мне нужны чьи-то заискивания!

– А где Куинлан сейчас?

– Делает маникюр.

Исайя молчал. Пауза затянулась. Хант подозревал, что Исайя сейчас кусает губы, стараясь не расхохотаться во все горло.

– Теперь понятно, почему ты торчишь на улице Самсон в столь ранний час.

– И пялюсь в витрину маникюрного салона, будто долбанутый сталкер.

Куинлан явно не спешила искать убийцу, и это злило Ханта не меньше, чем ее поведение, вдобавок усиливая подозрение. Он не знал возможных мотивов, которые могли толкнуть ее на убийство Даники, Стаи Дьяволов и Терциана-младшего, но она была каким-то образом связана со всем

этим. Подозрительно и то, что накануне убийств она посетила «Белый ворон». Она что-то знала или что-то сделала.

– Мне пора идти, – сказал Исая. Хант знал: его друг сейчас улыбается во весь рот. – Ты справлялся с вражескими армиями, пережил арену Сандриелы и столкновения с архангелами. – Исая усмехнулся. – «Принцесса сборищ» – не такой уж крепкий орешек.

Исая отключился.

Сквозь витрину салона Хант прекрасно видел Брайс, восседающую за одним из мраморных столиков. Руки она держала вытянутыми, а хорошенькая дракийка, покрытая красновато-золотистыми чешуйками, наносила на ее ногти очередной слой лака. Сколько слоев требуется ногтям этой девочки?

По причине раннего утра посетительниц в салоне было совсем немного. Все они делали маникюр: маникюрши придавали желаемую форму ногтям и когтям, покрывали их лаком, разрисовывали и прodelывали Хел знает что еще. Однако все посетительницы дружно глазели на него.

Хант уже заработал сердитый взгляд администраторши с зеленовато-голубоватыми волосами (оборотня, способной превращаться в сокола), но она не отваживалась выйти и потребовать, чтобы он не пугал клиентуру.

Только Брайс не пялилась на него. Она начисто игнорировала присутствие Ханта и весело болтала с дракийкой, занимавшейся ее ногтями.

Когда Брайс вышла из дому, Хант мгновенно взмыл в небо. Он следил за ее перемещением, снедаемый желанием опуститься посреди улицы и вцепиться ей в горло. Хант представлял, сколько шуму это бы наделало. Вся публика, спешащая на работу, выхватила бы телефоны и начала снимать редкое зрелище.

Пробежка длиной в пятнадцать кварталов оказалась целенаправленной и привела Брайс к маникюрному салону, куда она подбежала, почти не вспотев. Зато ее облегающий беговой костюм был мокрым от дождевой мороси. Прежде чем войти в салон, Брайс наградила ангела предостерегающим взглядом, чтобы не думал тащиться за нею.

Это было час назад. Целый час маникюрша обрабатывала ногти Брайс ножницами, пилочками и прочими штучками-дрючками. Даже Лань содрогнулась бы от такой процедуры. Сушная пытка.

Хант решил: еще пять минут, а потом он пойдет и вытащит ее из салона. Должно быть, Микай спятил. Только так можно было объяснить решение привлечь ее к расследованию. Знал бы архангел, что у Куинлан маникюр стоит выше поиска убийцы ее друзей.

Хант не понимал, почему его это удивляет. Он-то навидался разных личностей: и ваниров, и людей, и прочих. Столько мучений выдержал. Казалось бы, поведение капризной девчонки должно занимать его не больше, чем жужжание мухи.

Чувствовалось, Куинлан привыкла, что с ее лицом и фигурой она может легко открывать любые двери. Состояние полукровки имело свои минусы, и немало, если говорить об устройстве жизни на планете. Но Куинлан справлялась. И отлично справлялась, раз сумела обзавестись такой квартирой.

Дракийка отставила флакончик с лаком и всплеснула когтистыми руками над ногтями Брайс. Посыпались магические искры. Конский хвост Брайс вздрогнул, словно на жарком сухом ветру.

Как и у вальбаранских фэйцев, магия дракийцев тяготела к пламени и ветру. В северных областях Пангеры Ханту встречались дракийцы, способные вызывать воду, дождь и туман. Они владели магией природных стихий. Но ни дракийцы, ни фэйцы (включая магов-отшельников) не умели вызывать молнии. Хант это знал, поскольку в юности усиленно искал тех, кто владел схожим даром и мог бы научить его управлять молниями. Так никого и не найдя, Хант был вынужден учиться самостоятельно.

Брайс оглядела свои ноготки и улыбнулась. Потом обняла дракийку. Хел побери, обняла, словно та была героиней, совершившей подвиг на войне!

Хант удивлялся, как от скрежетания зубами не стер их до корней. Свершилось! Брайс встала с табурета и направилась к двери, помахав улыбающейся администраторше. Та подала ей сухой зонтик, чтобы вновь не мокнуть под дождем.

Стеклянная дверь открылась. Только теперь Брайс вспомнила о присутствии Ханта.

– Вы что, издеваетесь надо мной? – отрывисто спросил он.

Она открыла зонт, едва не задев Ханту глаз.

– Неужели у вас нет других занятий? – вопросом ответила Брайс.

– Из-за вас я больше часа проторчал под дождем.

– Но вы же сильный закаленный мужчина. Вам ли бояться дождичка?

Хант пошел рядом с нею:

– Я просил вас составить два списка, а не бежать в этот долбаный маникюрный салон.

Брайс остановилась на перекрестке, пропуская лавину еле ползущих машин. Она вытянулась во весь рост. Конечно, она и сейчас значительно уступала Ханту, но это позволяло ей говорить с ним свысока (хотя ей по-прежнему приходилось задирать голову).

– Если у вас такой опыт в расследованиях, почему бы не заняться этим самому и освободить меня от ненужной траты времени и сил?

– Вы получили приказ не от меня, а от губернатора.

Дурацкие слова. Хант это понимал. Брайс перешла улицу. Хант не отставал.

– Думаю, у вас должна быть личная заинтересованность найти того, кто стоит за всеми убийствами.

– Не стройте догадок насчет моей заинтересованности, –

ответила Брайс, ловко огибая лужу не то дождевой воды, не то мочи.

На улицах Старой Площади сплошь попадалось то и другое.

Хант едва удержался, чтобы не толкнуть Брайс в лужу.

– У вас есть сложности в общении со мной?

– Мне до вас и дела-то нет, поэтому какие могут быть сложности?

– Взаимно.

Теперь ее глаза вспыхнули, будто поймав отсвет далекого огня. Брайс смерила Ханта взглядом, проехавшись по каждому дюйму его тела, отчего он вдруг показался себе жалким карликом.

Хант молчал, пока они не свернули на улицу, где стоял ее дом.

– Вам необходимо составить список подозреваемых и список всех дел и перемещений Даники в последнюю неделю ее жизни.

Брайс внимательно разглядывала отманикюренные ногти, имевшие цвет от розового до сиреневого. Совсем как сумеречное небо.

– Аталар, никому не нравится, когда на него давят.

Они достигли стеклянного арочного входа в ее дом. Вход был сделан в виде рыбьего плавника. Хант это выяснил минувшей ночью. Двери бесшумно разошлись.

– Пока, – весело бросила ангелу Брайс, мотнув конским

ХВОСТОМ.

– Ваше демонстративное поведение может кое-кого навести на мысль, что вы пытаетесь помешать официальному расследованию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.